

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 6 · № 5 · СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ · 2008

Содержание

- Поворот руля *Фёдор Лукьянов* 5
- Ураган перемен**
- Куда идет наш мир? *Иммануил Валлерстайн* 8
В ближайшей перспективе придется считаться с государствами и их узкокорыстными интересами, чтобы не сорваться в пропасть. Выверяя каждый шаг, нужно стремиться к политике непричинения зла. Иначе мы окончательно заблудимся и погибнем.
- Шестнадцать потерянных лет *Пол Китинг* 12
Крупнейший вызов, с которым мы сталкиваемся, заключается в необходимости создать поистине представительную структуру мирового управления, отражающую глобальные реалии и обеспечивающую справедливый баланс влияния. На протяжении двух сроков Билла Клинтона и двух сроков Джорджа Буша шагов к созданию такой системы, способной интегрировать Россию, Китай и Индию, сделано не было.
- Шанс, которым не воспользовались *Андрей Грачёв* 24
Мир сегодня находится на расстоянии световых лет от горбачёвской эпохи с характерными для нее оптимистическим видением и «новым политическим мышлением». Обещанная стабильность международных отношений не наступила, и самым распространенным способом решения конфликтов остается сила.
- Война в Грузии и век «реальной силы» *Энтони Кордесман* 38
Сейчас не американский век, не западный век и не конец истории. Это по-прежнему время, когда противоборствующие национальные ценности и амбиции так же важны, как и в прошлом. Предстоящий период по-прежнему будет отмечен не только международной напряженностью, но и локальными конфликтами с применением силы, а также угрозами со стороны негосударственных акторов.

После «пятидневной войны»: горизонт

- Новая холодная война** *Сергей Караганов* 44
 Главная цель игры, которую навязывают России, — сорвать модернизацию страны. Поэтому во что бы то ни стало нужно сохранять и приумножать личные свободы граждан, расширять поле их политических свобод, делать экономику более эффективной, борясь с коррупцией и бюрократизацией.
- Смена парадигмы** *Александр Аксенёнок* 55
 Переход от политкорректного выяснения отношений к действиям конфронтационного характера назревал давно. Признав Абхазию и Южную Осетию, Россия показала Западу, что навязываемая ей модель партнерства, построенная на лицемерии и двусмысленностях, не может дальше работать.
- 11 сентября наоборот** *Владимир Овчинский* 65
 Дальнейшее развитие России невозможно без мощного проекта по борьбе с коррупцией. Новая холодная война со стороны Запада будет вестись под лозунгами противодействия «российской мафии». И это надо использовать как повод для самоочищения и начала собственной операции «Чистые руки».
- Война с неизвестной целью** *Виталий Шлыков* 73
 Действия грузинской стороны во время боевых действий представляются странными и нерациональными, если исходить из того, что Тбилиси хотел одержать победу. Но если предположить, что истинной мотивацией служило спровоцировать полномасштабный конфликт Москвы с внешним миром, все встает на свои места.

После «пятидневной войны»: соседи

- Новый шанс на лидерство** *Давид Эркомаишвили* 90
 Статус России как одной из великих держав неотделим от постсоветского пространства. Оно является оплотом реального стратегического влияния Москвы в мире, единственным живым остатком некогда могущественного Союза и, в конце концов, шансом России на мировое возрождение.
- Конец многовекторности** *Алексей Власов* 101
 Многовекторная дипломатия, принцип которой на протяжении долгого времени исповедовали все государства СНГ, больше не приносит желаемых результатов. Игра на противоречиях крупных игроков хороша, пока все участники партии следуют общим правилам. В противном случае она опасна.
- Региональные конфликты: перезагрузка** *Сергей Маркедонов* 113
 Создан прецедент перекройки границ бывших союзных республик СССР. То, на чем держался постсоветский мир начиная с декабря 1991 года, рухнуло. На карте бывшего Советского Союза появились два новых государства. И доводы о том, что они, мол, признаны только Россией, по сути, ничего не меняют.
- Нация-государство или государство-нация?** *Алексей Миллер* 127
 Продолжение украинизаторской политики будет способствовать росту и без того усилившегося дискомфорта восьми миллионов русских и создавать новые возможности для углубления ирредентизма. Если политическая мобилизация русских граждан Украины выльется в создание «русской» партии, то Киев столкнется с трудной проблемой.

После «пятидневной войны»: Запад

- Россия одна навсегда?** *Тома Гомар* 140
 Внешняя политика Москвы основана на идее державничества: либо Россия — великая держава, либо она полный ноль. В основу курса на мировой арене положены постимпериалистические и националистические интересы. Президент Дмитрий Медведев и его премьер-министр выбрали гордое одиночество.
- Путешествие в разных лодках** *Иван Сафранчук* 151
 Взаимоотношения России и Соединенных Штатов приобретают новое качество. Москва и Вашингтон могут сотрудничать по отдельным частным вопросам, но стратегически каждый сам по себе — точно не в одной лодке. Каждый сел в свою.
- Взгляд поверх геополитических баталий** *Томас Грэм* 162
 Если придерживаться реалистичного взгляда на вещи, то следует констатировать: в отношениях между Россией и США сотрудничество соседствует с соперничеством, что для любых двух крупных держав в порядке вещей. Нормальные отношения на основе уважения — это все, что нужно, чтобы попытаться справиться с задачами, которые стоят перед обеими странами.
- Пределы рационального выбора** *Тимофей Бордачёв* 174
 Америка ставит Европу перед необходимостью все более сложных решений. По мере того как несостоявшийся гегемон теряет абсолютное превосходство, он делает всё более резкие движения ради сохранения контроля над ключевыми странами и регионами.

Третья сила

- Подъем Китая и будущее Запада** *Джон Айкенберри* 190
 Подъем КНР неизбежно приведет к завершению однополярного момента Соединенных Штатов. Но это не обязательно является альтернативой между насильственной борьбой за власть и свержением западной системы. Возглавляемое США международное устройство может сохранить доминирующее положение и после того, как интегрирует усилившийся Китай, но только в том случае, если Вашингтон немедленно приступит к укреплению существующего либерального порядка.
- Партнерство равных** *Фред Бергстен* 204
 Пекин не стремится брать на себя большую ответственность за мировую экономику. Чтобы подвигнуть Китай к поведению, которое отвечало бы всеобщим интересам, Вашингтон должен обратиться к нему с предложением разделить глобальное экономическое лидерство.
- Многополярная гегемония** *Александр Ломанов* 219
 Почти одновременное появление публикаций в США и Китае на тему «партнерства равных» и «совместного господства» указывает на возможность создания новых альянсов, способных изменить расстановку сил в глобальном масштабе.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

ЗЮЗИН И.В.
ОАО «Мечел»

КУЗЬЯВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1950.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)
(в личном качестве)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.
(в личном качестве)

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЫК Б.Н.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ДУБИНИН Ю.В.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Газеты «Время новостей», «Российская газета».
- Информационное агентство РИА «Новости» • Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов «КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Редактор
Александра Кобзева

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блининикова

Ответственный секретарь
Валерия Чистякова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
op@globalaffairs.ru

*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Поворот руля

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Этот номер журнала был уже практически сверстан, когда пришлось отложить почти все подготовленные материалы и начать работу заново.

События августа 2008 года называют переломным моментом. Нападение Грузии на Южную Осетию и ответные действия России привели не только к резкой эскалации противоречий между Москвой и западными столицами, но и к качественному изменению российского восприятия Запада. Консолидация общества и элит, ставшая следствием российско-грузинского конфликта, уже отражается на внешней политике России, и это, судя по всему, не конъюнктурное колебание, а действительно начало чего-то нового.

Мы не претендуем на всеобъемлющую оценку случившегося, так как для этого потребуется гораздо больше времени. Номер, который вы держите в руках, фактически стал специальным выпуском по итогам «пятидневной войны», и наши авторы проводят экспресс-анализ по горячим следам кризиса.

Энтони Кордесман напоминает в связи с августовскими событиями: иллюзии о том, что изменилась суть международных отношений, ушли в

прошлое — классическая силовая политика никуда не исчезла и берет реванш. **Андрей Грачёв** и **Пол Китинг** возвращаются к истокам глобальных перемен, пытаясь понять, можно ли было пойти другим путем и построить новый мировой порядок после окончания холодной войны? Оба автора приходят к выводу, что шанс, представившийся на рубеже 1980—1990-х, был безвозвратно упущен. К чему привело подобное «расточительство», пишет **Иммануил Валлерстайн**, предрекающий опасный период глобального хаоса и неуправляемости, который наступает вследствие ослабления Соединенных Штатов.

Сергей Караганов констатирует, что «пятидневная война» дала формальную отмашку новой эпохе противостояния между «старым» Западом и быстро развивающейся незападной частью мира. **Виталий Шлыков** пытается понять мотивы, которыми руководствовался Тбилиси, устраивая провокацию в Южной Осетии, и делает парадоксальный вывод: Грузии не нужна была победа. **Александр Аксёнок** рассматривает югоосетинскую трагедию в контексте общей деградации мировой системы за последние два десятилетия. Он полагает, что

предстоит фундаментальная смена парадигмы во внешней политике Кремля. **Владимир Овчинский** называет случившееся «11 сентября наоборот» и считает, что на «международной контртеррористической коалиции» можно ставить крест.

Отношения России с Западом претерпевают серьезные изменения. **Томас Гомар** полагает, что Москва взяла курс на «стратегическое одиночество» — отчасти осознанно, отчасти из-за внутренней логики развития.

Иван Сафранчук анализирует российско-американские связи и подводит черту под эпохой, когда стороны утверждали, что находятся «в одной лодке». Отныне Москва и Вашингтон не будут даже делать вид, что сверяют свои курсы. **Томас Грэм** с горечью констатирует, что никогда со времени окончания холодной войны расхождения не были столь глубокими. При этом он уверен: общие вызовы рано или поздно заставят искать пути к взаимопониманию. **Тимофей Бордачёв** подчеркивает, что залогом стабильности Евразии служит стратегический альянс России и Европейского союза. А стремление США удержать контроль над Старым Светом будет играть дестабилизирующую роль на континенте.

Трудно переоценить значение, какое имели августовские события для постсоветского пространства. **Алексей Власов** полагает, что для бывших союзных республик наступает время выбора: поле многовекторности сужается. **Давид Эркомашвили** видит

новый шанс для реинтеграции — только так Россия сможет вернуть себе статус по-настоящему великой державы. **Сергей Маркедонов** указывает на то, что война в Южной Осетии и дальнейшие события отменили главный принцип, на котором базировалась относительная устойчивость, — незыблемость советских административных границ.

Наконец, отдельный блок материалов посвящен державе, не участвующей в противостоянии России и Запада, но потенциально способной оказаться победителем в нем, — Китаю. Чем масштабнее нестабильность на евро-атлантическом и евро-азиатском пространствах, тем важнее роль Пекина и тем больше другие великие державы стремятся заручиться его поддержкой. **Джон Айкенберри** уверен, что Соединенные Штаты должны обеспечить интеграцию КНР в западнцентричный мировой порядок, поскольку Китаю он выгоден. **Фред Бергстен** придерживается противоположной точки зрения: Китай не заинтересован в нынешней системе, созданной по лекалам Соединенных Штатов. И именно поэтому Вашингтону и Пекину необходимо совместно ее перестроить и возглавить. Перспективы такого дуумвирата рассматривает **Александр Ломанов**, который обращает внимание на то, что подобные идеи обсуждаются и в Китае.

В следующем номере мы продолжим дискуссию о новую реальности. Надеюсь, что в более штатном режиме.

Ураган перемен

Журнал *Punch* (Великобритания). 1914 г.

“ Китай и Россия по-прежнему способны воспламенить и мобилизовать свое население в политическом и стратегическом смысле — то, что Европа делала в XIX и XX веках. Конечно, российская экономика никогда не сравнится по мощи и объему с экономиками КНР и США. Но даже если не считать Россию третьим «полюсом силы», нельзя отрицать ее колоссальное стратегическое значение ”

Куда идет наш мир? *Иммануил Валлерстайн*

8

Шестнадцать потерянных лет *Пол Китинг*

12

Шанс, которым не воспользовались *Андрей Грачёв*

24

Война в Грузии и век «реальной силы» *Энтони Кордесман*

38

Куда идет наш мир?

Многополярность и относительный закат американской мощи

Иммануил Валлерстайн

В преддверии грядущего десятилетия можно ожидать бурных событий в двух областях — геополитике и мировой экономике. Относительный закат американского геополитического могущества сегодня признают практически все, и даже Барак Обама, если он станет президентом, будет не под силу доказать обратное.

Мы движемся к поистине многополярному миру, в котором внезапно обретают силы более слабые государства. Одним из ярких примеров такого рода служит Ближний Восток. Турция становится посредником на переговорах Сирии и Израиля, которые, казалось, давно зашли в тупик. Катар содействует консультациям между враждующими группировками в Ливане и добивается перемирия. Египет стремится взять на себя посредническую миссию в контактах между ХАМАС и Израилем. Переговоры с ХАМАС возобновляют власти Палестины. А пакистанское правительство де-факто заключает перемирие с движением «Талибан» в приграничных с Афганистаном зонах.

Примечательно, что Соединенные Штаты выступали против всех этих дипломатических инициатив, но их рекомендации упомянутые страны и организации оставили без внимания, что не повлекло за собой никаких неприятных последствий.

Наряду с США, Европейским союзом и Японией на мировую сцену выходят такие игроки, как Россия, Китай, Индия, Иран, а также Бразилия как возможный лидер латиноамериканского блока и ЮАР как потенциальный лидер блока Южной Африки. Некото-

Иммануил Валлерстайн — старший научный сотрудник Йельского университета, автор книги *«European Universalism: The Rhetoric of Power»* («Европейский универсализм: риторика силы»), изданной в Нью-Йорке (2008). Опубликовано в интернет-журнале *YaleGlobal* 10 июля 2008 года.

рые страны активно маневрируют в поисках новых альянсов, идут напряженные внутренние дебаты о том, какие партнеры наиболее оптимальны, и предсказать окончательное решение невозможно. Ряд других государств (к примеру, Египет и Канада, Мексика и Нигерия, Пакистан и Польша, Украина и Южная Корея) не знают, как вести себя в складывающейся геополитической обстановке.

Понятно, что новая расстановка сил — это совсем не то, к чему привык наш мир. Мы имеем дело еще не с полной анархией, но с массовым геополитическим беспорядком, который усугубляется пугающей неопределенностью состояния мировой экономики.

В первую очередь это касается валютного курса. По крайней мере с 1945 года мы жили в мире стабильного доллара. Закат Соединенных Штатов — в частности, как главного центра мирового производства — в сочетании с непомерно возросшим государственным долгом вызвали серьезное ослабление курса американской валюты. При этом совершенно непонятно, как долго доллар будет падать. Его ослабление ставит серьезную экономическую дилемму перед другими странами, особенно теми, что разместили свои растущие активы в акциях и облигациях, деноминированных в долларах. Они разрываются между желанием поддержать США как главного покупателя их экспортной продукции и реальными убытками, которые несут в связи с обесцениванием активов. И в то же время эти государства размышляют, когда настанет подходящий момент для перевода активов в другие валюты. В финансовых вопросах главное — не упустить время, чтобы перевод активов в иные валюты не был ни преждевременным, ни запоздалым.

Способны ли другие валюты заменить доллар в качестве главной резервной валюты мира? Очевидным кандидатом на эту роль является евро. Пока неясно, сможет ли евро выполнять эту функцию и желают ли европейские правительства взять на себя такое бремя, хотя нельзя исключить, что это все же произойдет.

Возможно ли, что для расчетов в международной торговле будут использоваться сразу несколько мировых валют — доллар, евро, иена, китайский юань и фунт стерлингов? Этот вопрос сродни вопросу о геополитических альянсах: подобная ситуация грозит наступлением если не абсолютного хаоса, то по меньшей мере, масштабной неразберихи. Правительства и производители будут чувствовать себя крайне дискомфортно, не говоря уже о пенсионерах всего мира.

Многие крупные страны наращивают и свою производительную мощь, и уровень потребления. Достаточно взглянуть на так называемые государства БРИК – Бразилию, Россию, Индию и Китай, где проживает свыше половины населения земного шара. Рост производства и потребления здесь привел к невероятному повышению спроса на энергоносители, сырье, продукты питания и питьевую воду. Чем-то придется пожертвовать. В связи с резким ростом цен на предметы потребления, который подстегивается повышенным спросом и биржевыми спекуляциями, возможен всплеск инфляции во всем мире. Кроме того, вероятен массовый подъем протекционистских настроений, поскольку правительства будут стремиться защитить свои национальные резервы, ограничивая экспорт.

Как известно из опыта прошлых лет, это может создать порочный круг. Миру угрожает повсеместный дефицит, что приведет к росту смертности и серьезным экологическим катастрофам.

Столкнувшись с сокращением реальных доходов и находясь под прессингом избирателей, которые не позволяют повышать налоги для сокращения дефицита бюджета, правительства могут сократить расходы на образование, здравоохранение и пенсии по старости. Однако именно эти три столпа социальной политики, ставшие частью процесса демократизации, который происходил в мире на протяжении двух последних столетий, всегда были главным требованием общественности разных стран к своим правительствам. Правительства, неспособные поддерживать эти три вида общественного перераспределения материальных благ, утратят легитимность в глазах электората, что чревато непредсказуемыми последствиями, вплоть до акций гражданского неповиновения и восстаний.

Как раз эту безрадостную картину рисуют аналитики, которые доказывают, что система давно вышла из состояния равновесия и уверенно движется к хаосу. Конечно, хаос не может длиться вечно, поскольку рано или поздно ситуация должна каким-то образом разрешиться. В своем классическом труде «Порядок из хаоса: новый диалог человека с Природой» Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс назвали «порядком, вырастающим из хаоса». Авторы подчеркивают: когда дорога разветвляется, начинается творчество, принимается решение, хотя нам и неизвестно, какой именно выбор будет сделан.

В противостоянии левых и правых первые совершили головокружительное восхождение в XIX и особенно в XX веках, сумев добить-

ся поддержки широких слоев населения. После 1945 года казалось, что левые преуспевают всюду и во всем.

Затем пришло великое разочарование. Страны, в которых к власти пришли движения, сформировавшиеся вне рамок классической политической системы, на практике оказались далеки от тех идеалов и того государственного устройства, на которые рассчитывали народные массы. К тому же иллюзией оказалось впечатление, что эти режимы являются шагом вперед на пути к прогрессу, и это движение необратимо. В начале 1990-х левые утратили веру в собственное превосходство. На смену ей пришли апатия, а зачастую и пораженческие настроения.

Тем не менее, как нам хорошо известно, триумфальные настроения правых завели мир в тупик. Наиболее ярко это проявилось в абсолютной неспособности американских неоконсерваторов «законсервировать» имперское господство США в мире. Мятеж сапатистов в 1994 году, успешное блокирование очередного раунда переговоров в рамках ВТО в Сиэтле в 1999-м и учреждение Всемирного общественного форума в Порту-Алегре в 2001 году — все это ознаменовалось возвращением на мировую арену левых сил, у которых открылось второе дыхание.

Мы живем в хаотичном мире, и непонятно, куда движемся. Это все равно что пытаться пробиться сквозь снежную бурю. Выжить удастся лишь тем, кто определяет направление движения по компасу и выверяет каждый шаг, чтобы не провалиться в занесенную снегом яму. Компас направляет человечество к среднесрочным целям — созданию нового миропорядка, при котором мы хотели бы жить. Чтобы выверять каждый свой шаг, нужно проводить политику непричинения зла. Если мы этого не сделаем, то окончательно заблудимся и погибнем. Давайте рассуждать о направлении, указанном компасом, не обращая внимания на националистические поползновения, присущие государствам. Вместе с тем в ближайшей перспективе нам придется считаться с государствами и их узкокорыстными интересами, чтобы не сорваться в пропасть. Тогда у нас будет шанс выжить и построить иной мир, который все еще возможен.

Шестнадцать потерянных лет

Почему не сложился «новый мировой порядок»

Пол Китинг

Один влиятельный американский исследовательский центр недавно сообщил, что 66 % человечества живет сегодня в странах с высокими или быстро растущими доходами. Тридцать лет тому назад таких было 25 %. Статистика поистине впечатляет!

С 1982-го мир пережил двадцатипятилетнюю полосу непрерывного экономического роста при двух непродолжительных циклических рецессиях в инвестиционной активности, которые случились в 1989–1990 и 2000–2003 годах. Столь длительный период экономического подъема и низкой инфляции стал причиной беспрецедентного повышения уровня благоденствия. Рост мировой экономики можно представить в виде длинной линейной кривой.

Такой период макроэкономического консенсуса и стабильности иначе называют временем «великого спокойствия» — умеренности и соразмерности во всем, что связано с производством товаров и услуг и их всеобщей трансформацией в финансовые и налоговые потоки.

С этим продолжительным временем роста и стабильности совпало стратегическое умиротворение конца 1980-х, уход со сцены биполярного мира и окончание холодной войны, которая угрожала жителям земного шара во второй половине XX века. Биполярность испарилась в мгновение ока.

На смену ей пришло однополярное мироустройство, когда Запад диктовал условия, а американский орел гордо реял в небе над своим горным жилищем. Эта победа также совпала с началом полномасштабной глобализации. Национальные границы открылись для

Пол Китинг — премьер-министр Австралии в 1991–1996 годах. В основу данной статьи положена речь, произнесенная на Мельбурнском фестивале писателей 23 августа 2008 года. Опубликовано на сайте <http://www.theage.com.au>.

товаров и финансовых потоков, что способствовало интенсификации торговли и финансовой взаимозависимости. Как оказалось, умиротворение на планете стимулировало глобализацию и экономический рост. В последний раз подобный период всеобщего мира и благоденствия наблюдался после Наполеоновских войн.

Невольно возникает вопрос: смогут ли эти две трети человечества, живущие в странах с высокими и быстро растущими доходами, адекватно воспринять рост своего благосостояния? Или же само по себе это материальное изобилие будет подтачивать людей изнутри и духовно опустошать, выхолащивая высокие убеждения и вечные ценности, которые были с нами во все века? Возможно, вопрос следует сформулировать еще категоричнее: не завлекут ли нас обольщение богатством и светской роскошью, а также связанный с ними эгоцентризм в трясину бездуховного довольства, поддерживаемого лишь неспособностью других к эффективной самоорганизации с целью завладения нашими благами либо нарушения нашего блаженного существования?

ГУБИТЕЛЬНОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ ЗАПАДА

Быть может, прав был папа римский Бенедикт XVI, сказавший недавно, что западный мир «утомлен собственной культурой, алчностью, эксплуатацией, разделением, собственными лжебогами и разочарованием в ложных обещаниях»? То есть мы живем в мире, не имеющем путеводной звезды и абсолютных истин.

Примерно ту же мысль высказывал Джон Стюарт Милль, который полагал, что главная борьба в жизни происходит между творческим началом и «тиранией обычаев», или, можно сказать, между самобытностью и традицией. Творческие натуры пытаются сбросить оковы современной культуры, изобилующей ложными идолами и химерами идеализируемого счастья.

В своей сиднейской проповеди Бенедикт XVI отметил, что «жизнь наша есть поиск истины, добры и красоты» и когда эти цели отодвигаются на задний план в погоне за материальным достатком, то мы начинаем блуждать в болоте неопределенности и субъективных ощущений, пренебрегая этическими нормами и абсолютной истиной. Субъективный опыт в отрыве от истины и добра, продолжал он, «ведет к нравственному и интеллектуальному зашатаванию и в конечном итоге к отчаянию».

Способны ли мы начать новое движение Просвещения, но не то, которое обожествляет науку и технический прогресс, а то, которое

основано на закваске разума, добродетели и наиболее здорового использования научных достижений? Нам нужно такое Просвещение, которое взывало бы к глубокому внутреннему достоинству каждой человеческой жизни и преодолевало препоны национальной и религиозной принадлежности. Можем ли мы в мире, который сжимается благодаря современному транспорту и средствам связи и подвержен климатическим изменениям и природным катастрофам, а также воздействию разрушительного оружия массового уничтожения, придумать более возвышенные принципы сосуществования? Те, что свободны от своекорыстия, бездумного национализма либо извращенного чувства собственного превосходства?

Бенедикт утверждает, что государство не могут быть «источником истины и нравственности», что таким источником могут быть лишь вечная истина и нравственные ценности, дающие нам понимание того, что значит быть человеком. Эти истины передаются от одного поколения к другому, от общества к обществу, от государства к государству. По словам папы римского, мы — одно из Божьих творений и в настоящее время переживаем уникальную трансформацию в историю — сдвиг «центра силы» с Запада на Восток.

В течение 500 лет Европа доминировала в мире. Сегодня, несмотря на все ее богатство и плотность населения, она движется к относительному упадку. Согласимся ли мы со справедливостью этой трансформации, учитывая место жительства большинства населения земного шара, и будем ли готовы принять ее неизбежность? Или же станем недовольно роптать подобно тому, как Европа противилась возникновению творения Бисмарка в конце XIX столетия?

В связи с проведением XXIX Олимпийских игр в Китае мы стали свидетелями проявления недоверия к нему и возмущения по поводу его притязаний на принадлежность к нашему миру или даже на то, чтобы стать одним из нас. Западная либеральная пресса в целом критически освещала эстафету олимпийского огня, сопоставляя то добро, которое она собой олицетворяет, с изъянами китайской демократии, рассматривая ее почти исключительно через призму Тибета. Если почитать западные газеты, то складывается впечатление, будто устремления этой огромной нации, составляющей четверть человечества, с трудом выбирающейся почти из вековой нищеты и страданий, практически нелегитимны потому, что отношение нынешнего китайского правительства к политическим свободам, а в некоторых случаях к правам человека не находится на должной высоте. При этом игнорируются феноменальный

технологический прорыв китайского народа, рост доходов, улучшение жилищных условий, преодоление бедности и нищеты, снижающаяся детская смертность, растущее качество образования и — по всем меркам — более высокий уровень жизни, который сегодня доступен подавляющему большинству китайцев.

Мы с высокомерной снисходительностью относились к праву Китая на организацию летних Олимпийских игр, его праву «выйти в свет», его моменту славы и триумфа. Западные критики, чувствуя, что центр мира смещается на Восток, и будучи недовольны этим обстоятельством, пытаются унижить огромные нации данного региона, утверждая, что их политические системы и ценностные ориентиры не выдерживают сравнения с нашими ценностями.

Не так давно Генри Киссинджер высказал ту же мысль, заявив, что в XXI веке мы не можем делать в Китае то, что другие намеревались сделать там в XIX столетии: диктовать принципы внутреннего политического устройства и пытаться «строить Азию». Далее он задает правомерный вопрос: должны ли мы разделять мир на союз демократий и недемократические страны или необходимо выработать более конструктивный подход к региональным особенностям и историческим условиям?

Насколько дееспособен был бы мир, разделенный на демократии и недемократические государства по демаркационной линии, которую провели бы самонадеянные либералы, ориентирующиеся на демократию в духе Томаса Джефферсона? Бытует мнение, что, стань Китай настоящей демократией, в мире не останется конфликтов. Ведь демократии всегда живут в мире с другими демократиями. А бывшее военное-политическое государство сначала превращается в торговое, с ростом же благосостояния и возможностей укрепляются демократические институты и ценности. Однако необходимо иметь в виду, что даже если бы все страны мира стали демократиями, международный порядок все равно остался бы анархичным по своей сути.

Индия и Пакистан — демократии, но трений между ними это не уменьшает. Демократическая Германия развязала войну с другими европейскими демократиями в 1914 году. Кто-то скажет, что Германия при Вильгельме не была демократией в чистом виде, но можем ли мы предугадать путь к миру во всем мире, устраивая конкурс красоты на самую изящную или эффектную демократию? Насажение демократии — рискованное мероприятие, однако по окончании холодной войны либеральные интервенционисты принялись за дело. Что из этого вышло, хорошо видно на примере Ирака.

Английский историк и социолог Ричард Генри Тауни однажды заметил, что война — это либо крестовый поход, либо преступление. Горе постигает всех нас, если крестоносцам дается карт-бланш на военные авантюры во имя демократии в тех странах, где нет даже соответствующих внутривнутриполитических структур либо институтов для реализации или тем более возвращения демократии. Возможно, нам следует также принять к сведению, что Джон Стюарт Милль предпочитал свободе прогресс либо, по крайней мере, свободу вкупе с прогрессом.

На самом деле, мы впервые за всю историю человечества живем в глобальном мире. Авиация и телекоммуникации обеспечивают взаимосвязь и взаимопроникновение, о которых прошлые поколения могли только мечтать. Благодаря теленовостям и цифровым технологиям мы ежедневно узнаем о событиях, происходящих в разных концах земного шара, в режиме реального времени. Наша деятельность не ограничивается лишь теми странами, в которых мы живем, но мы соотносим все свои дела и поступки с миром в целом. Мы мыслим глобальными категориями.

С этого времени нам придется действовать в соответствии с всеобъемлющей, глобальной стратегией, в основе которой лежат прогресс и процветание человечества, а не просто распространение или насаждение демократии. Это не значит, что у нас нет нового холста, на котором мы можем нарисовать более радужную картину.

НАСЛЕДИЕ КЛИНТОНА И БУША

Впервые со времен Первой мировой войны распад Советского Союза открыл двери в новую эру мира и сотрудничества. Россия, униженная, но невредимая, ослабила вожжи и позволила республикам бывшего СССР и странам социалистического лагеря освободиться от ига. Мудрые политики, такие, как Джордж Буш-старший, Гельмут Коль, Brent Скоукрофт и Джеймс Бейкер, позаботились о том, чтобы осколки советской империи не разлетелись, но были бы стратегически «припаркованы» без лишнего шума и праздничных реляций, дабы гарантировать упорядоченный переход от эпохи Горбачёва к эпохе Ельцина, а также к независимому существованию государств Варшавского договора вне протектората России. Горбачёв даже согласился на вступление объединенной Германии в НАТО, несмотря на то, что 26 миллионов его соотечественников сложили жизни во имя освобождения своей родины от фашизма.

Джордж Буш-старший говорил о «новом мировом порядке», но проиграл на выборах Биллу Клинтону. И что случилось после это-

го? Да ровным счетом ничего! Американцы отпраздновали победу и покинули поле боя.

Величайший вызов, который бросает нам современность, заключается в создании подлинно представительной и справедливой, отражающей глобальные реалии структуры всемирного управления для преодоления чрезвычайных ситуаций в политической либо экономической сфере. В течение двух президентских сроков Клинтона и последующих двух сроков Джорджа Буша-младшего в мире не было конструкции, которая учитывала бы интересы таких колоссов, как Россия, Китай и Индия. Вместо этого президент Клинтон и президент Буш предложили нам довольствоваться миропорядком образца 1947 года, созданным странами-победителями во Второй мировой войне. В этом мироустройстве не нашлось места для Германии и Японии, которые до сих пор, 60 с лишним лет спустя, остаются на периферии мировой политики. В нем также нет полноценного места таким великим нациям, как Китай и Индия. В лучшем случае к ним относятся терпимо, вяло реагируя на их интересы.

Мы потеряли 16 важных лет и сегодня живем уже не в том мире, каким он был 16 лет тому назад. Тогда Китай не представлял собой мировую державу, а сегодня он ею стал. Россия пребывала в упадке, ныне же она динамично развивается и укрепляется. В настоящее время мы являемся свидетелями заката американского могущества. Однако же в течение этих важнейших лет два президента США ничего не сделали для усовершенствования мирового порядка и международных организаций, чтобы подготовиться к тому моменту, когда Соединенные Штаты станут просто одной из равных им великих держав или даже близкой к великим.

Старая Европа – Великобритания Тони Блэра и Франция Жака Ширака – тоже не оказала Америке никакой помощи. В конце концов, в 1947-м они находились в привилегированном положении благодаря статусу стран-победителей. Однако Блэр не внес никакого творческого вклада в этот процесс, довольствуясь ролью американского прислужника. Ширак был просто неспособен на независимое стратегическое мышление.

Истина состоит в том, что мы снова движемся к биполярному миру. В отличие от старого биполярного мира, он не будет держаться на страхе. Однако он явно не будет многополярным. Только две страны сегодня могут претендовать на статус мировых сверхдержав: США и Китай.

Это обстоятельство в скором времени поставит нас перед необходимостью принятия важных решений. Для начала: будем ли мы относиться к КНР как к фактору стабильности и добра и нашему партнеру в глобальном мире или продолжим и дальше считать эту страну опасным экономическим соперником, за которым нужен глаз да глаз в стратегическом смысле?

Кто-то может сказать: а как же Европа? Не нужно сбрасывать ее со счетов — ведь это еще один «полюс силы». Я так не думаю. После урегулирования страшных вооруженных конфликтов XX столетия Европа избрала для себя роль региональной силы, сотрудничающей с международными организациями. Полномочия каждого некогда суверенного государства слились в некое однородное, но безликое целое. Этому целому явно не хватает важнейшего из всех стратегических компонентов — политической способности мобилизовывать и направлять население, а также решительно реагировать на возникающие конфликты военными средствами и делать это на собственных условиях и в интересах своего населения. В долгой истории Европы эта гомогенизация — желанная перемена, однако главная задача — распространить эту наднациональную культуру на другие регионы мира.

Такие государства, как Китай и Россия по-прежнему способны воспламенить и мобилизовывать свое население в политическом и стратегическом смысле — то, что Европа делала в XIX и XX веках. Возможно, наступит время, когда молодые люди в этих странах будут отказываться от призыва на военную службу, но произойдет такое нескоро. Учитывая, что военная мощь КНР растет пропорционально ее экономике, разумно предположить, что единственным равноценным ей военно-стратегическим и экономическим «полюсом силы» на планете будут Соединенные Штаты.

Но давайте не сбрасывать со счетов русских. Конечно, российская экономика никогда не сравнится по мощи и объему с экономиками Китая и США, хотя она уже феноменально укрепилась, буквально ожив на пепелище 1990-х годов. Но Россия будет достаточно богатой страной для того, чтобы поставить на боевое дежурство впечатляющий арсенал ядерных вооружений. Так что независимо от того, следует ли считать Россию третьим «полюсом силы» или нет, нельзя отрицать ее колоссальное стратегическое значение.

Тем более достойно сожаления, что после неожиданного примирения конца 1980-х администрация Билла Клинтона опрометчиво решила окружить Россию со всех сторон, пригласив в НАТО быв-

ших членов Варшавского договора — Польшу, Венгрию и Чешскую Республику. Поступив таким образом, Соединенные Штаты проигнорировали один из уроков истории: победитель должен вести себя великодушно по отношению к побежденным. В данном случае победитель и его представитель НАТО фактически предложили бывшим членам советского блока стать перебежчиками и тем самым заняли территорию, ранее принадлежавшую Советскому Союзу и находившуюся в сфере влияния России.

Настанет время, когда США придется относиться к России как к великой суверенной державе, имеющей такой же широкий круг национальных интересов, какой имеют другие великие державы.

Тем временем величайшая опасность подобного авантюризма со стороны Запада состоит в том, что, когда граница Североатлантического альянса вплотную приблизится к Западной Украине, русские дадут менее дорогостоящий асимметричный военный ответ, поставив весь свой ядерный арсенал на боевое дежурство. Это сразу увеличит опасность ошибочного ядерного удара со стороны Москвы. То есть остальному миру придется в большей степени полагаться на российских полководцев, боевых командиров и разведывательные службы, нежели на президента РФ или его правительство. Хотя холодная война давно окончена, опасность ошибочного упреждающего удара возросла.

Россия — единственная страна в мире, которая имеет возможность нанести невосполнимый урон Соединенным Штатам и Западной Европе, серьезно подорвав их экономический потенциал. Не кажется ли вам, что, когда русские сдали свою империю на рубеже 1990-х годов, США нужно было попытаться найти для них разумное место в общей системе стратегической безопасности? То есть следовало позаботиться о рациональном сосуществовании с Россией в рамках имеющихся международных институтов, памятуя о времени до начала холодной войны, когда мы были союзниками в борьбе с Гитлером. С человеческой точки зрения было еще важнее пригласить 140-миллионное население России, изрядно потрепанное в XX столетии, в сообщество процветающих наций.

Вместо этого Соединенные Штаты повели себя так, как это делали другие страны-победители на протяжении всей истории: они беззастенчиво использовали свое выгодное положение, окружив Россию военным щитом и обращаясь с ней как с потенциальным противником, а их сателлиты из Западной и Центральной Европы еще больше настраивали Америку против Москвы.

Недавно США подписали с Польшей договор о размещении элементов системы противоракетной обороны на границе с Россией. Официально эта система предназначена для защиты Европы и Ближнего Востока от Ирана. Но даже поляки сейчас говорят о необходимости сдерживать с помощью ПРО агрессивные устремления Москвы. После распада Советского Союза НАТО представлялась организацией, отжившей свой век, однако Америка сделала ее проводником собственной политики и влияния в системе европейской безопасности.

Вполне логично было бы предположить, что после падения «железного занавеса» ведущие страны Европы, такие, как Германия, Франция и Великобритания, позаботятся о разработке системы безопасности, отвечающей их национальным интересам и культуре. Конечно, в тесном взаимодействии с Соединенными Штатами, но не под их диктовку. Однако каким бы вероятным ни казался такой сценарий, в конечном итоге все ключевые решения в области европейской обороны и безопасности принимаются в Вашингтоне. Отсюда и стратегическая импотенция Европы.

Такое развитие событий играет на руку российским националистам и ослабляет в российском обществе силы, которые ратуют за либеральные демократические принципы и ценности.

ОПАСНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Все это высвечивает самую насущную проблему населения Земли: огромные арсеналы ядерного оружия. Его распространение — это единственная непосредственная угроза, нависшая над миром. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу в 1970-м, находится на грани краха.

Этот договор является самым вопиющим примером двурушничества и фарисейства в международных отношениях. Суть дела в том, что государства, имеющие статус ядерных держав, обязались уничтожить свое ядерное оружие, а другие страны, подписавшие документ, обязались не разрабатывать его. Однако сегодня большинство ядерных держав не только не избавились от своих старых арсеналов, но и фактически работают над новыми видами оружия.

В 2006 году Тони Блэр объявил о программе создания новых атомных подлодок «Трайидент», а администрация Джорджа Буша начала разрабатывать специальные атомные боеголовки для уничтожения подземных укрытий и бункеров. Быстрые на подъем русские также совершенствуют свой арсенал.

Старые запасы ядерных зарядов имели сомнительное преимущество, будучи предназначены исключительно для самообороны. Новая разновидность американского оружия явно предназначена для активного развертывания и применения в военное время, в том числе и против русских. Можно ли после этого ожидать, что страны, подписавшие ДНЯО, не говоря уже о не подписавших его государствах, будут придерживаться взятых на себя обязательств?

В стратегическом вакууме, который образовался после бурных событий, связанных с окончанием холодной войны, я как премьер-министр Австралии, страны, подписавшей ДНЯО и не обладающей ядерным оружием, создал в 1995-м Канберрскую комиссию по уничтожению ядерных вооружений.

Австралийский профессор военно-стратегической политики Роберт О'Нил, входивший в Канберрскую комиссию, недавно написал о своем опыте переговоров, которые он вел со странами «ядерной пятерки» после опубликования отчета. По его словам, только китайцы были готовы серьезно говорить об изменениях, которые рекомендовала комиссия. А четыре других ядерных государства — США, Россия, Великобритания и Франция — заняли исключительно оборонительную позицию. Американцы и русские дали понять, что будут разговаривать только друг с другом. Что же касается Великобритании и Франции, то, по словам О'Нила, они заявили, что рассматривают ядерное оружие как необходимый рычаг политического влияния, без которого их правительства не смогут оказывать никакого воздействия на Вашингтон и Москву, а также в рамках НАТО.

Вот почему всех нас, понимающих, что ДНЯО при нынешних реалиях недееспособен, так порадовал совместный призыв к уничтожению всех ядерных вооружений, опубликованный в январе 2007 года американскими политиками — бывшими государственными секретарями Генри Киссинджером и Джорджем Шульцем, а также бывшим министром обороны Уильямом Перри и бывшим сенатором Сэмом Нанном. В октябре 2007-го они провели в Стэнфордском университете совместную конференцию о способах лоббирования своего предложения. Роберт О'Нил считает, что ныне доклад Канберрской комиссии имел бы больше смысла, чем в 1996 году. Всем понятно, что ни о каком нераспространении не может быть и речи до тех пор, пока страны — вдохновители ДНЯО не избавятся от своих избыточных ядерных арсеналов.

Посмотрите на Индию, Пакистан или даже Северную Корею. Ни одно из этих государств не подписывало ДНЯО. Однако Индия, которая обзавелась ядерным оружием, теперь выторговывает у Америки сделку о поставках ядерных технологий. Соединенные Штаты на удивление благосклонно отнеслись к режиму генерала Первеза Мушаррафа в Пакистане благодаря наличию у него ядерного оружия.

А между тем положение в Пакистане довольно скользкое и рискованное. Беназир Бхутто убита, как и ее отец, а сам Мушарраф покинул свой пост. Кто теперь будет управлять ядерными вооружениями Пакистана: очередная неустойчивая коалиция политических партий либо очередной генерал? Складывается впечатление, что, если у вас есть ядерное оружие и вы им потрясаете, у вас больше шансов быть замеченным и заслужить снисхождение. Классическим примером в этом отношении может служить Северная Корея, с которой Вашингтон обращается весьма деликатно.

Многие считают, что современные средства связи и глобализация экономического благосостояния снижают вероятность вооруженного конфликта, поскольку глобальная взаимозависимость и сжимание мира делают войну крайне непродуктивным способом разрешения споров и разногласий.

Нелишне напомнить, что те же слова произносили и во время великого подъема торговли между Великобританией, Францией, Германией и набравшими силу США перед 1914-м. Урок для нашего времени заключается в том, что, когда принимаются неверные политические и стратегические решения, это быстро отражается на экономике, но не наоборот. Сама по себе торговля, какой бы интенсивной она ни была, не способна исправить стратегические просчеты.

БРЕМЯ ЛИДЕРСТВА

Как уже отмечалось, система глобального управления пока анархична: она была и остается такой. Подобную ситуацию нельзя исправить, но можно создать структуры, смягчающие самые крайние ее проявления. Открытым остается вопрос о решимости и воле Запада. На тот же вопрос убедительно ответило поколение, которое пережило Великую депрессию и Вторую мировую войну, а затем привело нас в новую эру мира и благоденствия. Не стали ли мы излишне благодушными, а также духовно и интеллектуально вялыми из-за того, что нам слишком легко все далось, так что теперь толь-

ко страшные стратегические, экономические или экологические угрозы способны избавить нас от этого благодушия?

Теперь, когда маятник качнулся на Восток, утратит ли Запад всякую мотивацию быть лидером мирового сообщества? Неужели научный прогресс и индустриализация с ее рогом изобилия в виде всякого рода товаров и благ увели нас слишком далеко от простых потребностей и заботы о всеобщих нуждах? Стал ли XX век психологическим столетием, как писал Роджер Смит в своей «Истории гуманитарных наук», в котором люди добились права на частную жизнь и уединение и утратили интерес к общественной жизни, которая так важна для стимулирования верных политических решений, способствующих всеобщему благу?

Не слишком ли долго мы, как общество, игнорируем общественную деятельность? Сможем ли мы приспособиться должным образом к постоянству мира и благоденствия, с тем чтобы это не ослабляло в нас животворного стремления к поиску добра, истины и красоты, как выразился папа Бенедикт?

Я верю, что новый международный порядок, основанный на справедливости и признании прав каждого жить в мире и согласии, станет единственно возможной долгосрочной альтернативой. Старый миропорядок, созданный странами-победителями, скомпрометировавшая себя ООН, агонизирующая «Большая восьмерка» ведущих держав мира, не желающих расставаться с оружием массового уничтожения, — это анахронизмы жестокого XX столетия. Они не могут быть основой для справедливой и эффективной системы мирового управления.

Подобно тому как озабоченность мирового сообщества проблемами глобального потепления заставила политиков более трезво взглянуть на эту угрозу, в области поиска продолжительного мира озабоченность мирового сообщества должна подтолкнуть все основные державы и регионы к созданию оптимальной глобальной конструкции. Эта цель осуществима, но она требует лидерских качеств, визионерства, должного понимания и добродетели.

Философ Иммануил Кант сказал, что в один прекрасный день на Земле установится всеобщий мир. Единственный вопрос в том, будет ли это следствием прозрения человечества либо результатом всеобщей катастрофы?

Человечество требует, чтобы был реализован первый, а не второй сценарий.

Шанс, которым не воспользовались

Забытые уроки «нового политического мышления»

Андрей Грачёв

Внезапное окончание холодной войны — это, безусловно, доминирующее событие второй половины XX века — продолжает оставаться самым неожиданным и непонятным феноменом нашего времени. Объяснения «победителей» и «побежденных» значительно отличаются, но даже в сумме не дают ответа на главный вопрос: почему это произошло?

Холодная война завершилась мирно, но, поскольку ее окончание не было оформлено никаким актом о капитуляции или послевоенным конгрессом по образцу Потсдамской конференции лета 1945 года, остается значительное расхождение во взглядах даже на время ее прекращения. Когда именно это произошло?

КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Согласно преобладающему мнению, холодная война завершилась в 1989-м, хотя среди многих событий, которые произошли в том году, выбирают разные символы. Для одних это 9 ноября — падение Берлинской стены. Другие называют декабрьский саммит на Мальте, где на совместной пресс-конференции Джордж Буш и Михаил Горбачёв объявили миру, что больше не считают свои страны противниками.

Оксфордский профессор Арчи Браун, напоминая, что холодная война была борьбой идеологий, тоже датирует ее формальное окончание 1989 годом. Он пишет: «Холодная война началась с советского за-

А.С. Грачёв — председатель научного комитета Мирового политического форума, в прошлом — пресс-секретарь и советник президента СССР. Данная статья основывается на главе из книги *Gorbachev's Gamble. Soviet Foreign Policy & the End of the Cold War* («Пари Горбачёва. Советская внешняя политика и окончание холодной войны»). Она вышла в свет в 2008 году в издательстве *Polity* (Кембридж, Великобритания).

хвата Восточной Европы в форме прихода к власти коммунистических партий, контролировавшихся Москвой. Она закончилась, когда страны Центральной и Восточной Европы стали некоммунистическими и независимыми». Однако он же полагает, что с идеологической точки зрения холодная война прекратилась еще до того, как она завершилась на политическом поле. Браун ссылается на две важные речи Михаила Горбачёва в 1988-м — доклад на XIX партийной конференции летом и «анти-Фултонское» выступление в ООН в декабре.

Американский политолог Мэттью Эванджелиста также считает символом окончания холодной войны речь в ООН, в которой Горбачёв объявил об одностороннем сокращении численности советских войск и обычных вооружений в Восточной Европе. Эта речь, полагает Эванджелиста, «обозначила окончание холодной войны в Европе, поскольку сделала советские вооруженные силы неспособными ни на начало вторжения на Запад с занимаемых позиций, ни на крупное вмешательство для сохранения контроля над “братскими” союзниками в Восточной Европе».

Выделяет эту речь и Анатолий Черняев, помощник Михаила Горбачёва, но для него самым важным является новый концептуальный подход к внешней политике — призыв к отказу от использования силы как метода решения международных проблем одновременно с признанием суверенного права народов на выбор политической системы. Сделав такое заявление, Генеральный секретарь ЦК КПСС формально разорвал политическую связь со своими предшественниками.

Однако помимо «романтических» оценок заявления Горбачёва, были, конечно, и «реалистические». Например, госсекретарь США Джеймс Бейкер предпочел подождать, пока обещания не воплотятся в действительность. И долго ждать не пришлось. Уже в 1990 году советско-американская политическая «Антанта», объявленная на Мальте, подверглась двойному испытанию. Во-первых, она столкнулась с деликатным вопросом о членстве объединенной Германии в Североатлантическом альянсе и, во-вторых, с проблемой вторжения Саддама Хусейна в Кувейт. В обоих случаях Горбачёв не отошел от заявленных им принципов.

В ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне в мае 1990-го он подтвердил, что признаёт за будущим объединенным германским государством «право выбора» альянса, полностью сознавая, что им станет НАТО. Агрессию Ирака против Кувейта Горбачёв без колебаний

назвал грубым нарушением международного права, не имеющим оправданий. Согласно Бейкеру, переломным моментом стал день августа 1990 года, когда он и Эдуард Шеварднадзе зачитали во Внукове совместное пресс-коммюнике, в котором осудили иракское вторжение и потребовали вывода войск из Кувейта. «Через полвека после того, как холодная война началась с взаимной подозрительности и идеологического пыла, она испустила последний вздох в терминале аэропорта в пригороде Москвы», — пишет Бейкер в своих мемуарах.

Общая позиция, занятая Москвой и Вашингтоном, представляла собой для Бейкера не только «историческую демонстрацию солидарности супердержав»; она обрисовала обнадеживающую перспективу стабильного и безопасного международного порядка после окончания холодной войны.

Именно этой перспективой вдохновлялся президент Джордж Буш после возвращения с мини-саммита с Горбачёвым в Хельсинки. Выступая перед Конгрессом 11 сентября 1990 года (ровно за 11 лет до другого, рокового 11 сентября), он пообещал американцам и всему миру «новый мировой порядок», основанный на верховенстве закона, а не на законе джунглей».

Буш имел, казалось, все основания для оптимизма, и не только потому, что Горбачёв непосредственно перед этим заверил его в советской поддержке американской позиции по Кувейту. Были и другие регионы мира, где «солидарность супердержав» способствовала разрешению хронических конфликтов, накопившихся за десятилетия холодной войны.

Европа двигалась к историческому саммиту, на котором в ноябре 1990 года была принята Хартия для новой Европы, провозгласившая конец эпохи разделения и конфронтации. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), подписанный 19 ноября после многолетних политических торгов между дипломатами и военными, предусматривал значительные сокращения численности войск и обычных вооружений армий стран Варшавского договора, которые в течение долгих лет внушали Западу страх перед лицом советского блицкрига. Варшавский договор и НАТО должны были из военных блоков трансформироваться в политические элементы инфраструктуры новой панъевропейской системы безопасности.

В Африке, на континенте, который много лет служил полем битвы сверхдержав, действовавших через местных сателлитов, тоже возникли новые возможности для разрешения внутренних и регио-

нальных противоречий. Даже такой застарелый и, казалось бы, безнадежный конфликт, как ближневосточный, начал подавать признаки возможного прогресса. Новый уровень советско-американского сотрудничества по урегулированию кризиса в Персидском заливе стимулировал распространение этого опыта на поиск решения израильско-палестинской проблемы.

Советская и особенно американская стороны предпочитали отрицать прямую связь между международными действиями, которые должны были заставить Саддама вывести войска из Кувейта, и предложением созвать мирную конференцию по Ближнему Востоку, однако она была очевидна. Горбачёв начал подталкивать Буша в этом направлении еще со времен их встречи в Хельсинки. Сначала американцы реагировали неохотно, опасаясь, что взаимосвязь между этими двумя вещами можно интерпретировать как вознаграждение агрессора. Однако в январе 1990-го, когда подготовка наземной операции против Ирака вошла в заключительную стадию, Джеймс Бейкер согласился на упоминание о проекте общего мирного урегулирования на Ближнем Востоке после встречи со вновь назначенным министром иностранных дел СССР Александром Бессмертных. «Это награда для Горбачёва, а не для Саддама», — сказал ему Бейкер. (Конференция под председательством Буша и Горбачёва состоялась в Мадриде в конце октября 1991 года.)

В течение этих критических месяцев, казалось, укрепилась общая структура глобальной политики и основные ее институты получили шанс эффективного функционирования. Выступая 29 ноября 1990-го на открытии заседания Совета Безопасности ООН, созданного для обсуждения санкций против Саддама Хусейна, Джеймс Бейкер имел достаточно оснований заявить: «Оставив холодную войну позади, сейчас мы имеем шанс построить тот мир, который представляли себе основатели Организации Объединенных Наций. Мы получили возможность превратить Совет Безопасности и сегодняшнюю Организацию Объединенных Наций в подлинный инструмент мира и справедливости на всей планете».

И в самом деле, после Мальты американская картина «нового мирового порядка» не слишком расходилась с «новым политическим мышлением» Горбачёва ведь советский президент тоже верил в возможность перейти от «баланса сил» к «балансу интересов» и в то, что это будет достигнуто за счет укрепления международных организаций, прежде всего ООН.

В мемуарах обоих лидеров — советского и американского — поражает удивительно похожий тон, с которым описывается этот период. Они с явной ностальгией рассказывают о необыкновенном политическом «романе» между двумя сверхдержавами, покончившими с десятилетиями взаимного страха и недоверия. Новые американско-советские отношения, возникшие на базе духа доверия между лидерами, отражали чувство общей ответственности за пока еще неведомый мир, который они собирались освободить от груза конфронтации, длившейся почти полвека.

Однако меньше чем через полгода Михаил Горбачёв, партнер президента США по строительству будущего «нового мирового порядка», будет вынужден покинуть свой пост, а один из предполагаемых бастионов будущей постройки — демократизированный Советский Союз — окажется в руинах.

Для многих на Западе именно падение исторического соперника обозначило окончание холодной войны. Казалось, что история завершилась счастливым концом как либеральный и демократический триумф. Предполагалось, что теперь ничто не потревожит единственную оставшуюся супердержаву либо помешает ей установить собственную версию закона и порядка на планете.

Сейчас мы знаем, что было дальше. Политическая вселенная, возникшая после холодной войны, сегодня именуется миром «после 11 сентября». Вместо комфортного «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы мир столкнулся с новыми беспрецедентными вызовами, в частности международным терроризмом. Вернулись и некоторые прежние проблемы.

РОЛЬ ГОРБАЧЁВА

Американо-российские отношения, по крайней мере в части риторики, к которой прибегают политические элиты или пресса, напоминают о днях холодной войны. Ряд стратегических вопросов, которые, казалось, были успешно решены во времена политического сотрудничества Рейгана/Буша с Горбачёвым, вернулись в повестку дня. Среди них — модернизация ядерных и обычных вооружений, снижение уровня взаимного доверия, расширение НАТО на Восток, проблемы с ПРО и ракетами средней дальности и т. п.

Сам Михаил Горбачёв считает, что распад Советского Союза лишил мир важного фактора стабильности, создав угрозу для позитивного преобразования международной политической сцены, о котором мечтали на Мальте лидеры обеих супердержав. Да и те западные

аналитики, для кого холодная война закончилась за два года до того, как прекратил существование Советский Союз, утверждают, что в качестве ее источника следует рассматривать не существование СССР, а политическую природу Российского государства.

Насколько реалистичной была стратегия Горбачёва? Мог ли даже реформированный Советский Союз трансформироваться в бастион нового демократического международного порядка? Не было ли противоречия между горбачёвским замыслом глубокой политической реформы и желанием сохранить Советское государство, которое несло на себе тавро проекта большевиков?

Отвечая на эти вопросы, Горбачёв напоминает о своих намерениях превратить СССР в демократическую конфедерацию. Он приводит убедительные цифры голосования в пользу сохранения Союза на референдуме в марте 1991 года. Однако эти формальные доводы не способны устоять перед навязанной самим Горбачёвым логикой перестройки: ликвидация монопольного правления Коммунистической партии — основной результат его реформ — вела к разрушению политического режима и готовила почву для распада государства, основанного на идеологической догме и принуждении. Михаил Горбачёв своей практической политикой ответил на вышеприведенный вопрос. Отказавшись использовать силу для сохранения Союзного государства, он дал ясно понять, что не пожертвует демократической сердцевиной своего замысла для сохранения его жесткой скорлупы.

Несомненно, биография и политическая карьера Горбачёва неразрывно связаны с конечным жребием Советского Союза. Очевидно, что на сегодняшние противоречивые (и по преимуществу негативные) оценки многими россиянами итогов перестройки воздействуют хаотичность, двусмысленность и непоследовательность реформ. Но и западные аналитики не боятся переписывать историю, представляя роль Горбачёва как второстепенную.

Характерно, например, утверждение именитого историка холодной войны Джона Льюиса Гаддиса о том, что «Горбачёв никогда не являлся лидером в том смысле, в каком лидерами были Вацлав Гавел, Иоанн-Павел II, Дэн Сяопин, Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Лех Валенса и даже Борис Ельцин. Все они держали в уме конечную цель и знали, каким путем к ней прийти. Горбачёв метался между противоречиями, не разрешая их».

Другие утверждают, что истинным стимулом для революционных преобразований Горбачёвым советских отношений с Западом

был «материальный упадок» СССР, который не оставлял советскому лидеру свободу выбора.

Некоторые западные аналитики, признавая исторические масштабы перемен, произведенных перестройкой внутри страны, представляют трансформацию международной ситуации как побочный продукт утопических планов, непредвиденный и нежелательный для самого Горбачёва. Он, мол, просто утратил контроль над силами, им самим выпущенными на свободу, и вел себя как политик одновременно и наивный, и непрофессиональный.

Не возвращаясь к разбору других обвинений, выдвигаемых против перестройки и ее инициатора как за рубежом, так и с нарастающим пылом в самой России, хочу задержаться на тезисе о «наивности» Горбачёва. Этот «наивный» ставрополец больше шести лет руководил уникальным процессом мирного демонтажа наиболее мощного и внушавшего страх тоталитарного режима второй половины XX века.

«Именно Михаил Горбачёв, а не Рональд Рейган или Джордж Буш положил конец коммунистическому правлению в Советском Союзе», — свидетельствует Джек Мэтлок, один из самых эффективных послов США в Москве и проницательный наблюдатель советского общества во времена беспрецедентных перемен.

В отличие от архитекторов демократических преобразований в послевоенной Германии или Японии советский реформатор не мог опереться на масштабную помощь победивших держав, а правящая каста тоталитарного режима не потерпела военного поражения. Когда Горбачёв начал вводить демократические процедуры и институты и пытался их защищать, ему пришлось мобилизовать и возглавить разброшенные и дезорганизованные демократические силы в самом советском обществе, в том числе и в правящей партии. Несмотря на огромное давление консервативных сил, именно Горбачёв, следуя провозглашенному им принципу свободы выбора, устоял перед соблазном применения силы, чтобы воспрепятствовать роспуску Варшавского договора и распаду советской империи, избавив мир от кошмара «Югославии с атомной бомбой» в масштабах целого континента.

Именно Михаил Горбачёв, чей отец сражался против немцев, а сам он пережил нацистскую оккупацию в 1942/43 годах, привез канцлера ФРГ в родную деревню и от имени всей нации, трагически пострадавшей от войны, предложил немецкому народу историческое примирение (а также долгожданное объединение). Это событие сравнимо с другим критическим примером послевоенного при-

мирения между лидерами Франции и Германии — Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром.

Горбачёв добился успеха там, где несколько поколений лидеров и Востока, и Запада терпели неудачу. Ему удалось сломать стерильный ритуал переговоров о разоружении, которые за немногими исключениями в течение долгих лет оставались безрезультатными. Вместо того чтобы служить прикрытием для продолжения гонки вооружений, переговоры превратились в поиск эффективных схем сокращения наиболее опасных арсеналов и надежных процедур взаимного контроля. Изгнав дутую секретность из щекотливой сферы стратегического баланса сил, гласность подорвала возможности военно-промышленных комплексов с обеих сторон доминировать над политикой и политиками.

Чтобы разорвать порочный круг бесполезных торгов и обоюдной подозрительности, а также вовлечь другую сторону в практические переговоры, Горбачёв прибег к рискованной игре. К изумлению профессионалов предложенный им принцип асимметричных сокращений вооружений в конечном счете сработал лучше, чем твердолобое сдерживание.

Означают ли эти результаты, что для достижения эфемерного политического успеха Михаил Горбачёв растратил с трудом накопленную военную мощь и авторитет супердержавы? Так рассуждают те, кто игнорировал его основную цель — освободить советское общество от разрушительного бремени гонки вооружений и от стремления к стратегическому «паритету», равному совокупным возможностям не только Соединенных Штатов, но и всех их союзников по НАТО, а заодно и Китая. Не говоря о социальных и экономических последствиях этой политики, она имела стратегически безответственную цену, которую страна уже не способна была платить.

Даже если тщательно рассчитанная политическая игра и была частью переговорной тактики Горбачёва, желаемые результаты ему принесла не тактика, а глубокий сдвиг в логике, которая до сих пор определяла отношения между сторонами, вовлеченными в холодную войну. Поразительно видеть сходство аргументов лиц, принимавших решения в Москве и Вашингтоне. В январе 1982-го Рейган процитировал Уинстона Черчилля, «заметившего, что они [Советы] уважают только силу и решимость в своих отношениях с другими народами». В Москве в эти годы похожие рассуждения — «американцы понимают только силу» — можно было услышать на заседаниях Политбюро из уст Андропова, Устинова и Громыко.

И все же убежденный в том, что именно комплексы взаимного недоверия завели отношения Востока и Запада в тупик, Горбачёв продолжал настаивать на необходимости заменить логику конфронтации стратегией партнерства. После первоначальных попыток убедить Запад в серьезности своих намерений он осознал, что единственный способ осуществить реальные перемены — это подать пример.

Хотя по традиционной логике взаимоотношений супердержав сокращение советских ядерных сил перед лицом угрозы стратегической оборонной инициативы (СОИ) было совершенно немыслимо, Горбачёву удалось заключить Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, уклоняясь, по сути, от проблемы «звездных войн». «Его достижение знаменует ключевой поворотный пункт в эндшпиле холодной войны, потому что устранило СОИ как камень преткновения для внутренней и внешней демилитаризации и привело к первому значительному сокращению арсеналов стратегических ядерных вооружений России и США», — считает Мэттью Эванджелиста.

РОМАНТИЗМ VS РЕАЛИЗМ?

Наивный непрофессионал, идеалист или провидец? Различие между этими оценками зачастую очень тонкое, а окончательное суждение вынесет только история.

Для канадского эксперта по советской внешней политике Жака Левека «редко, когда в истории политика великой державы могла вдохновляться, несмотря на сложности и неудачи, таким идеалистическим взглядом на мир — взглядом, основанным на всеобщем примирении, взглядом, в котором образ врага постепенно расплывается, пока он практически не исчезает как враг». Михаил Горбачёв «позволял обстоятельствам, а зачастую и более твердым взглядам более дальновидных современников определять его собственные приоритеты», — пишет Гаддис.

Анатолий Черняев так характеризует персональный стиль дипломатии Горбачёва: «Это человек, которому претит конфронтация, он не любит размахивать кулаками и стремится к выработке компромисса и достижению консенсуса». Горбачёв в свою очередь признаёт: «Я предпочитаю доверять людям». Эти черты характеризуют его и как политика, и как человека.

Но, возможно, именно это стремление не изменить самому себе, довольно редкое для носителя власти, по определению зависимого от политической конъюнктуры, выделяло его из толпы «политичес-

ких животных». И, скорее всего, именно это качество сделало его неожиданно похожим на другого мощного государственного лидера – Рональда Рейгана. Встретившись с Горбачёвым перед Рейкьявиком, Франсуа Миттеран описал ему Рейгана следующим образом: «В отличие от других американских политиков Рейган – не робот. Он – человек».

Еще одно свидетельство о характере Рейгана принадлежит Джорджу Шульцу – человеку, который, несомненно, наблюдал за ним с куда более близкого расстояния, чем Миттеран: «Когда Рейган сказал [о Горбачёве]: “Я думаю, он не такой, как все”... это было не только выражением доверия, но, и как мне представляется, проявлением готовности противостоять мнению окружающих». Может быть, потому, что слова «доверие» и «вера» так много значили для обоих, в отношениях между этими очень разными людьми возникла взаимная симпатия, и они совершили исторический прорыв к выходу из лабиринта послевоенного мира.

Вспоминая о первой встрече с Горбачёвым в Женеве в ноябре 1985-го, Рейган писал: «Сейчас, оглядываясь назад, ясно, что между мной и Горбачёвым возникло притяжение, которое привело к чему-то очень близкому к дружбе». Выясняется, что в конечном счете склонность Горбачёва к личной дипломатии, его готовность верить другим были не так наивны, как думали некоторые, и даже, можно сказать, окупилась сторицей.

Где же все-таки истина? Был ли этот романтик «нового политического мышления» человеком, отрешенным от суровой реальности, податливым последователем тех, чьи карты были сильнее? Или же провидцем, который отказывался принимать абсурдность мира, доставшегося ему в наследство?

Был ли он ослеплен изначальным решением любой ценой добиться примирения с Западом и настолько подпал под влияние своих зарубежных партнеров, что перестал видеть разницу между национальными интересами собственной страны и крупнейших западных держав? Оказался ли он неспособен признать сам факт существования стратегических соперников и противников? И не было ли простодушием с его стороны верить, что достаточно предложить новые правила игры и сделать акцент на общих интересах перед лицом общих вызовов, чтобы превратить врагов в союзников?

Чтобы защитить репутацию Михаила Горбачёва как профессионального и эффективного политика, стоит напомнить о реакции на его

инициативы и поступки со стороны наиболее авторитетных западных партнеров. Рейган, безусловно, не видел в нем дилетанта. Американскому президенту до такой степени импонировало пристрастие Горбачёва к идее безъядерного мира, что в Рейкьявике он почти принял предложение Горбачёва о постепенном уничтожении ядерного потенциала супердержав (что вызвало панику у французов и британцев).

Франсуа Миттеран, сначала скептически воспринявший мечту Горбачёва об «общем европейском доме», вскоре не только увлекся логикой этого проекта, но и даже предложил практический способ его реализации в форме Европейской конфедерации. Осторожный Джордж Буш не скрывал, что позаимствовал некоторые идеи «нового мирового порядка» из «нового политического мышления» Горбачёва. Объявив о намерении преодолеть «логику сдерживания», Буш санкционировал выступление в Берлине своего госсекретаря Джеймса Бейкера в декабре 1989 года с идеей «нового атлантизма для новой эры». Она предполагала создание новой общей системы безопасности, включающей Советский Союз и простирающейся от Ванкувера до Владивостока.

Конечно, бóльшая часть этих идей родилась в атмосфере эйфории, которая сопровождала беспрецедентные перемены на международной арене в конце 1980-х. Тем не менее дальнейшее существование трансформированного СССР как ключевого игрока в мировой политике принималось за аксиому. Однако вскоре то, что еще недавно казалось немислимым, начало воплощаться в реальность. По мере прогрессирующей дезинтеграции Варшавского договора и очевидного ослабления позиций Горбачёва внутри страны оптимизм Запада относительно строительства новой, более рациональной конструкции мира как совместного с Горбачёвым предприятия начал испаряться.

«Рынок падает, — объявил Бейкер своим коллегам в Госдепартаменте в январе 1991 года. — Пора продавать (акции)». «Продавать» означало формально закрепить благоприятные перемены в течение того неопределенного, но уже явно ограниченного времени, которое оставалось у Горбачёва. В этот период американцы были прежде всего заинтересованы в быстром окончании войны в Персидском заливе и окончательном оформлении Договора СНВ. Наблюдая стремительное нарастание внутренних трудностей перестройки, западные партнеры Горбачёва распрощались с проектами «воздушных замков», которые сулило его «новое мышление», и поторопились вернуться в отношениях с Москвой к правилам *Realpolitik*. Вместо того

чтобы задуматься о вызовах будущего, Запад вернулся к привычному прошлому и тем самым способствовал возвращению международной политики к вековым традициям игр «с нулевой суммой».

Были забыты девизы «нет победителей, нет побежденных», которыми обменивались участники мальтийского саммита. «Мы восторжествовали, а они нет, — говорил Буш своему окружению. — Мы не можем позволить Советам вырвать победу из челюстей поражения». Настойчивые просьбы Горбачёва об экономической помощи «для спасения перестройки» встретили вежливый, хотя и сочувственный отказ сначала на саммите «Большой семерки» в Лондоне в июле 1991-го, а потом на последней официальной встрече президентов Соединенных Штатов и Советского Союза в Мадриде в октябре, уже после августовского путча в Москве. Администрация США забрала назад свое обещание убедить Конгресс отменить поправку Джексона–Вэника, рудимент брежневской эры. (Позднее под предлогом того, что Советский Союз перестал существовать, Билл Клинтон отказался от обещания, данного Бейкером Горбачёву от имени Буша, о том, что НАТО не станет расширяться на Восток.)

* * *

И все же, даже по прошествии времени и выхода в свет множества книг о перестройке и ее авторе, по-прежнему неясно: кем останется в истории Михаил Горбачёв — победителем или побежденным? Проведя меньше семи лет у власти, он оставил другую Россию — с мирно демонтированной тоталитарной системой и примиренную с остальным миром. Он поднял «железный занавес», опустившийся после Второй мировой войны, и поощрил воссоединение Германии и Европы после сорока с лишним лет разделения. Он добился успеха в инициировании совместно со своими западными партнерами процесса разоружения, который впервые в послевоенной истории привел к резкому замедлению и даже обращению вспять гонки вооружений. Без всяких сомнений, перестройка дала мощный толчок глобализации. Может ли заслужить более впечатляющую оценку государственный деятель, который всегда вынужден помнить, что политика — это искусство возможного?

С другой стороны, ныне российское общественное мнение расценивает этого человека (по крайней мере, пока) как одного из наименее популярных национальных лидеров XX века. Постгорбачёвская Россия стала меньше по площади и куда менее могущественной (как

минимум, с военной точки зрения), чем Советский Союз. Преемники Горбачёва уводят страну от демократических целей, провозглашенных творцом перестройки и гласности, а для многих наблюдателей нынешнее политическое развитие России ведет «назад, в СССР».

Что касается мира в целом, то сегодня он находится на расстоянии световых лет от оптимистического видения «нового политического мышления». Холодную войну заменило множество «горячих точек» на всей планете, и, хотя угроза полного уничтожения в ядерной катастрофе снята, число жертв террора, межэтнических и религиозных конфликтов и локальных войн превосходит ежегодные цифры в самые мрачные годы холодной войны.

Обещанная стабильность международных отношений не наступила, и самым распространенным способом решения старых и новых конфликтов остается сила. «Дивиденды от мира» так и не перераспределили колоссальные средства из военных бюджетов развитых стран в помощь отсталым регионам мира или на экологические программы, а объем расходов на оборону и международная торговля оружием уже превосходят уровни холодной войны. Система международных договоров о разоружении, которая охватывала весь спектр вооружений, пересматривается, и некоторые ключевые соглашения между Востоком и Западом, заключенные после многолетних усилий на основе с трудом достигнутых компромиссов, приостановлены и даже аннулированы.

Вопреки заверениям, данным западными лидерами Михаилу Горбачёву, НАТО расширилась в Восточную Европу и вступила на территорию бывшего Советского Союза, вызвав подъем националистических и антизападных настроений в российском общественном мнении. Что касается горбачёвского проекта «общего европейского дома», то он, можно сказать, действительно осуществлен, но без участия России, а отношения Москвы с Западом снова, как во время холодной войны, отмечены взаимными обвинениями, пропагандистскими кампаниями и шпионскими скандалами.

Новое поколение политиков и на Востоке, и на Западе, которому не пришлось пережить худшие годы холодной войны, по-видимому, без колебаний готово прибегать к эскалации конфронтации и использованию «образа врага» в качестве инструмента внутренней политики для консолидации общественного мнения в поддержку национальных лидеров. Такой регрессивный откат к атмосфере и рефлексам прошлого может привести если не к новой версии холодной вой-

ны, то, по крайней мере, к очень прохладному миру, совершенно непохожему на оптимистические картины, которые рисовало «новое мышление». Это, возможно, подтверждает хрупкость исторических перемен, которые в конце прошлого века казались необратимыми.

При таком противоречивом балансе не следует ли на самом деле считать исторические заслуги Горбачёва глобальной неудачей? Не кажется ли он сам командующим, который, выиграв многие сражения, проиграл основную войну? Я убежден, что, если бы Горбачёв был средним политиком, ему позволили бы вести тихую жизнь пенсионера — в конце концов, много ли государственных деятелей сдержали обещания, которые давали своим народам или своим иностранным партнерам? Но случай Горбачёва — иной. Почему?

Именно потому, что его проект вызвал столько надежд и ожиданий, а его действия пробудили к жизни такие важные общественные силы и процессы в его собственной стране и во всем мире, что многие не могут простить ему неудачу. Порой трудно понять, обвиняем ли мы (и россияне, и нероссияне) Горбачёва за его ошибки и непоследовательность либо самих себя за то, что не смогли эффективно использовать предоставленный шанс.

Да и можно ли говорить о неудаче? Горбачёв имел мужество отодвинуть старый мир, а с ним и старое мышление. Ему хватило мудрости приветствовать и помогать рождению новой реальности, пусть и спорной, со всеми ее тогда еще неведомыми дилеммами и противоречиями. А когда возникал конфликт между интересами (включая его собственные) и принципами, он неизменно выбирал принципы.

Михаил Горбачёв прекрасно сознавал огромность вызова, на который он решил ответить. Когда его помощник Георгий Шахназаров сообщил ему, что журнал *Time* выбрал его «человеком десятилетия», он не выглядел особенно тронутым или польщенным. «Бери другой масштаб, Георгий, — сказал он. — Дело не во мне, но масштаб у этого дела вселенский. Ведь речь идет о том, что мы и страну перевернули, и Европа уже никогда не будет такой, какой была, и мир не вернется к старому... Так что наша новая революция оказалась и на сей раз не только национальной, но и всемирной. По крайней мере, положили начало мировой перестройке».

Что это — мессианские амбиции? Мегаломания? Вряд ли, учитывая обстоятельства. Возможно, это просто подтверждение пари, заключенного с историей политиком, который продолжает верить, что правильно угадал смысл ее движения и был на ее стороне.

Война в Грузии и век «реальной силы»

Уроки прагматизма
для американской администрации

Энтони Кордесман

Легко анализировать войну в Грузии, пользуясь понятиями холодной войны или американской идеологии, как легко и попасть в ловушку, если рассматривать мировую ситуацию в категориях «мягкой силы» или «умной силы» (*smart power*). Однако в практическом плане военные действия в Грузии — это не предупреждение о повороте в сторону новой конфронтации великих держав или очередной холодной войны.

События в Грузии — напоминание о том, что миром правят не демократические ценности, международное право, благие намерения, глобальный взгляд, разумные договоренности или стремление к диалогу. Все эти элементы действительно играют важную роль, но реальностью, как и всегда, остается классическая силовая политика. Национальные государства по-прежнему обладают вооружениями и ракетами. Более мощные страны будут нарушать правила либо толковать нормы на свой лад, когда сочтут, что это соответствует их интересам, а также когда отсутствует противостоящий блок государств, способных представлять серьезную угрозу.

Говоря о внешней и оборонной политике, которую должна проводить следующая администрация Белого дома, важно отметить: нашим интересам, интересам наших друзей, союзников и всего мирового сообщества гораздо больше соответствует прагматизм, основанный на реальной политике, нежели продолжение морализаторства в духе неоконсерватизма или замена его на неолиберальную проповедь. Конфликт в Грузии должен стать не только напомина-

Энтони Кордесман возглавляет кафедру стратегии имени Арли Бёрка в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Данный комментарий был размещен на сайте www.csis.org.

нием о том, что Россия, Китай и многие другие государства не разделяют наших ценностей и целей, но и предупреждением об опасностях чрезмерного использования Америкой силы и влияния.

Возможно, Россия и КНР уступают нам по мощи. Но они становятся всё более могучими региональными державами и будут действовать, исходя из собственного понимания своих интересов. В обозримом будущем эти страны станут руководствоваться целями и ценностями, не совпадающими с нашими. В своем развитии они, может быть, будут приближаться к американским либо западным целям и ценностям; возможно, такое не случится, но в любом случае этот процесс займет скорее не годы, а десятилетия. Пока же нет причины, чтобы Москва и Пекин стали нашими врагами. Порой они, наверное, будут нашими партнерами, но в то же время останутся конкурентами США, действующими с определенной степенью безжалостности, которую мы иногда сможем сдерживать, но когда-то нам придется с ней смириться.

Все это означает, что мы не должны позволять себе демонизировать какое-либо государство, в особенности крупную региональную державу. Как развивались события в Грузии — пока неясно. Есть сведения, что Соединенные Штаты действительно рекомендовали Тбилиси проявлять сдержанность и пытались удержать Грузию от провоцирования России. Но другие факты указывают на то, о чем мы забыли: у Москвы есть собственные интересы, отличные от наших. Распространение американского присутствия в ближнем зарубежье наряду с расширением НАТО и Евросоюза будет рассматриваться как угроза.

Мы зашли слишком далеко, замахиваясь на влияние в странах, граничащих с возрождающейся Россией. Америка не только замахнулась, но и оказывала значительное воздействие на одну такую страну. Можно сказать почти наверняка, что, действуя подобным образом, мы проявили неосторожность и дали понять «зайцу», что он может дразнить «медведя». Так или иначе, нам повезло, что «медведь» вовсе не сожрал «зайца».

Соответственно, если из боевых действий в Грузии можно извлечь какой-то урок, то это урок, который надо было усвоить давно. Статус так называемой сверхдержавы, которым обладают Соединенные Штаты, не отрицает того факта, что мы живем в многополярном мире, в котором американской «реальной силе» время от времени бросают вызов Россия и Китай. Иногда они не обращают

внимания на эту «реальную силу», поскольку считают другие стратегические интересы более важными.

Нам следует признать, что период, когда Москва переживала далеко не лучшие времена после распада Советского Союза, а Пекин был еще слабым и неуверенным, закончился. Пора осознать, что наше экономическое положение в мире становится все более неустойчивым, а геоэкономика не менее важна, чем военная сила. Тот факт, что США стали государством-должником и идут на риск, экспериментируя с определением «пост-постиндустриальной» экономики и потребляя огромную долю мировых ресурсов, не менее важен, чем вопрос о том, кто обладает наибольшим числом ракет либо самым современным оружием.

В то же время у нашей военной мощи есть существенные ограничения. Когда мы вторглись в Афганистан, стратегия и планы использования вооруженных сил строились на том, что Америка способна участвовать в двух крупных региональных конфликтах одновременно. Но быстро обнаружилось, что мы на самом деле обладаем ресурсами для надлежащего ведения боевых действий только в одном месте. Каковы пределы американской мощи в практическом плане (даже при значительной помощи со стороны наших союзников), стало абсолютно ясно и в Афганистане, и в Ираке. Эти пределы стали бы еще более определенными, доведись нам иметь дело с Тайванем или Северной Кореей. А столкнувшись мы с возможностью реальной конфронтации с КНР, последствия были бы весьма значительными.

Нам следует усвоить главный военный и стратегический урок последних восьми лет. Едва ли правомерно говорить об упадке, но мы действительно стоим перед лицом серьезных вызовов. В современном мире США могут только в одностороннем порядке проводить активную политику на большей части земного шара, но цена этого — перенапряжение ограниченных военных ресурсов и/или неэффективность и вызывающее поведение.

Сейчас не американский век, и не западный век, и не конец истории. Это — время, когда противоборствующие национальные ценности и амбиции так же важны, как и в прошлом. Однако оно будет отмечено как международной напряженностью, так и локальными конфликтами с применением силы, а также дополнительными угрозами, создаваемыми рядом негосударственных акторов.

Вышесказанное не означает, что следует отказаться от американских либо западных ценностей. Но их отстаивание не должно сопро-

воздаваться культивированием некоей иллюзии о возможности внезапной конвергенции и создания общих глобальных ценностей или отказа от прагматизма и реальной политики. Надо признать, что и военная сила, и «мягкая сила» Соединенных Штатов имеют четкие пределы. Необходимо понять, насколько важно относиться к основным союзникам не как к клиентам, а как к настоящим партнерам. И принять тот факт, что многие друзья и союзники вне Запада, возможно, имеют общие с нами стратегические интересы, но пройдет не одно десятилетие, прежде чем они будут разделять наши ценности.

Сегодня США не могут позволить себе культурное, моральное либо политическое высокомерие. Если не брать в расчет какой-нибудь новый и разрушительный конфликт с другой крупной державой, конкуренция, с которой Соединенные Штаты столкнутся в течение следующего столетия, будет вестись за поддержку стран, оказавшихся между крупными державами и блоками. Чаще всего эти страны станут отстаивать собственные интересы, но при этом не будут приближаться к нашим (американским либо западным) целям и ценностям, которые каким-то образом привязывают их к нам.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что принципиально важным фактором, формирующим сценарии XXI века, будет не «мягкая» или «умная», а «реальная сила», — точно так же, как она определяла ход событий в любой другой период на протяжении истории человечества. Признание этого факта не означает игнорирования действий государств, когда они бросают вызов нашим целям и ценностям. Это значит, что мы не должны двигаться к бессмысленной конфронтации либо превращать такие страны во врагов. Проблемы следует решать, исходя из реального баланса сил, используя тщательно взвешенные формулировки, и добиваться прагматичных компромиссов и решений.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events — turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington — this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” — *TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” — *FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” — *FINANCIAL TIMES*

**SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!**

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.

TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

После «пятидневной войны»: горизонт

Французский плакат. Май 1968 г.

““ Августовские события стали катализатором серьезных сдвигов в расстановке сил и приоритетов на евро-атлантическом пространстве, последствия которых в полной мере проявятся не сразу. Грузинскую авантюру и твердый ответ России следует рассматривать в глобальном контексте и попытаться осмыслить своеобразие момента в свете событий, происходивших на мировой арене в последние два десятилетия ””

Новая холодная война	Сергей Караганов
	44
Смена парадигмы	Александр Аксенёнок
	55
11 сентября наоборот	Владимир Овчинский
	65
Война с неизвестной целью	Виталий Шлыков
	73

Новая холодная война?

Как минимизировать потери
от начавшегося противостояния

Сергей Караганов

На протяжении последних лет напряженность в международных отношениях очевидно нарастала. Эксперты во многих странах, в том числе и автор этих строк, не раз предупреждали об опасности сползания в противостояние по модели холодной войны. Я называл состояние мира, в которое мы входили, «новой эпохой» (см., напр.: *Караганов С. Новая эпоха противостояния // Россия в глобальной политике. № 4. 2007*). Несмотря на зловещие предзнаменования, оставалась надежда, что объективно назревавшего конфликта удастся избежать: ведь на самом деле миру жизненно необходимо прямо противоположное — осмысление глобальных вызовов и качественно новое сотрудничество в поиске ответа на них. Но, к несчастью, мрачные прогнозы сбылись.

Очень важно досконально разобраться, что привело к войне в Южной Осетии. Не битва за Цхинвали стала причиной вспышки конфронтации — она лишь формальный повод, ход пешкой в возобновившейся «большой игре». Россия оказывается втянутой в нее, по сути, вопреки своей воле, хотя отчасти и из-за своих действий (правда, не на Кавказе).

КОНТРАТАКА ОТСТАЮЩИХ

Удивляться вопиюще необъективной оценке российского ответа на тбилисское нападение западным политическим и общественным

С.А. Караганов — д. и. н., профессор, декан факультета мировой политики и мировой экономики Государственного университета — Высшей школы экономики, заместитель директора Института Европы РАН, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Краткий вариант данной статьи был опубликован в «Российской газете» 29 августа 2008 года.

мнением не приходится. Мир снова делят по принципу «свой – чужой». «Своего», даже и агрессивного, и убогого, защищают, а «чужого» представляют в наихудшем свете, пытаются отеснить, подавить его волю. Правда – первая жертва любой войны.

На протяжении XX столетия был не один «холодный» конфликт, вызванный геополитическими, экономическими и идеологическими причинами.

Первый, начавшийся после Первой мировой войны, стал результатом победы коммунизма в России и образования Советского Союза, а также зарождения фашизма в низвергнутой и униженной Германии. Это противостояние привело к страшной Второй мировой войне, из которой СССР вышел победителем, заплатив почти тремя десятками миллионов жизней. Потом, впрочем, оказалось, что победа во многом была пирровой.

Классическую холодную войну, начавшуюся во второй половине 1940-х годов, Советский Союз проиграл. Коммунистическая экономика и навязанное единомыслие заведомо не могли выдержать конкуренцию. К тому же экономически СССР фактически так и не вышел из Второй мировой войны: до конца 1980-х он тратил на противостояние несоразмерно огромные ресурсы, значительную часть своего ВВП.

После развала советского лагеря казалось, что западная политико-экономическая модель добилась окончательной победы, «конца истории». Традиционный Запад переживал период не только морально-политического, но и геоэкономического триумфа. Происходило масштабное перераспределение экономических и человеческих ресурсов в его пользу. Благодаря почти мгновенному – по историческим масштабам – вовлечению новых сотен миллионов людей в глобальное капиталистическое производство мир наслаждался беспрецедентным экономическим подъемом. Перемены стимулировали рост в экономиках старых капиталистических государств. Надо при этом отметить, что «свежая струя» извне позволила не осуществлять структурных реформ, в которых ведущие западные державы давно нуждались. Нынешнее замедление темпов экономического развития в Европе и усугубляющиеся экономические проблемы США отчасти являются отложенными последствиями и отказа от необходимых преобразований.

Но на рубеже веков «державы-победительницы» стали – к изумлению самих триумфаторов – вновь проигрывать.

Если в начале очередного витка глобализации — в 1980–1990-х годах — от нее выигрывал преимущественно Запад, то затем ситуация стала резко меняться. Бенефициарами глобализации во все большей степени становились государства молодого капитализма из Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии (прежде всего Китай и Индия). Даже привычно застойная Латинская Америка обогнала Европу и Соединенные Штаты по темпам развития. Началось массированное перераспределение мирового валового продукта от Европы к новой Азии, от стран старого капитализма — к государствам капитализма нового.

Естественно, под вопросом оказалась и необратимость победы, как представлялось, основной — либерально-демократической — модели. Впрочем, если взглянуть на историю развития общества, это трудно назвать неожиданным. Ведь на определенном историческом этапе экономический рост обеспечивается не только свободным рынком, но и не вполне либерально-демократической властью. Так было в Европе в XIX и в первой половине XX века. Так произошло и сейчас в других частях мира.

Противоречие оказалось даже глубже. Благодаря успеху нового капитализма появилась конкурирующая социально-экономическая модель, сочетающая быстрый рост благосостояния большинства с приемлемым для того же большинства уровнем личных свобод. Стала слабеть всеобщая готовность следовать примеру и указаниям старого Запада. В соревновании начали побеждать «молодые» — авторитарные и полуавторитарные. Наверное, временно. Но для проигрывавших — «здесь и сейчас».

Бывшие триумфаторы, искавшие причины своего неожиданного отступления, уже года два назад изобрели идеологический «бренд», против которого можно было бы демонстративно сплотиться, — авторитарный капитализм. К такому типу общественно-экономического устройства относят и Китай, и Россию, и страны Юго-Восточной Азии, и Казахстан, и ряд латиноамериканских государств. В основном тех, кто не желает неукоснительно следовать в западном политическом фарватере.

Как из рога изобилия посыпались проекты «союза демократий» против наступления «новых автократов» (которые, впрочем, и не собирались ни на кого наступать, а просто быстро развивались). Такую идею неоднократно высказывали кандидат в президенты США Джон Маккейн и близкие к нему политологи. Похожее предложе-

ние выдвинул не столь давно и бывший премьер-министр Франции Эдуард Балладюр.

В ряды оппонентов записали прежде всего врагов привычных — Россию и Китай, хотя невозможно не заметить кардинальное отличие их политических систем. На замечания ученых, что степень авторитаризма зависит от стадии развития молодого капитализма, а с «повзрослением» придут и более демократические формы правления, не обращали внимания. «Старики» пытаются объединиться в трагикомический «союз демократий» против «молодых».

Одновременно случилось и несколько других невыгодных для старого Запада изменений. Упоенные победой в холодной войне, ведущие державы, особенно Америка, упустили начало распространения ядерного оружия. Его почти легально обрели Пакистан и Индия. Вопрос о приобретении ядерного статуса Ираном перешел из плоскости «если» в плоскость «когда».

Революция произошла и в энергетической сфере. Если еще в середине 1990-х большая часть мировых запасов принадлежала западным компаниям и подконтрольным Западу государствам, то через десять лет подавляющая их часть стала контролироваться государствами и компаниями добывающих стран, ставших гораздо более независимыми, в том числе и из-за ослабления Запада.

Параллельно державы евро-атлантического пространства начали терять и внешнеполитические позиции.

Европа — из-за утраты ориентира развития. Вместо глубокого осмысления задач, стоящих перед Европейским союзом в XXI столетии, объединение занялось поспешной экспансией, поглощением геополитического «наследства» поверженного противника.

Соединенные Штаты — из-за «высокомерия силы». Оно привело к общему перенапряжению и иракскому фиаско. НАТО под предводительством США двинулась в Афганистан, но и там продемонстрировала ограниченность собственных возможностей, и это на фоне дестабилизации считавшегося прозападным ядерного Пакистана.

Слабость обоих берегов Атлантики объективно толкает их к большей опоре друг на друга. Фундаментальные геополитические и экономические расхождения, объективно нарастающие после окончания прошлой холодной войны, не отменяются. Но, страшась проигрыша в мировой экономической и политической конкуренции, европейцы стремятся хотя бы на словах вернуться к опоре на Со-

единенные Штаты. Вашингтон, убедившись в неэффективности высокомерной односторонности, заговорил о необходимости консультаций и возрождении атлантической солидарности, которую, впрочем, в Америке по-прежнему понимают как подчинение партнеров.

Для трансатлантического сплочения, которое институционально всегда было оформлено в виде НАТО, не обойтись без врага. Североатлантическому альянсу, организации, уцелевшей после окончания холодной войны, очень трудно существовать без конфронтации. Блоку пытались придать новые функции, однако они не приживались, организация сама воспроизводила подозрения и как будто искала объект противостояния. Международный терроризм на эту роль не подошел, зато новый авторитаризм оказался как нельзя более кстати.

И пожалуй, главное, хотя и малозамеченное обстоятельство. После бомбежек Югославии, вторжения в Ирак, утраты пальмы первенства в сфере экономического роста и развития, наконец, из-за неспособности и нежелания адекватно оценивать глобальные перемены Запад стал терять роль интеллектуального и морального лидера. Правда, и новые страны, в том числе и Россия, пока не заполнили интеллектуальный вакуум. Но «природа не терпит пустоты», и на передний край идейного сражения выдвинулись поседевшие рыцари холодной войны с представлениями, заимствованными из давно ушедшего мира. А поскольку традиционный Запад все еще повсеместно доминирует в медийном пространстве, именно оно и стало направлением главного удара.

Итак, достаточно очевидно, что главное содержание «новой эпохи» — это контратака старого Запада, пытающегося сохранить или восстановить утрачиваемые позиции, остановить начавшийся передел мира.

ПОЧЕМУ РОССИЯ – ГЛАВНАЯ МИШЕНЬ

Россия тоже внесла свой вклад, по крайней мере по двум параметрам в начало «новой эпохи».

Первое и главное. Наша страна во многом стала наиболее наглядным олицетворением большинства невыгодных для старого Запада перемен. Китай все-таки шел к своему нынешнему положению на протяжении трех десятилетий — планомерно и последовательно. А возрождение России стало стремительным и неожиданным практически для всех.

Еще недавно младший ученик западных демократий, она превратилась в самостоятельного игрока. Страна, готовая, как считалось, влиться в западную энергетическую систему и взять на себя функцию сырьевого обеспечения развитого мира, установила жесткий контроль над собственными ресурсами. Еще не так давно всемирная побируха, Россия благодаря нефтяным доходам и относительно разумной экономической политике предстала одним из воплощений подъема незападных государств. При этом она пока не столь сильна, как Китай, которого уже просто боятся. И России решили дать показательный бой.

Вторая причина – субъективная. Своими действиями и жестами мы «помогли» началу новой холодной войны. Москва открыто и без принятой дипломатической улыбки взялась пересматривать правила игры, сложившиеся в отношениях с Западом в годы нашего хаоса и полураспада. Россия не могла скрыть свое высокомерие в отношении бывших победителей, начавших отставать, а также неприязнь и пренебрежение к слабым и малым. Не стесняясь, она наслаждалась вновь обретенной, хотя во многом еще виртуальной силой, источником которой на деле были не только и не столько ее успехи, сколько провалы и слабости других. После унижений 1990-х годов такое высокомерие было понятным, но контрпродуктивным.

Да и социально, на уровне общения, мы часто вызывали раздражение. Богатые и не очень богатые русские, лезли из кожи вон, чтобы продемонстрировать свое новое благополучие. Это не могло не вызывать чувство неприязни у представителей наций, которые давно привыкли к аккуратным уровням потребления и к тому же опасались перспективы снижения уровня жизни в условиях обострявшейся глобальной конкуренции.

Россия стала символом и перераспределения мирового ВВП от Запада к Азии, и революции в контроле над энергоресурсами, и успеха (вероятно, временного) развивающегося «авторитарного» капитализма. Возможно, в России видят «слабое звено» экономического, социального и политического наступления незападного мира. Как бы то ни было, контратаку старого Запада можно было ожидать. У него имелись разумные варианты реакции на происходящее в мире, но интеллектуальный вакуум не позволил ими воспользоваться. Нынешний выпад нерационален, чреват обострением ситуации, но он был предсказуем.

Когда-то, во времена ослабления и загнивания СССР, диссидентствующие интеллигенты и просто интеллектуалы задавались сугубо умозрительным вопросом: а что, если страна сбросит с себя удавку коммунистической идеологии и социалистической экономики, станет капиталистической и свободной? Большинство считало, что бывшие враги примут нас в свои объятия. Меньшинство предполагало, что сильной капиталистической, экономически более эффективной и свободной России окажут отнюдь не меньшее противодействие, чем Советскому Союзу.

История подтвердила правоту вторых. В холодной войне, которая выглядела идейным противостоянием, геополитики было на самом деле больше, чем идеологии.

Спору нет, мы и сегодня очень далеки от эталона эффективности и привлекательности. Вряд ли у кого-то из мыслящих и патристически настроенных россиян вызывает симпатии наш коррумпированный капитализм. Мы мало вкладываем в инфраструктуру, образование, человеческий капитал, молодежь, мы испытываем дефицит свободной интеллектуальной дискуссии.

Проблема, однако, в том, что холодная война развязывается не против незрелого и страдающего пороками роста российского капитализма. Она ведется против усиливающейся России. Мы качественно свободнее, чем когда бы то ни было со времен царей, хотя, конечно, до настоящей свободы пока далеко. Мы еще не намного богаче, но значительно притягательнее экономически, чем во времена «реального социализма».

Тем не менее мы вновь превратились если не во врага, то в соперника, из которого пытаются сделать врага, чтобы потом, возможно, попробовать еще раз его разгромить. Придется принимать вызов. Реакция Москвы после агрессии Тбилиси и сил, стоящих за ним, оказалась не только адекватной, но и неожиданно эффективной, профессиональной. Это только усугубило решимость оппонентов остановить Россию, пока она не набрала еще больше силы и влияния.

КОМПРОМИССЫ БЕССМЫСЛЕННЫ

Коль скоро холодная война объявлена, придется следовать ее логике. Мы все попали в ловушку, сужающую коридоры маневрирования. Соединенные Штаты, мировому доминированию которых брошен серьезный вызов, будут противостоять жестко вне зависимости от того, кто победит на президентских выборах. Большинство евро-

пейских стран, даже не восточноевропейские клиенты Вашингтона, будут, маневрируя, тоже давить. У тех, кто проигрывает глобальную конкуренцию, общие интересы.

Правда, «старые европейцы» не желают и не могут позволить себе конфронтацию, поскольку не в их интересах попасть в новую зависимость от США, а она станет неизбежным следствием противостояния. Диалектика тонкая, но позволяющая при надлежащем профессионализме выстраивать эффективные схемы с учетом многообразности интересов старого Запада. Необходим очень глубокий и точный прогностический анализ развития событий, решающим фактором становится способность играть на опережение. Это требует качественно укрепить научное обеспечение российской политики.

Надо отдавать себе отчет в том, что самая острая и опасная фаза впереди. Главная цель противоположной стороны – создать полномасштабный кризис вокруг вступления Украины в НАТО. По очевидным стратегическим причинам оно абсолютно неприемлемо для России, особенно теперь, когда откровенно антироссийская подоплека противостояния больше не скрывается.

Даже если представить себе невозможное и вообразить, что Москва вдруг согласилась бы на дальнейшую экспансию Североатлантического альянса, логика событий неизбежно привела бы к конфронтации, даже силовой. Принятие Украины в НАТО создаст синдром «разделенной нации», которого нам пока – к чести обеих стран – удалось избежать. Придется начать проводить реальную границу по живому телу народов, никогда с ней не живших да и сейчас имеющих в значительной степени виртуальную пограничную линию. Если проамериканская группа украинского руководства не остановит роковое для страны движение в Альянс или если европейцы не поставят ей жесткий барьер, то уже в 2009 году, наверное, придется расторгнуть «большой» российско-украинский договор, предусматривающий обоюдное признание советских границ. Не хочется предсказывать ситуацию дальше: может быть, все-таки здравый смысл и чувство самосохранения восторжествуют у всех участников развертывающегося конфликта.

Боюсь, что на данном этапе конфронтации придется только повышать ставки. Уступки пока бессмысленны. Так, договоренность с Францией о «шести пунктах» не позволила довести до конца задачу устранения грузинской угрозы: военный потенциал Грузии не был полностью уничтожен. Когда-то, после агрессии Саддама Хусейна в

Кувейте, такую ошибку допустили в Ираке Соединенные Штаты. Последствия известны. Сегодня и в Тбилиси звучат призывы к реваншу, а восстановлением грузинских вооруженных сил обещают заняться США.

Необходимо оценить ресурсы. У нас меньше ВВП, чем у СССР, меньше численность населения, почти нет союзников, хотя в прошлом, надо признать, они были в основном подневольными и фиктивными. Но на первых фазах конфронтации у России, как ни парадоксально, больше карт, чем у тех, кто навязывает противостояние. Проблема, однако, в том, что, играя этими картами и нанося вред Западу, мы не избежим ущерба и для себя.

Первой жертвой новой холодной войны, если ее эскалацию не удастся остановить, окажется пагубное для всех сворачивание сотрудничества в борьбе с распространением ядерного оружия, с терроризмом, с разного рода экстремистскими силами и даже в сфере борьбы с изменением климата. Эти и многие другие области общих интересов опять неизбежно политизируются.

Мы не вправе забывать, что собственные ресурсы России весьма ограничены. У нас окрепшая, но еще относительно слабая армия. Ее нужно усиливать, делать элитарной, наращивать современный потенциал и совершенствовать инструментарий воздействия. Очевидна необходимость повышения гибкости и политической используемости ядерных сил. Констатируя это, трудно избавиться от чувства горечи — уж очень хотелось навсегда задвинуть «ядерную дубину» на задворки истории. При этом нельзя попасть в гибельную ловушку милитаризации экономики и мышления.

Новая холодная война качественно отличается от своего «прото-типа»: мир изменился и стал гораздо более самостоятельным с точки зрения ресурсов. Старый Запад контролирует только 10 % населения планеты и 35–40 % мирового ВВП. Но и эти две цифры уменьшаются. Собственно, суть развязываемого противостояния заключается как раз в том, чтобы остановить невыгодный для старого Запада ход истории.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Примерно понятно, как следует вести себя в отношении международных институтов. Нужно продолжать диалог, сохраняя элементы взаимодействия, и с ЕС, и с Советом Европы, и с ОБСЕ. Вступление во Всемирную торговую организацию предполагает модерниза-

цию некоторых правил регулирования экономики, поэтому не стоит назло партнерам отказываться от цели вступления в ВТО либо в организацию, которая будет ей наследовать. Но глупо и бессмысленно жертвовать чем-то ради этого ныне виртуального членства.

Только одну структуру стоит покинуть. Совместный постоянный совет России и НАТО (впоследствии переименован в Совет Россия – НАТО. – Ред.) был создан в 1997-м в результате позорного «второго Брестского мира» – подписания основополагающего акта, который де-факто признал согласие Москвы на расширение альянса. За истекшие годы Совет не добился ничего конструктивного, зато способствовал продлению жизни и укреплению легитимности Североатлантического блока. Пора признать, что НАТО – не только реликт холодной войны, но и один из основных инструментов ее воспроизводства.

В эпизоде с признанием Южной Осетии и Абхазии пока не надо стремиться к расширению списка стран, присоединившихся к России. Лучше быть в одиночестве, чем в странной компании.

Не нужно отвечать хамством на хамство. Тем более – прибегать к черным методам борьбы, на что нас специально провоцируют. Лучше улыбаться, не ввязываться в словесную перепалку, а в случае крайней необходимости наносить ответный удар. Обязательно надо – не прямо – донести до новоявленных бойцов холодной войны цену, которую им придется заплатить. При этом принципиально важно помнить, что наша цель – скорейший выход из навязываемого противостояния с наименьшими потерями для себя и для мира, как только для этого возникнут благоприятные предпосылки. Тем более что «победа» в таком конфликте неизбежно обратится поражением.

Важнейшая цель игры, которую нам навязывают – сознательно или бессознательно – сорвать модернизацию России, поскольку выяснилось, что этот процесс ведет не к созданию вассала, а к возрождению конкурента. Другая задача – доказать, что модернизации не по западным стандартам не бывает.

Новая конфронтация усилит позиции противников демократии и модернизации, мракобесов и даже коррупционеров. Прошлая холодная война, которую я отлично знаю и помню, была «совместным предприятием» наиболее оголтелых и кондовых элементов в правящих элитах обоих противостоящих блоков.

Поэтому жизненно необходимо сохранять и приумножать личные свободы граждан, расширять их политические права, которые, как

представляется, излишне ограниченны, добиваться повышения эффективности экономики: всерьез бороться с коррупцией и чрезмерной бюрократией, расширять поле экономической инициативы. Если люди, которые сейчас готовы на политические ограничения в обмен на беспрецедентные в нашей истории личные и экономические свободы, почувствуют, что их отбирают, единство нации может оказаться под угрозой. А без него в жесткой конкуренции не выиграть.

Главная задача — восстановление страны и превращение ее в первоклассную державу XXI века. В развитом и высокообразованном обществе возможности авторитарной модернизации имеют четкие лимиты. Если будет ограничиваться творческая активность людей, если лидеры по таланту и трудолюбию перестанут чувствовать ответственность за страну и причастность к ней, повторится то, что случилось два десятилетия назад: когда советская интеллигенция отошла от поддержки государства, оно рухнуло.

* * *

Конфронтация не необратима. Согласно нашим прогнозам, сделанным год-два назад, через четыре-пять лет острота нынешних вызовов частично спадет. Появятся новые и, возможно, намного более серьезные, которые заставят искать новые формы сотрудничества и позитивного взаимодействия.

Но есть и другой сценарий. Тектонические изменения в мире и неспособность адекватно на них реагировать делают общую ситуацию похожей на ту, что сложилась к 1914 году. И главной задачей нашей внешней политики является не только обеспечение благоприятных условий для развития страны (это само собой разумеется), но и предотвращение новой большой войны. Идиотизм того противостояния, которое навязывают нам сейчас, ослабляет волю и создает возможности сползания к катастрофе. Поэтому, реагируя на провокации, нужно всегда иметь в виду более продолжительные и гораздо более зловещие перспективы.

Смена парадигмы

Подведена черта под эпохой во внешней политике России

Александр Аксенёнок

События августа 2008 года, связанные с нападением Грузии на Южную Осетию, по своему значению вышли далеко за рамки регионального конфликта. Нынешний переход от политкорректного выяснения отношений между Москвой и западными столицами к действиям конфронтационного характера назревал давно. Признав Абхазию и Южную Осетию, Россия показала Западу, что навязываемая ей модель партнерства, построенная на лицемерии и двусмысленностях, дальше работать не может.

Августовские события стали катализатором серьезных сдвигов в расстановке сил и приоритетов на евро-атлантическом пространстве, последствия которых в полной мере проявятся не сразу. Грузинскую авантюру и твердый ответ России следует рассматривать не изолированно, а в глобальном контексте и попытаться осмыслить своеобразие момента в свете происходившего на мировой арене последние два десятилетия.

ПУТЬ К ВОЙНЕ

Война на Кавказе вряд ли стала неожиданностью. Нерешенная проблема «непризнанных государств» Южной Осетии и Абхазии (как и ряда других) — тяжелое наследие распада Советского Союза — все эти годы оставалась взрывоопасным фактором. Градус напряженности то снижался, то повышался, постоянно отравляя межгосударственные отношения в региональном масштабе. Однако на протяжении десяти лет острых конфликтов удавалось избегать.

А.Г. Аксенёнок — к. ю. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, опытный дипломат, работавший среди прочего на Ближнем Востоке и на Балканах.

Ситуация резко изменилась после того, как в Грузии к власти с розами в руках пришел Михаил Саакашвили — представитель нового поколения, получившего западное образование. С тех пор восстановление страны в границах, в которых Грузинская ССР существовала в составе Советского Союза, было поставлено в центр усилий Тбилиси, всей его внешнеполитической и военной стратегии.

Вначале акцент делался на политико-дипломатических методах по двум магистральным направлениям.

Первое — это попытки очаровать Россию, получив от нее негласное «добро» на мирную интеграцию абхазов и южных осетин в состав Грузии.

Второе — связать Запад, в первую очередь США, проявлениями безграничной преданности идеалам демократии и готовности войти в евро-атлантические структуры любой ценой невзирая на законные озабоченности соседей, в том числе и населения Южной Осетии и Абхазии.

Когда стало очевидно, что эти два направления в реальной политике несочетаемы, линия президента Грузии приобрела однозначный характер. Ставка в игре стала повышаться, а ее масштабы — выходить за рамки Кавказского региона. По мере выполнения задач на втором направлении новая Грузия взяла курс на беспрецедентную в межгосударственных отношениях демонизацию России. Разрыв вековых братских уз между российским и грузинским народами сопровождался фальсификацией исторических фактов в шовинистическом ключе.

Главным препятствием на пути осуществления «идеи фикс» грузинского лидера было присутствие международнопризнанных, в том числе самой Грузией по соглашениям 1992 года, российских миротворческих сил. Заменить действующий легитимный механизм урегулирования по Южной Осетии на новый международный формат мирным путем оказалось невозможно. Другая сторона, югоосетинская, выступала категорически против, выдвигая собственные аргументы.

В этих условиях грузинское руководство — сейчас это стало особенно очевидным — приняло решение о проведении силовой операции, которая в случае военного вмешательства Москвы делала бы российских миротворцев стороной в конфликте. Участились нарушения действующих соглашений и режима безопасности в зоне контроля миротворческих сил, ускоренно наращивались военный потенциал и вооруженное грузинское присутствие в анклавах Юж-

ной Осетии, российские военные все чаще становились мишенью грубых провокаций и подвергались унижениям.

Уверенности в своей безнаказанности грузинской стороне придавали еще и ограниченные рамки миротворческого мандата, не допускавшего применение военной силы. В отличие от жесткой миротворческой операции в Боснии и Герцеговине, где, согласно Дейтонским соглашениям многонациональные силы НАТО имели право открывать огонь в заранее прописанных случаях (*rules of engagement*), роль российских военных сводилась главным образом к разъединению сил, поддержанию режима безопасности и невозобновления огня. Существовавший четырехсторонний механизм политического урегулирования грузино-югоосетинского конфликта в форме Смешанной контрольной комиссии (СКК) не был по соглашениям 1992 года подкреплен достаточной военной составляющей.

Позже, в ходе операций по принуждению к миру, проводившихся на Балканах Организацией Объединенных Наций под руководством Североатлантического альянса, первостепенное значение придавалось как раз наличию сильного (*robust*) и дееспособного военного компонента.

В начале 1990-х Россия не располагала должным миротворческим опытом в новых постконфронтационных условиях (приобретенным позднее на Балканах). Да и кто тогда, исходя даже из самых худших сценариев, мог предположить, что конфликт между грузинами и осетинами на территории бывшей советской республики выльется в войну между Грузией и Россией? Как бы то ни было, но эта «слабина» в миротворческом мандате позволила грузинской стороне рассчитывать на блицкриг и изменение ситуации де-факто, сделав вмешательство России военным путем политически проигрышным.

После того как военная авантюра президента Грузии потерпела провал и обернулась гуманитарной катастрофой для братских народов, не столь важно, получил ли он «добро» Вашингтона, или поступавшие оттуда сигналы были в Тбилиси неверно интерпретированы. Скоротечное развитие событий перед вторжением в Цхинвали не оставляет сомнений в том, что координация политико-дипломатических шагов по вытеснению российского военного присутствия имела место и продолжается уже на послевоенном этапе.

Мало что изменит теперь и установление истинных мотивов, которые побудили Тбилиси пойти на такой шаг именно сейчас. Воз-

можно, это было связано с приближением выборов в США и вероятностью внесения корректировок во внешнеполитическое наследие Джорджа Буша, или с расчетами продалить таким путем подключение Грузии к Плану действий по членству в НАТО, или с предположением, что Россия не вмешается из-за высоких рисков.

Важнее другое. В ходе предпринимаемых усилий по ликвидации последствий грузинской агрессии против малого народа не должен затеряться поиск ответов на глобальные вызовы современности. Ведь Михаил Саакашвили, при всей его импульсивности, никогда не решился бы на силовую акцию, если бы мир со всеми его хроническими и вновь приобретенными болезнями не переживал период неопределенности и потери ориентиров. Победные реляции, равно как пропагандистские залпы и демонстрации праведного гнева по поводу попыток «агрессивной России» расправиться с «маленькой Грузией» только усиливают ощущение абсурдности происходящего в мировой политике.

ОТ НАДЕЖД К РАЗОЧАРОВАНИЮ

Возникает масса недоуменных вопросов, и теперь уже, как заметно по реакции в мире, не только в Москве. Почему большинство западных политиков заняли априори столь несбалансированную, попросту говоря, враждебную России позицию? Неужели действительно есть основания представлять ее действия в свете противостояния «добра» и «зла», «свободного демократического мира» и «агрессивной автократии»? Разве этот локальный конфликт, столь явно спровоцированный Грузией, угрожает национальным интересам Соединенных Штатов либо их экономическому благополучию?

Однозначных ответов на эти болезненные вопросы не существует, хотя ясно, что их следует искать не в Грузии и даже не в России. Логику, толкнувшую Тбилиси на подобный риск, определяла международная обстановка, которая складывалась в мире и вокруг России на протяжении последних восьми – десяти лет.

За исторически короткий период двух десятилетий конца прошлого – начала нынешнего века мир пережил бурные перемены по всем направлениям – в экономике, политике, праве, информационных технологиях, культурном и гуманитарном общении. Ускорились глобализационные процессы и сопровождающий их рост взаимозависимости государств, расширилось поле многосторонней дипломатии, трансграничного движения людей и капиталов.

Если рассматривать постконфронтационный период под углом зрения взаимоотношений России и Запада, то можно проследить зигзагообразное движение, ведущее от надежд на стратегическое партнерство к возвращению риторике времен холодной войны.

В 1990-х годах обновлявшаяся Россия с готовностью встала на путь внутренних реформ, интеграции в мировую экономику, установила партнерские отношения с НАТО и Европейским союзом, пойдя на значительные самоограничения в обычных вооружениях и численности Вооруженных сил. Еще свежо в памяти сотрудничество с НАТО в рамках «многонациональных сил» по восстановлению мира на Балканах. Расширение Североатлантического блока на страны Центральной и Восточной Европы и Балтии прошло относительно спокойно, хотя Москва и зафиксировала свое принципиальное неприятие такой политики Запада в условиях отсутствия военной угрозы с Востока. Параллельно с расширением сформировались и неплохо заработали механизмы взаимодействия Россия – НАТО, рассчитанные на партнерство в широком стратегическом масштабе.

Уже в начальный период президентства Владимира Путина Москва без колебаний подставила плечо Соединенным Штатам после того, как Америка подверглась атаке международного терроризма. Тогда речь шла отнюдь не о поддержке на словах, а о конкретных шагах, частично затрагивающих национальную безопасность самой Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе.

Это было время, когда и в России, и на Западе появились иллюзорные надежды на бесконфликтное урегулирование разногласий на базе общности интересов в противодействии новым вызовам глобального развития. Отечественный политический истеблишмент проявил готовность к далеко идущим компромиссам при условии взаимности и стремления должным образом оценить трудности демократической трансформации, переживаемые Россией.

Однако консервативные представители евро-атлантизма на Западе восприняли это как согласие ослабленной России на роль «младшего партнера» и «золотой шанс» вестернизировать мировое развитие под эгидой международных структур безопасности и сотрудничества, находившихся под сильным влиянием Соединенных Штатов. В этом смысле программу широких реформ, получившую в 1980-х годах название «вашингтонский консенсус», можно рассматривать как заявку на американоцентризм не только в экономике и

финансах, но и в принятии глобальных политических решений, в их монопольном информационном обеспечении.

Переход от идиллической фазы постконфронтационного периода к политкорректному выяснению отношений происходил не одномоментно. Какое-то время обе стороны сохраняли видимость делового сотрудничества при подспудно копившихся различиях в подходах к решению целого ряда крупных вопросов мирового развития. Джордж Буш не раз заверял, что США не считают Россию врагом, а в Москве уверенно говорили о невозможности возвращения к конфронтации, о том, что история не повторится.

Между тем сползание если не к конфронтации, то к взаимному охлаждению отношений и подозрительности ускорялось. В период холодной войны страх ядерного взаимоуничтожения способствовал принятию негласных правил игры и прочерчивал «красные линии». А в цивилизованном XXI веке мир становился все более многообразным и все менее управляемым.

Односторонние действия Вашингтона и навязывание своим союзникам решений, выдаваемых за коллективную волю, поставили мир перед фактом «гуманитарной интервенции» в бывшей Югославии и привели к бомбардировкам этого и других суверенных государств (Ирак со стороны Израиля, Судан со стороны США).

Разрушение основ послевоенной международной архитектуры происходило нарастающими темпами после прихода к власти в Вашингтоне команды неоконсерваторов (2001), хотя, справедливости ради, надо сказать, что они просто развили тенденции, заложенные их предшественниками, и на первый взгляд идейными оппонентами из администрации Билла Клинтона.

Соединенные Штаты присвоили себе право записывать одни государства в «изгой» (термин появился еще в 1990-х), другие – в светочи демократии (это стало фирменным знаком уже 2000-х годов). Вторжение США в Ирак, повергшее в шок даже европейских союзников, стало первым в постконфронтационный период актом свержения режима суверенного государства вооруженным путем. Как выяснилось впоследствии, без каких бы то ни было оснований. Затем последовали неуклюжие попытки переустроить Большой Ближний Восток по стандартам западной демократии, вылившиеся в триумф радикального исламистского движения ХАМАС (оно убедительно выиграло выборы в Палестине зимой 2006-го) и легитимное вращение родственной ему по духу партии «Хезболла» в государственную струк-

туру Ливана, превратившее ее в наиболее влиятельную политическую силу страны. Все это наряду с усилением террористической деятельности «Аль-Каиды» обострило ситуацию на Ближнем Востоке и заранее обрекло на неудачу запоздалые посреднические усилия уходящей администрации Буша в палестино-израильском урегулировании.

Обстановка на европейском континенте также складывалась отнюдь не лучшим образом. Свои односторонние действия на мировой арене администрация Джорджа Буша начала с выхода из Договора по ПРО, что нанесло урон глобальной стратегической стабильности. Курс на подрыв сложившегося баланса в этой сфере получил логическое продолжение. К концу президентского мандата США под предлогом иранской угрозы пошли на размещение в Польше и Чехии позиционного района для средств ПРО, проигнорировав обоснованные российские озабоченности.

Европейцам навязывалось искаженное восприятие России, ее намерений. Атмосфера общеевропейского сотрудничества находилась под прессом косовской проблемы, решение которой в рамках международного права найти не удалось. Под предлогом «уникальности» случая с Косово Вашингтон сумел продавить отторжение этой территории от Сербии вопреки ее суверенной воле, чем завершился процесс расчленения Югославии. Примечательно, что разбираться с дальнейшей судьбой Косово американцы предоставили Европе, которая в принципе совсем не стремилась к появлению в регионе новой страны.

Немалую лепту в копилку раздражителей внесли «новички» НАТО и Евросоюза, такие, как Польша и страны Балтии, которые в угоду своему мелкому эгоизму создавали препятствия налаживанию делового партнерства Москвы с евро-атлантическими структурами. Подобная линия поведения русофобски настроенных руководителей указанных государств, как и в случае с Грузией, пользовалась поддержкой со стороны США, что не могло не отражаться на российско-американском диалоге.

С началом расширения НАТО на бывшие советские республики и приданием этому процессу идеологической окраски наступила новая фаза, которую можно характеризовать как соперничество в борьбе за влияние на постсоветском пространстве неконфронтационными средствами. «Демократические революции» в Грузии и Украине, внедренные в общественное сознание на Западе посредством противопоставления «автократическим тенденциям» в России, пе-

ренесли эту борьбу в поле острой международной полемики о моделях общественного развития, технологиях выборов и роли в них неправительственных организаций.

Анализ практики выборов в Словакии, Сербии и особенно в Украине дал Москве весомые основания для вывода о том, что Соединенные Штаты и их натовские союзники используют демократизаторскую риторику как прикрытие. Тем самым созданные и финансируемые ими механизмы смены неугодных режимов формально обретают политическую легитимацию. Многие эксперты даже заговорили об опасности формирования у западных и южных границ России своего рода «санитарного кордона», включающего в себя недружественные ей соседние государства – от Эстонии до Грузии.

Далее массированное наступление на Россию перешло в экономическую сферу. Предпринимая в соответствии с рыночными принципами шаги по выравниванию цен на поставки энергоносителей бывшим советским республикам, Москва рассчитывала встретить понимание Запада. Вместо этого она вновь оказалась объектом обвинений в «неоимперских амбициях», в стремлении использовать нефть и газ в качестве инструмента давления на соседей. Одновременно была вброшена тема энергетической безопасности Европы, не возникавшая с такой остротой даже в годы холодной войны.

Испытывая на себе все нарастающее давление, причем зачастую под надуманными предлогами, Россия вовсе не стремилась сохранить миропорядок, сложившийся в итоге Второй мировой войны. Беспокойство и не только в России вызвало то, каким образом происходит его демонтаж. Если основы устаревшей системы создавались коллективно, как бы с «чистого листа», то их разрушение велось явочным путем, односторонне и безальтернативно. Партнерские отношения и деловое сотрудничество подменялись созданием видимости партнерства, двойными стандартами в политике, морализаторством и поучениями.

Эрозии подвергались фундаментальные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и многосторонних договорах: национальный суверенитет, территориальная целостность, равная безопасность, невмешательство во внутренние дела.

В этих условиях влияние международных организаций, в первую очередь Организации Объединенных Наций, неуклонно ослабевало. Это давало повод для суждений о неэффективности ООН как универсального института, подвергалась сомнению ее

реформируемость. И действительно, в случаях, когда позиции постоянных членов Совета Безопасности ООН расходились, этот орган все чаще оказывался не в состоянии принять действенные решения. В парализованном состоянии он пребывал и с началом нападения Грузии на Южную Осетию.

Совместные усилия по формированию новой международной архитектуры и приданию ей естественного упорядоченного характера подменялись неформальными обсуждениями всевозможных псевдопроблем. Вроде принадлежащей американскому сенатору Джону Маккейну идеи создания так называемой Лиги демократий, объединенных общими ценностями. Такая постановка вопроса, учитывая сложившийся международный фон, не оставляла сомнений в ее антироссийской направленности.

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

К реакции Москвы на военную авантюру Тбилиси не следует подходить со старыми мерками, непригодными для оценки нового, хаотично складывающегося миропорядка. В обстановке, когда развитие событий в мире шло в русле игры без правил, а нормы международного права подменялись политической целесообразностью, Грузия сознательно сыграла роль поджигателя в расчете на безнаказанность, а Россия, находясь в положении обороняющейся стороны, не имела другого выбора.

Создается впечатление, что ведущие политические «игроки» на Западе не поняли либо не захотели понять, что стремительный рост в последние годы количества раздражителей приобрел новое качество. Для России, как для любого другого государства, это новое качество выразилось в категориях национальной безопасности, экономических интересов, морали и нравственности. В понимании российских политических верхов демонизация России по любому случаю, искусственные попытки слепить из нее «образ врага», грубые нарушения правил свободной конкуренции на мировых рынках — все это имело конечной целью не допустить ее возрождение в качестве одного из «центров силы» в быстро меняющемся мире.

Преращение России из партнера Запада в «агрессора» и «нарушителя норм международного права» выглядит тем более абсурдно, что Москва шаг за шагом терпеливо и честно предупреждала: игнорировать естественные государственные интересы России недопустимо, существуют «красные линии», переступить которые нельзя.

Ни одно из этих предупреждений всерьез воспринято не было, да и вообще аргументы Москвы давно уже наталкиваются на стену более или менее вежливого равнодушия. В связи с этим создается впечатление, что Россия готова прекратить попытки объяснять свои действия и начать исходить прежде всего из собственного понимания, а не возможной внешней реакции.

Необходимо, как не так давно призывал российский министр иностранных дел Сергей Лавров, взять паузу, спокойно все осмыслить и подготовить серьезный диалог, нацеленный на то, чтобы коллективно выработать такую международную архитектуру безопасности и сотрудничества, которая бы соответствовала новым мировым реалиям. Впрочем, на деле похоже, что развитие событий, наоборот, ускорилося и принимать решения о новых контурах мироустройства придется на ходу. Причем делать выбор, как показали и события в Грузии, надо будет, во-первых, быстро и, во-вторых, не между хорошими и плохими, а между плохими и очень плохими вариантами.

Заявления о нежелании начала новой холодной войны обнадеживают. Она, вообще-то, и невозможна: уж слишком изменился мир со времени идеологического противостояния 1940 — 1980-х годов. В условиях глобальной взаимозависимости любой конфликт приобретает совершенно иные, неведомые доселе формы, и предсказать развитие событий, моделируя его на материале «первой» холодной войны, просто невозможно.

Важно избежать эскалации напряженности до точки «невозврата», преодолеть соблазн «битвы престижей», которая имеет свою разрушительную логику, и выйти на согласование конкретных форматов для продолжения прагматичного, идеологически немотивированного диалога. Собственно, именно к этому призывал в июне сего года президент России Дмитрий Медведев, выступая в Берлине с идеей дискуссии о новой евро-атлантической системе безопасности. Сейчас этот призыв обрел еще большую актуальность. Правда, пока готовность к такому диалогу выглядит, к сожалению, крайне незначительной.

11 сентября наоборот

Война с мафией вместо «войны с терроризмом»?

Владимир Овчинский

Операция «принуждение к миру», или «пятидневная война» России с Грузией, случилась в канун седьмой годовщины начала «войны с терроризмом». По продолжительности последняя сравнялась со Второй мировой, и многие аналитики предрекали ее перманентный характер. Но «пятидневная война» прервала ожидавшийся ход событий. Теперь говорят уже не о «войне с терроризмом», а о новой холодной войне. И к этому есть все основания.

11.09 И 08.08: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА

Различий между тем, что произошло в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года и в Южной Осетии 8 августа 2008-го, на первый взгляд гораздо больше, чем сходства. Кто-то считает, что это вообще несопоставимые события. В одном случае внезапность, атака неопознанного субъекта (которому потом дано имя «Аль-Каида») с использованием нетрадиционных инструментов агрессии. В другом — ожидаемое нападение регулярной армии конкретного государства на самопровозглашенную республику, формально входящую в его состав.

Сходств, однако, больше.

Во-первых, оба случая можно считать преступлениями против человечности, поскольку действия сознательно были направлены против мирного гражданского населения и повлекли за собой гибель множества людей.

Во-вторых, и то, и другое нападение явились атаками на крупнейшие мировые державы, обладающие ядерным оружием, — США

В.С. Овчинский — д. ю. н., советник председателя Конституционного суда РФ, генерал-майор милиции (в отставке), член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

и Россию. Лидеры «Аль-Каиды» осознавали, что отдадут приказ уничтожить американских граждан на территории Соединенных Штатов, а руководители Грузии прекрасно понимали, что, обстреливая системами залпового огня Цхинвали, они убивают граждан Российской Федерации (коих в Южной Осетии подавляющее большинство) на территории, примыкающей к России.

В-третьих, и США (2001), и Россия (2008) дали решительный отпор нападавшим и приняли меры для предотвращения возможных рецидивов агрессии.

Очевидно различие в международно-правовом оформлении такого ответа. Удар по вооруженным структурам движения «Талибан» в Афганистане был нанесен с санкции Совета Безопасности ООН, а Россия, давая отпор Грузии, руководствовалась миротворческим мандатом Дагомьского договора и Уставом ООН, предполагающим защиту граждан любой страны от агрессии.

Но главное отличие заключается в следующем. Атака «Аль-Каиды» на Соединенные Штаты привела к созданию международной коалиции государств с совершенно разными уровнями развития, политическим устройством и геополитическими устремлениями. Фактически была оформлена концепция глобальной «войны с терроризмом», где Россия играла и играет отнюдь не последнюю роль.

Нападение же Грузии на Цхинвали и ответная операция России по «принуждению к миру» оставили Москву в определенном политическом вакууме и поставили под сомнение ее дальнейшее участие в антитеррористической коалиции.

Иными словами, 8 августа стало 11 сентября наоборот. Оба этих события не были рядовыми эпизодами истории. Они повлияли на глобальное переформатирование мировой политики в XXI столетии.

Это касается многих вещей: и международного права (ряд норм которого содержат взаимоисключающие положения), и блоковой системы государств, и алгоритмов действий в «горячих точках», и прогностических оценок развития ситуации. Так, многие западные аналитики сомневаются в том, насколько правомерно объявлять фанатиков, стоявших за атакой на Всемирный торговый центр, главной угрозой, чуть ли не сопоставимой с той, что исходит со стороны ядерных держав. Обычные преступления, относящиеся к ведомству полиции, превратились в «военные действия» как будто бы целью подобной подмены было оправдать раздутые бюджеты и подмять под себя полицию.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО СИЛЬНОГО

11 сентября 2001 года позволило США фактически узаконить новый тип боевых действий, варианты которых до этого апробировались в Гренаде, Панаме, Сомали, бывшей Югославии. Эти акции представляли собой военные действия на территории суверенных государств без объявления войны, но с применением бомбардировок, в том числе невоенных объектов. В 1990-х подобного рода операции получили концептуальное (хотя так и не принятое на официальном уровне) оформление в виде доктрины «гуманитарных интервенций»: таковой, например, считалась война НАТО против Югославии в 1999 году.

Размывание критериев применения силы стало следствием исчезновения глобального геополитического баланса сил, но немаловажной причиной послужила двусмысленность многих положений международного права по главному вопросу — о войне и мире. Эти двусмысленности и противоречия Устава ООН, а также ряда пактов и деклараций коренились в так называемой «ловушке самообороны», то есть допущении возможности «превентивной самообороны». Как раз она стала основополагающей в «войне с терроризмом». Именно этим оправдывались войны в Афганистане и Ираке. Но ни со стороны Кабула, ни со стороны Багдада не осуществлялись прямые агрессивные действия против Соединенных Штатов.

В первом случае превентивные боевые действия начались на основе разведанных о том, что «Аль-Каида» планировала нападение на США с территории Афганистана. Но с таким же успехом можно было бы начать боевые действия и против верного союзника американцев — Пакистана, где влияние «Аль-Каиды» в тот момент было не меньшим, чем в Афганистане. В Ираке «превентивная война» базировалась даже не на разведанных, как об этом недавно поведал в своей книге бывший глава ЦРУ Джордж Тенет, а на сомнительных материалах, сфабрикованных в окружении вице-президента Дика Чейни. Результат войны в Ираке — от 300 до 650 тысяч погибших, в основном среди мирного населения (по оценкам различных независимых организаций США и Европы).

Другой «ловушкой» международного права стало противоречие между принципом самоопределения наций и территориальной целостностью государств. Произвольная трактовка этих принципов в угоду геополитическим интересам и на основе предвзятого отношения к происходящему привела к незаконному решению о признании Косово Соединенными Штатами и рядом других государств.

8 августа так изменило международную ситуацию, что «ловушка самообороны» и «ловушка самоопределения» теперь стали капканами для американской политики на Кавказе. Москва фактически перехватила у Вашингтона «горящий мяч» в большой политической игре. Причем основания для ведения войны с Грузией у России реальные (а не виртуальные, как у Соединенных Штатов). Они связаны с нападением на российских миротворцев, пресечением уже происходивших актов этнических чисток в отношении жителей Южной Осетии и готовящихся – против жителей Абхазии.

Москва после 8 августа использует еще одну правовую двусмысленность Устава ООН – «ловушку миротворчества», позволяющую осуществлять любые превентивные действия военного характера на основании регионального миротворческого мандата, выданного по соглашению двух и более государств. У американцев такого мандата не было ни в одной из трех указанных войн.

Реальность, сложившаяся после 11 сентября и 8 августа, такова, что «ловушки» самообороны, самоопределения и миротворчества, содержащиеся в двусмысленностях документов ООН, можно использовать для обоснования войны против суверенных государств. Для этого надо иметь соответствующую военную силу и политическую волю. После 11 сентября способность к этому продемонстрировали Соединенные Штаты, после 8 августа – Россия.

Ждать, что международные правила по вопросам войны и мира изменятся, не приходится. Существующие двусмысленности останутся. Так же, как останется и ООН. Ведь какие-то нормы, пусть и размытые, должны существовать.

Международное право XXI века остается правом силы, определяющей легитимность действий, допустимость средств, правых и виновных. Но после августовских событий термин «война с терроризмом» перестает быть единственной вывеской применения военной силы для решения политических задач.

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ АНТИМАФИОЗНАЯ ВОЙНА
Проявление Кремлем политической воли вызвало шок на Западе, который привык к покладистой Москве. Многие заговорили о необходимости санкций и изоляции России. Впрочем, даже наиболее агрессивно настроенные политики и комментаторы признают, что способность Запада оказать реальное воздействие ограничена.

Угрозы развитию России исходят прежде всего не извне, а изнутри. Пик объемов добычи нефти пройден, и начиная с 2010 года тенденция к спаду резко усилится. Из 14 крупнейших нефтяных месторождений семь истощены более чем на 50 %. Падает добыча и на четырех крупнейших газовых месторождениях. Связано это не с тем, что запасы нефти и газа в России заканчиваются. Неэффективность использования ресурсов и недофинансирование новых проектов не в последнюю очередь объясняются засильем коррупции и организованной преступности.

Национальный план противодействия коррупции, принятый накануне «пятидневной войны», использует некую модель ограничения произвола чиновников. Но он не содержит самого главного — мер борьбы с мафией. А ведь коррупция — это лишь инструмент мафиозных структур для получения сверхприбылей, в том числе в сфере энергетических ресурсов.

Не случайно Стратегия правоохранительной деятельности по борьбе с международной организованной преступностью, принятая в апреле 2008 года в США, ставит противодействие мафии в энергетике на первое место. Главным источником опасности названы российские организованные преступные группировки.

Кстати, именно этот ресурс давления на Россию, скорее всего, будет использоваться Западом наиболее активно. Конкретные угрозы последовали сразу после признания Южной Осетии и Абхазии. Уже 26 августа *The Washington Post* писала в редакционной статье: «Определенно нет причин, по которым американские и международные агентства не должны развернуть решительных расследований по обвинениям российских фирм в коррупции. Если связанные с Кремлем компании своими действиями в оккупированных провинциях Южной Осетии и Абхазии нарушают грузинские или международные законы, их активы — заправочные станции в Соединенных Штатах, например, — могут быть арестованы».

Британская *Financial Times* призвала ответить России «ее же методами»: оказать давление на российский бизнес и принять против него дискриминационные меры. С беспрецедентной статьей «Ударить Кремль по карману» выступили в *The Washington Post* (27.08.2008) бывший сотрудник Министерства юстиции США Дэвид Ривкин-младший и адвокат Карлос Рамос-Мрозовски. Они предлагают правоохранительным органам начать кампанию против российской правящей элиты. Предлагается нанести ей достаточно бо-

лезненный удар, чтобы она потребовала изменить внешнеполитический курс или даже попыталась сместить Владимира Путина.

Авторы рекомендуют административно-регулятивным органам Соединенных Штатов и Европейского союза «всякий раз, когда это подпадает под их юрисдикцию (а это должно случаться часто) ... внимательно изучать сделки и банковские операции лиц, близких к режиму Путина, выискивая признаки отмывания денег или нарушений, касающихся операций с ценными бумагами, налогообложения и других аспектов экономики. Методика слежения за судьбой активов и экстерриториальные законы должны позволять властям западных государств проследить действия бизнесменов за много лет. Министерству юстиции США следует активно возбуждать судебные дела по всем подпадающим под его юрисдикцию случаям манипуляции рынком, мошенничества, уклонения от уплаты налогов и отмывания денег, к которым причастен Кремль.

Повестки о вызове в суд, обвинительные заключения, конфискация имущества, судебные постановления и ограничения въезда станут ударом по карману, который почувствуют даже самые черствые агрессоры... Для привлечения олигархов к судебной ответственности Соединенным Штатам или Европе не потребуется предпринимать ни одного шага «против России». Правительства США и союзных стран могут отметить, что эти действия отвечают усилиям Запада по борьбе с коррупцией среди государственных служащих и частных лиц... Обнародование данных западных расследований преступной деятельности, осуществляемой московскими бизнесменами, и возврат награбленного российскому народу непременно придется по душе даже самым пламенным русским националистам».

По сути, в «рекомендациях» содержится неприкрытое вмешательство во внутренние дела России под видом борьбы с глобальной коррупцией и международной организованной преступностью. Это и есть методы новой холодной войны. Раньше такие директивы выходили под грифом «секретно», теперь же публикуются в открытой печати.

Подобные меры воздействия на Россию начали активно апробироваться за несколько месяцев до «пятидневной войны». Например, в духе антимафиозной холодной войны против России проходили слушания по вопросам энергоресурсов в Сенате Соединенных Штатов 12 июня 2008 года. Речи, с которыми выступали там эксперты, в том числе Збигнев Бжезинский, сродни тому, что опубликовано в *The Washington Post*.

В том же духе допрашивали российских олигархов британские суды по экономическим гражданско-правовым спорам в июле сего года.

Подобные меры давления могут быть гораздо эффективнее, чем классическая «дипломатия канонерок». Для того чтобы перейти сейчас к военной конфронтации с Москвой, у США и НАТО нет реальных сил: слишком много проблем по всем направлениям. Поэтому новая холодная война с Россией станет, скорее всего, «анти-мафиозной».

К этому надо быть готовыми и постараться сыграть на упреждение. Дальнейшее развитие России, какую бы модель мы ни выбрали (хоть мобилизационную, хоть даже самую либеральную), невозможно без мощного антикоррупционного проекта. Бояться начала антимафиозной холодной войны со стороны Запада не только не стоит, а наоборот, ее надо использовать как повод для своих российских операций «Чистые руки» и «Антимафия». Необходимо сделать упор на возврат похищенных из России активов, арест приобретенного за рубежом многомиллионного имущества. Тогда планируемая американцами операция «мягкая сила» сыграет не против России, а на нее, на ее очищение и развитие.

Во встречной антимафиозной войне нет простых решений. Важно не попасть в «капкан схлопывания» экономических инициатив. Было бы, конечно, глупо полагать, что, например, все 300 тысяч владельцев крупной собственности в Лондоне из числа россиян – потенциальные коррупционеры или мафиози. Но проверки праведности доходов, причем с участием западных фискальных и правоохранительных органов, должны быть тотальными. Механизмы давно наработаны. Они имеются и у Росфинмониторинга через группу финансовых разведок «Эгмонт», и у российского бюро Интерпола.

Можно, например, сверить списки зарубежных налоговых органов о гражданах России, владеющих крупной собственностью за рубежом, со списками обвиняемых и подозреваемых по уголовным делам экономической и коррупционной направленности. Можно самим составить списки фигурантов по подобным делам, по каждому из них направить международные следственные поручения для поиска банковских счетов и собственности таких лиц за рубежом.

Механизмы ареста счетов и собственности, последующей их конфискации с целью возврата похищенных и легализованных средств подробно расписаны в конвенциях ООН против транснациональной организованной преступности (2000) и коррупции (2003).

Россия ратифицировала эти международные договоры и может использовать их в полном объеме. При слаженной и наступательной работе наших правоохранительных органов и спецслужб можно вернуть в Россию огромные объемы средств. Причем надо заставить Запад активно участвовать в данном процессе, не давая повод называть Россию криминальной страной.

Нет сомнения, что в антимافیозной холодной войне начнется «битва списков». России станут подсовывать имена тех, кто, по мнению Запада, входит в круг «друзей Путина». Российская же сторона будет требовать информацию о совсем других людях. Мой опыт работы в российском бюро Интерпола свидетельствует, что те, кто реально украл и легализовал похищенное за рубежом, неизвестны широкой общественности. Они не дают интервью, их лица не улыбаются с обложек глянцевого журналов.

Антимافیозная работа — ювелирная. Нельзя допустить, чтобы те, кто занимался экспансией бизнеса за рубежом в российских интересах, попали под каток репрессий и со стороны Запада, и со стороны самой России. Ведь именно к этому будут стремиться идеологи новой холодной войны в США и Европе. Им нужно убрать экономических конкурентов и породить бунт и сопротивление российской политике среди наиболее мобильной части населения.

Война с неизвестной целью

Чего добивался Михаил Саакашвили?

Виталий Шлыков

Война между Грузией и Россией вызвала во всем мире оживленную дискуссию о боеспособности Российской армии и множество разнообразных оценок военных итогов конфликта. Важно не терять пропорций в выводах. Пресса забита перечислением недочетов, выявленных в ходе военных действий, в управлении войсками и в их оснащении, недостаточном по сравнению с грузинской армией. В действительности же на основе «пятидневной войны» сделать далеко идущие выводы относительно состояния Вооруженных сил невозможно.

Если отвлечься на время от больших потерь среди гражданского населения и осады российских миротворцев, то случившееся следует охарактеризовать как вооруженный конфликт малой интенсивности с применением только обычного вооружения и вполне традиционных тактических приемов, в ходе которого не произошло каких-либо крупных сражений. Об этом свидетельствуют и данные о погибших с обеих сторон. Потери Российской армии составили: 71 человек — убитые, 340 — раненые. Тбилиси сообщил 15 сентября о гибели 168 своих военнослужащих, 16 полицейских и 180 гражданских лиц. Кроме того, 14 грузинских военных пропали без вести, а 20 человек остаются в российском плену. От подобных конфликтов прошлого (например, на Ближнем Востоке 1950—1970-х годов) «пятидневная война» отличается непомерно большими жертвами среди мирных жителей по сравнению с чисто военными потерями противоборствующих сторон.

В.В. Шлыков — председатель Комиссии по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов Общественного совета при Министерстве обороны РФ, член Совета по внешней и оборонной политике.

Не очень активно велась и война в воздухе. Даже по наверняка завышенным данным Михаила Саакашвили, российская авиация совершила около 200 самолетовылетов. Для сравнения: в первой войне в Персидском заливе в 1990-м союзная авиация произвела свыше 100 тысяч вылетов; во второй войне, в Ираке (2003), — более 45 тысяч вылетов.

Наиболее драматическим эпизодом, подробно описанным в прессе, стали обстоятельства ранения командующего 58-й армией генерал-лейтенанта Анатолия Хрулёва. Во главе колонны 135 мотострелкового полка 19 мотострелковой дивизии он попал в засаду грузинской 4-й пехотной бригады при въезде в Цхинвали, лично отстреливался из пистолета и швырнул гранату. Бой с ранением Хрулёва стал достоянием гласности благодаря журналистам, которые находились в одной колонне с генералом и были спасены майором Денисом Ветчиновым, удостоенным посмертно звания Героя России. В их описании бой заканчивается разгромом усиленной батальонной группы 135 мотострелкового полка, с которой ехал генерал Хрулёв и журналисты. Саакашвили также с гордостью говорил об этом бое, в котором 4-й бригаде якобы удалось уничтожить русских солдат и ранить командующего армией.

Однако красочные описания относятся к начальной фазе боя, после чего журналисты были эвакуированы и не видели его продолжения. В действительности никакого разгрома не было, так как батальонная группа под прикрытием танковой роты капитана Яковлева организованно отошла. Более того, два танка этой роты прорвались к лагерю миротворцев, где поддержали их своим огнем. Что касается числа погибших из состава батальонной группы, то известны имена семерых военнослужащих. Из 15 бойцов роты Яковлева не пострадал никто.

Российскому руководству, безусловно, предстоит сделать серьезные выводы из военных итогов кампании, что потребует длительного анализа. Сегодня же стоит подробнее остановиться на версиях начала и хода войны, выдвигаемых противоборствующими сторонами. Это имеет принципиальное значение для оценки той политической ситуации, в которой мы теперь оказались.

ГРУЗИНСКАЯ ВЕРСИЯ

Начну с грузинской версии, широко представленной на Западе благодаря многочисленным англоязычным интервью Михаила Саакашвили

и практически неизвестной у нас. В опубликованных высказываниях, на которые я буду ссылаться, грузинский президент и его министр обороны Давид Кезерашвили, разумеется, утверждали, что первой свои войска в Южную Осетию ввела Россия, а Грузия начала военные действия лишь в ответ на российскую агрессию. Вот их версия.

7 августа в 14.00 югоосетинская артиллерия открыла огонь по находившейся на территории Южной Осетии грузинской деревне Арневи, убив двух миротворцев. Югоосетинский артобстрел продолжался несколько часов. Грузины в ответ огня не открывали.

К вечеру, по словам Кезерашвили, его терпение лопнуло, и он отдал приказ на выдвижение тяжелой техники, в том числе танков, 203-миллиметровых САУ и 122-миллиметровых гаубиц, в сторону Южной Осетии. Это, утверждает он, была всего лишь демонстрация силы, а не подготовка к вторжению. Действительно, грузинские войска двигались по дорогам совершенно открыто и картинки выдвигавшихся колонн грузинской армии в тот день неоднократно демонстрировались по мировым каналам. Этот момент был зафиксирован и дипломатами-наблюдателями ОБСЕ.

В 19.00, когда грузинские части продолжали двигаться в сторону Южной Осетии, Саакашвили выступил по национальному телевидению и объявил об одностороннем прекращении огня. По словам Кезерашвили, в 22.00 югоосетинская артиллерия обстреляла грузинские деревни Сарабуки и Корта, где находилась штаб-квартира Дмитрия Санакоева, главы прогрузинской администрации Южной Осетии.

Вскоре после этого, уверяет Саакашвили, он получил сведения о концентрации российских войск у северного портала Рокского туннеля. По его словам, он тут же стал лихорадочно звонить западным дипломатам и руководителям НАТО с информацией о российских приготовлениях к вторжению в Грузию.

В 23.00 президент Грузии получил первые сообщения о том, что российские войска вошли в Рокский туннель и продвигаются на юг. В 23.50 поступило подтверждение, что российские танки появились на территории Южной Осетии.

После этого, утверждает Саакашвили, ему ничего не оставалось делать, кроме как открыть артиллерийский огонь с целью уничтожения моста в Диди Гупта и обстрела дороги у Рокского туннеля, чтобы не допускать дальнейшего перемещения российских войск. «Поступить иначе, — пафосно восклицает грузинский президент, —

означало бы потерю Грузией своего суверенитета. У меня просто не осталось выбора».

В 24.00 одновременно был открыт огонь в сторону Рокского туннеля, по правительственным зданиям в Цхинвали и деревням вокруг города. По словам Саакашвили, он запретил обстреливать гражданское население и этот приказ строго выполнялся. В первом часу ночи, сообщает Кезерашвили, грузинская артиллерия нанесла удар по бронетанковой колонне, состоявшей из более чем 100 российских танков и БТР в районе Джавы, что задержало ее продвижение на полтора часа.

В 2 часа ночи в пятницу 8 августа, продолжает Кезерашвили, грузинские войска выдвинулись к окраинам Цхинвали, а в 10.00 4,5 тысячи грузинских пехотинцев вступили в город, однако спустя два часа отступили под сильным огнем российской артиллерии и авиации. Именно в результате этих российских ударов и был разрушен Цхинвали, так как грузинские солдаты находились рядом с домами, где проживали мирные жители. Через три часа, то есть примерно в 15.00, 8 августа грузинские войска опять вошли в город и вновь попали под артиллерийский огонь и удары с воздуха. Значительных прямых столкновений с российскими войсками в тот день не было. В 23.00 грузинские части снова были выведены из Цхинвали.

В третий раз грузины вошли в Цхинвали в субботу 9 августа, и на этот раз, говорит Кезерашвили, они, уже измотанные, подверглись сильным атакам русских, продолжавших получать свежие подкрепления. «Силы были неравны, — утверждает Кезерашвили, — так как у меня было 9 тысяч солдат, а у русских насчитывалось уже 15–20 тысяч. Поэтому в воскресенье 10 августа я отдал приказ войскам отступать в сторону Гори».

Саакашвили тоже описывает действия грузинских войск как оборонительные: «Мы держались два дня, а на третий день через Рокский туннель вошли еще 500 единиц бронетехники. Поэтому во избежание уничтожения грузинской армии я отдал приказ об отступлении. Через час после заявления Буша по поводу действий России ее войска остановили свое продвижение на Тбилиси».

Саакашвили также утверждает, что еще ранее, до ввода войск в полночь с 7 на 8 августа, Россия скрытно сосредоточила крупные войсковые силы в районе Джавы. И после их обнаружения грузинской авиацией на рассвете 8 августа ему стало ясно, что Россия никогда не смогла бы сосредоточить такую крупную группировку за те

несколько часов, которые прошли после полуночи 8 августа, когда он узнал о вторжении в районе Рокского туннеля. При этом Михаил Саакашвили обрушился с критикой на западные спецслужбы за то, что они не сумели вскрыть эту концентрацию российских войск и их проход через туннель.

Грузинский руководитель выразил уверенность в том, что американцы сообщили бы ему, если бы вовремя обнаружили приготовления русских. Насколько можно понять из его слов, американцы объяснили свое упущение тем, что их разведывательные спутники были направлены в это время в сторону Ирака и не покрывали территорию Грузии. К тому же район Рокского туннеля был скрыт облаками.

Характерно, что, приводя многочисленные детали о действиях своих войск в Южной Осетии, ни Саакашвили, ни Кезерашвили даже не упомянули обстрел российских миротворцев грузинами.

Вышеприведенные утверждения категорически опровергаются российскими политиками и военными. Да и западные эксперты начинают относиться к ним все более скептически. Привожу я их столь подробно только для того, чтобы попытаться найти ответ на вопрос, какие цели в действительности преследовал Саакашвили своим вторжением в Южную Осетию. А от этого зависит многое, в том числе и убедительность распространенной на Западе версии о несоразмерности российской реакции или, наоборот, о ее недостаточной силе и необходимости «добить врага в его собственной берлоге», как требуют многие горячие головы. То есть занять Тбилиси и разоружить грузинскую армию.

ВЕРСИЯ БЛИЦКРИГА

Пока у российских политиков, военных экспертов и политологов преобладает точка зрения, согласно которой Саакашвили хотел путем блицкрига оккупировать Южную Осетию, закрыть Рокский туннель и поставить Россию и мир перед свершившимся фактом.

Прежде всего следовало бы разобраться, действительно ли грузинский президент преследовал планы блицкрига с выходом к Рокскому туннелю. У российского Генштаба, опирающегося на трофейные грузинские карты, на этот счет, похоже, сомнений нет.

Такой же точки зрения придерживаются большинство российских военных экспертов и политологов. Так, Вячеслав Никонов утверждает, что, по «информации из ближайшего окружения Саакашвили, он действительно думал, что вооруженные силы Грузии дос-

таточно сильны, вооружены и обучены, чтобы одержать победу над Россией в краткосрочном и локальном столкновении». И далее: «Были ли грузинские стратегия и тактика так уж неадекватны? Нет. Если бы российские войска вообще не вошли, а такая вероятность существовала, осетинская проблема была бы решена — за отсутствием осетин. Если бы они не вошли достаточно быстро, грузинские войска успели бы закупорить Рокский туннель — единственную артерию, связывающую Южную Осетию с Северной, что действительно могло обеспечить военную победу».

Те в России, кто верит в существование такого плана, а их, повторюсь, большинство, указывают на закономерность использования в таких случаях фактора внезапности, якобы позволившего Саакашвили застать российскую сторону врасплох.

После вторжения грузинской армии в Южную Осетию на российскую разведку обрушился шквал обвинений. Примечательно, что основными критиками наших разведчиков стали отставные высокопоставленные военные, в том числе два бывших министра обороны — один советский и один российский.

«Когда наши вошли в Чечню, — возмущается маршал Дмитрий Язов, — то Дудаев из гранатометов уничтожил почти всю нашу колонну. Сейчас мы вошли в Грузию — и наш танк сразу подбили. А где же разведка? О чем у нас думали? Вот и наш Ту-22 сбили, а ведь все знают, что американцы поставляли грузинам соответствующее оружие».

Очень жестко оценивает деятельность российской разведки всех степеней и видов генерал армии Павел Грачёв. По его убеждению, она проморгала сосредоточение грузинских огневых средств на самых выгодных для обстрела города высотах. И таким образом, согласно точке зрения экс-министра, пропустила внезапный удар грузинской армии по Цхинвали и его окрестностям. Отсюда так много жертв среди мирного населения и серьезные разрушения всей городской инфраструктуры.

Президент Академии военных наук генерал армии Махмут Гареев в интервью «Интерфаксу» также возлагает на разведку ответственность за потери миротворцев в живой силе и боевой технике в первые сутки атаки на Южную Осетию. «Военная разведка, — заявляет он, — не смогла заблаговременно вскрыть вероломные планы грузинской стороны».

Досталось разведчикам и за потери, которые понесла российская авиация. «Наши самолеты были сбиты по одной причине: не было

выполнено главное требование войны — разведка, — говорит генерал-полковник Геннадий Трошев, советник президента РФ, — не были подавлены средства ПВО и системы управления противника. Нужно было провести разведку, потом подавить системы управления и средства ПВО — и тогда бы не был сбит ни один самолет».

Основные стрелы критики летят в адрес военной разведки и ее головной организации — ГРУ Генерального штаба. «Наиболее отсталым звеном явилось Главное разведывательное управление, — пишет ответственный секретарь “Независимого военного обозрения” Вадим Соловьёв. — Ни на стратегическом, ни на тактическом уровне упреждающей разведывательной информации о выдвижении и боевых планах грузинских вооруженных сил собрано не было. Первый день войны для российской стороны ушел на осмысление обстановки и выработку решения. То есть вариант действий заблаговременно не просчитывался».

Проводятся даже параллели с нападением Гитлера на СССР. «Я считаю, — заявил Борис Грызлов перед заседанием Госдумы по вопросу признания независимости Абхазии и Южной Осетии, — что факт агрессии 8 августа соизмерим с фактом агрессии 22 июня 1941 года, не иначе как фашистским нападением я не могу это назвать».

Думаю, мы не скоро узнаем, докладывала ли военная разведка своевременно о концентрации грузинских войск вокруг Цхинвали, наличии современных средств ПВО у Грузии и т. п. В этом вопросе ГРУ находится в неравном положении со своими критиками, ибо не может ответить им в открытой полемике в силу специфики своей деятельности.

По моему предположению, скорее всего, докладывала. Точно так же, как докладывала накануне 22 июня 1941 года о концентрации немецких войск у границ СССР. Вопрос в том, как она это делала и почему к ее информации не прислушались. И самое главное, **что** нужно сделать, чтобы разведка отвечала своему основному предназначению — не проглядеть войну и вообще быть в состоянии предупредить политиков и военачальников об опасности. И при всем при том делать это убедительно.

РУЖЬЕ НА СТЕНЕ

Однако чем больше времени проходит с того момента, как завершилась кавказская «пятидневная война», тем больше сомнений вызывает версия блицкрига. Прежде всего она плохо подтверждается самым ходом боевых действий.

Начнем с атаки на российских миротворцев. Спрашивается, зачем грузинам нужно было почти трое суток штурмовать их лагерь, вместо того чтобы обойти его и незамедлительно направиться к Рокскому туннелю? Вряд ли слабо вооруженные и рассеянные вначале по разным местам дислокации российские миротворцы, к тому же связанные обязательством не открывать огонь первыми, могли представлять серьезную военную угрозу. Почему, в конце концов, нельзя было предложить им сдаться? Вместо этого грузинские войска сразу же, без предупреждения открыли по ним огонь из тяжелого оружия и продолжали более двух суток атаковать их лагерь.

Далее, почему они в течение 18 часов безжалостно бомбардировали жилые кварталы Цхинвали, вместо того чтобы целеустремленно прорываться к туннелю? Ведь по плану «А» 2006 года, о котором пишет немецкий журнал *Der Spiegel*, они должны были достичь Рокского туннеля уже через 15 часов.

Странно вели себя грузинские войска и в последующие дни. Ведь 8 августа они дважды входили в Цхинвали и, не встретив в нем российских войск, оба раза возвращались назад в Грузию. Вряд ли причиной их возвращения на прежние позиции было сопротивление югоосетинских ополченцев: слишком неравны были силы сторон. И только 9 августа они, войдя в Цхинвали, завязали бои с авангардом российской 58-й армии. Но уже на следующий день Саакашвили отдал своим войскам приказ к отступлению.

Плохо подтверждается и версия о том, что грузинское наступление застало российское руководство и армию врасплох. Обе стороны практически синхронно и в открытую готовились к возможному вооруженному столкновению. 15 июля начались грузино-американские военные маневры «Немедленный ответ-2008» (*Immediate Response-2008*). В них приняли участие 1 000 американских и 1 630 грузинских военнослужащих, в том числе подразделения 4-й пехотной бригады, т. е. той самой, с которой вступил в бой 8 августа 135-й мотострелковый полк.

День в день с грузино-американскими учениями по другую сторону Главного Кавказского хребта начались маневры «Кавказ-2008» под руководством командующего Северо-Кавказским военным округом (СКВО) генерал-полковника Сергея Макарова. В российских маневрах участвовали около 8 тысяч военнослужащих, главным образом части 58-й армии, 76-й (Псковской) дивизии ВДВ, 4-й армии ВВС, а также внутренние войска МВД и пограничники. К учениям

было привлечено около 700 боевых машин и свыше 30 самолетов и вертолетов. По сообщениям российских военных, маневры проводились с целью отработки способов оказания помощи миротворцам в Южной Осетии.

Закончились российские и грузино-американские учения также практически синхронно – 30 и 31 июля соответственно.

Таким образом, пресловутое ружье, которое должно было выстрелить, было повешено на стену еще в июле, и все первые дни августа между грузинами и югоосетинами велся почти непрерывный взаимный обстрел позиций.

Ответ на вопрос, почему ружье выстрелило именно в полночь с 7 на 8 августа, мы, по всей вероятности, получим нескоро. Гораздо важнее все же понять, какие цели преследовал Михаил Саакашвили, развязывая войну.

Конечно, нельзя исключать, что он начал вторжение в надежде на то, что Россия не вмешается в грузино-югоосетинскую войну. Об этом, в частности, заявил в интервью газете *Financial Times* заместитель министра обороны Грузии Бату Кутелия.

По-видимому, к такой оценке российской позиции его подталкивали американские советники, а возможно, он начитался публикаций о слабости российских Вооруженных сил. К примеру, он мог ознакомиться с докладом Института национальной стратегии «Итоги с Владимиром Путиным: Кризис и разложение Российской армии», подготовленным с участием таких военных экспертов, как Александр Храмчихин, Анатолий Цыганок и др. В докладе авторы утверждали, что за годы президентства Путина Вооруженные силы пришли в упадок и резко снизили свою боеспособность.

На самом деле, 58-я армия уже давно обнаруживает высокую степень боевой готовности. В этом я мог убедиться лично. Дело в том, что 19 июня 2007 года Общественный совет при Министерстве обороны, членом которого я являюсь, провел выездное пленарное заседание в уже упоминавшейся 58-й армии. В ходе этого заседания мне довелось наблюдать на общеармейском высокогорном полигоне «Дарьял», расположенном почти на самой границе с Грузией, за батальонными тактическими учениями 1-го батальона 693-го мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии. Того самого полка, который одним из первых вошел в Цхинвали.

Хотя по условиям учений отрабатывался перехват крупной (несколько сот человек) террористической группы, было очевидно,

что речь шла о ведении батальоном боя с хорошо оснащенной регулярной и притом наступающей армией. Ибо на пути выдвижения сил «противника» подрывались минные поля, наносились удары ствольной и реактивной артиллерией, с воздуха действовали штурмовики и ударные вертолеты. Действия мотострелков поддерживались танками, а в тылу «противника» был высажен вертолетный десант. При этом боеприпасы использовались отнюдь не учебные.

Никто не стремился разыгрывать показательное представление для высокого начальства и прессы. В штабе учений висел график, из которого следовало, что аналогичные маневры в последующие дни проведут и остальные батальоны полка и дивизии. Побеседовал я и с рядовыми участниками учений во время совместного обеда с отличившимися военнослужащими и еще раз убедился, что всё это «не понарошку». Я побывал и в расположении 503-го мотострелкового полка той же 19-й мотострелковой дивизии в поселке Троицкое (Ингушетия), который впоследствии «зачищал» Цхинвали. Эта часть постоянной боевой готовности полностью укомплектована контрактниками.

Мне приходилось бывать во многих гарнизонах армии США, и я убедился, что условия службы и боевой подготовки наших военнослужащих в этом полку мало в чем уступают американским.

В вертолете, который переправлял нас с полигона сначала в Троицкое, а оттуда во Владикавказ, я спросил командующего 58-й армией генерал-лейтенанта Анатолия Хрулёва, сколько получает командир полка. Человек открытый, с большим чувством юмора, он ответил: «Намного больше, чем я. Ведь он — контрактник, а кто я?» Действительно, в силу странностей системы оплаты военнослужащих в Министерстве обороны РФ высокие оклады контрактников и офицеров в частях повышенной боевой готовности (рядовой получает около 30 тысяч рублей в месяц) не распространяются на вышестоящий командный состав дивизионного (если дивизия не контрактная) и армейского уровня. Так что командующий армией СКВО на самом деле получает значительно меньше командира контрактного полка.

Конечно, какое-то объяснение действиям Саакашвили могла бы дать подробная информация о точном времени ввода российских войск, их составе и графике передвижения к Цхинвали. К сожалению, Министерство обороны РФ пока не опубликовало подобные данные. Однако на основании рассказов раненых военнослужащих

можно восстановить картину, которая дает основания отбросить распространяемые на Западе, а также некоторыми нашими обозревателями домыслы о ловушке, в которую российские войска якобы сознательно заманили Саакашвили.

Так, военнослужащие свидетельствуют о том, что после завершения учений «Кавказ-2008» они не остались в районе будущего конфликта, а вернулись в места постоянной дислокации. Например, 76-я дивизия ВДВ вернулась в Псков 4 сентября и не находилась в состоянии готовности к выходу, а уже 8-го числа в 8.00 она была поднята по тревоге.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛЕД

Несмотря на все попытки Соединенных Штатов откреститься от своего соучастия в «пятидневной войне», подозрения в отношении их роли в ней растут. Президент России Дмитрий Медведев и премьер-министр Владимир Путин уже выразили убежденность в причастности Соединенных Штатов к эскалации конфликта.

Американские официальные представители утверждают, что грузинский президент действовал самостоятельно и даже не уведомил их о своем решении начать войну. Специальный посол США в Грузии Мэтью Брайза сообщает, что он предостерегал Саакашвили вечером 7 августа, когда тот проинформировал его о концентрации российских войск у грузинской границы: «Не позволяйте заманить себя в ловушку. Не воюйте с российской армией». Брайза уверяет, будто ему было неизвестно, что в тот самый момент грузинские войска выдвигались к югоосетинской границе и продолжали свое движение после объявления Саакашвили о перемирии.

Правда, серьезные американские эксперты не верят в американскую непричастность. Джордж Фридман, президент центра *Stratfor*, пишет: «Совершенно невозможно представить себе, что американцы были не в курсе от мобилизации грузинских вооруженных сил и их намерений. Так же нелегко представить себе, что русские развернули значительные силы на югоосетинской границе. Американская техническая разведка — от спутников и радиоэлектронной разведки до беспилотных авиационных средств — не могла не засечь выдвижение русских войск на передовые рубежи. Очень трудно поверить в то, что грузины начали свое наступление вопреки пожеланиям Соединенных Штатов. Грузины полагаются на США и никак не могли действовать против их воли.

Остаются два объяснения случившегося. Первое предполагает полный провал разведки, в результате чего Соединенные Штаты или не знали о существовании русских войск поблизости, или — вместе с грузинами — просчитались в оценке их намерений. США наряду с другими странами до сих пор смотрят на Россию через призму 1990-х, когда Российская армия была развалена, а российское правительство — парализовано. Вашингтон предполагал, что русские не пойдут на риск вторжения».

Однако некоторые западные эксперты полагают, что, подталкивая Саакашвили к агрессии, Соединенные Штаты делали все для того, чтобы Россия применила свои Вооруженные силы, причем как можно жестче и массивнее.

В статье «Как Россия разбила в прах Грузию, но проиграла войну», опубликованной 26 августа канадской газетой *The Glob and Mail*, профессор Пётр Дуткевич, до недавнего времени директор Института по изучению Европы и России Карлтонского университета, излагает любопытную версию.

Автор полагает, что конфликт в Грузии стал «блестящей реализацией реальной стратегии Америки, в результате чего достигнут желаемый результат». Случившееся Дуткевич считает «попыткой со стороны США ослабить влияние единственной ядерной державы в мире, которая постоянно выражает свое несогласие по внешнеполитическим вопросам, таким, к примеру, как Ирак, Афганистан, Иран и Пакистан». «Все это весьма успешная, хотя и неверно нацеленная попытка подорвать глобальный статус России путем заманивания ее в западню, не попасть в которую она не могла, — пишет автор. — Американцы отнюдь не потеряли контроль над горячим и импульсивным президентом Саакашвили... а мастерски использовали грузинского президента».

«Результат ответного удара со стороны России оказался именно таким, как того хотела Америка, — резюмирует Пётр Дуткевич. — Теперь политическое влияние России в мире ослаблено. Все мировое сообщество, почти без исключений, единодушно выступило с осуждением действий России, и в результате любая критика с ее стороны по поводу военных авантур Соединенных Штатов теряет убедительность».

Если согласиться с точкой зрения профессора Дуткевича, то действия грузинской армии, кажущиеся столь непоследовательными и сумбурными, приобретают внутреннюю логику, подчиненную заранее выношенному замыслу — любой ценой втянуть Россию в войну.

Во-первых, жестокая бомбардировка жилых районов Цхинвали, непосредственно провоцирующая Москву на вмешательство.

Во-вторых, атака на миротворцев, которую Владимир Путин охарактеризовал как прямое нападение на Россию.

Однако первоначально у тех, кто планировал всю провокацию, скорее всего, не было ясности в отношении масштабов российского вмешательства. У них появлялись опасения, что Россия может ограничиться разблокированием миротворцев и апелляциями к мировому сообществу по поводу бомбардировки мирного населения.

И поначалу такие опасения как будто оправдывались. По моей оценке, российские войска вышли из Рокского туннеля не ранее полудня 8 августа дежурными силами 58-й армии в составе трех батальонных групп 19 мотострелковой дивизии, которые к 15.00–16.00 развернулись в боевые порядки в районе Джава и Гуфта. Подняты они были по тревоге в 3 часа ночи 8 августа. Наличие таких сил никак не свидетельствовало о начале масштабного наступления в сторону Грузии. Российская авиация в то время вообще бездействовала, а части 19-й дивизии продвигались без вертолетного прикрытия.

В свете подобного развития событий становятся понятнее странные на первый взгляд маневры с двукратным вводом грузинских войск в Цхинвали и выводом их оттуда (в 12.00 и в 23.00) 8 августа якобы вследствие огневой атаки российской артиллерии и бомбовых ударов российской авиации. Эти маневры с входом-выходом имели двойную цель — имитировать наступательные действия в направлении Рокского туннеля (при входе войск) и приписать разрушение Цхинвали действиям российских военных. На самом деле они подошли к окрестностям города после суточного марша только к вечеру 8 августа и их артиллерия не успела занять боевые позиции. Главная же цель грузинских маневров состояла в том, чтобы втянуть слабые передовые силы российских частей в бои и заставить их запросить подкрепления.

Войдя 9 августа вновь в Цхинвали, грузины атаковали российские войска небольшими подвижными группами с разных направлений, чтобы инсценировать широкий фронт наступления. На одну из таких групп и наткнулась колонна 135-го полка.

Такой же попыткой втянуть Россию в боевые действия и представить агрессором являлась, по-видимому, и бессмысленная с военной точки зрения атака грузинских катеров на корабли российских ВМФ. Вполне возможно, что у тех, кто стремился заставить Россию

ударить со всего размаха, были в запасе и другие задумки. Несмотря на беспримерный героизм наших миротворцев, кажется странным, что, имея подавляющее превосходство в живой силе и тяжелой технике, грузины не смогли захватить их лагерь. Не исключаю, что им было важнее держать миротворцев в полузаложенниках. Ведь пока те оставались в осаде, можно было не сомневаться, что их попытаются деблокировать. А в случае захвата лагеря грузинами Россия могла ограничиться яростными протестами, удовольствовавшись тем, что действия Грузии получили международное осуждение.

В этой связи хотелось бы, в частности, понять, насколько достоверны показания грузинского корректировщика огня, захваченного в плен миротворцами и предупредившего их о том, что через час на них будет обрушен огонь из установок «Град» и совершен налет авиации. Получив такое предупреждение, миротворцы спешно покинули лагерь. Весьма вероятно, что после сражения с бойцами 135-ого полка, убедившись, что он состоит всего лишь из миротворцев, те, кто стоял за планом втягивания Москвы в войну, решили прибегнуть к шоковому воздействию — уничтожить миротворцев. После этого можно было бы не сомневаться, что Россия дойдет и до Тбилиси, и дальше.

К 10 августа Саакашвили реализовал свой план. К тому времени подошла после длительного и трудного марша мощная и самая боеспособная 42-я дивизия из Чечни. В отличие от 19-й дивизии, в которой контрактниками укомплектован только 503-й полк, 42-я дивизия является полностью контрактным соединением постоянной готовности. Шансов на успех в бою с такой силой у грузин не было ни малейших.

Но они и не собирались с ней всерьез сражаться. Главная цель была достигнута: Россию уже можно было представлять агрессором, вторгнувшимся на территорию маленькой демократической страны.

Конечно, это весьма схематичная версия, и я надеюсь, что найдутся аргументы, опровергающие ее. Уж в слишком мрачном свете выглядит будущее российско-американских отношений, если эта версия верна.

СТАЛИНИР

В Сталинире можно встретить немало старожилов, помнящих, что представлял собой этот город, до 1933 года называвшийся Цхинвали. В дореволюционное время Цхинвали был торговым местечком, грязным, неблагоустроенным, неприветливым. Ни водопровода, ни электрического освещения, ни театра. Ни даже больницы. Питьевую воду брали из канав. Лечились у знахарок. Темная, тяжелая была жизнь...

Ныне Сталинир – центр Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР – законно претендует на одно из первых мест в соревновании за лучшее благоустройство городов. Исчезают с улиц города ветхие хибарки, уступающие место уютным, благоустроенным домам. Улицы асфальтируются и озеленяются. В «день леса», состоявшийся весной, в парках, вдоль улиц и дорог, во дворах были посажены тысячи деревьев.

С помощью населения сооружен несколько недель назад и оросительный канал на улице имени Сталина. Этот канал длиной 1200 метров оросит свыше 500 гектаров Сталинира.

По существу, Сталинир создается заново и по хорошо разработанному плану. Дом Советов, театр, трехэтажная гостиница, железнодорожный вокзал и ряд других общественных зданий построены с большим вкусом.

Есть теперь в Сталинире, конечно, и водопровод, и электричество, и высшее учебное заведение – Педагогический институт, и детские сады, и кино, и Дом культуры, и Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, и несколько средних школ. Имеются кирпичный и черепичный заводы, снабжающие материалами местное строительство, появились и другие предприятия, которых до революции здесь не было. А новые дороги, в горных условиях играющие особую роль, приблизили центр области к столице Грузинской ССР.

В 1940 году была построена железная дорога Гори – Сталинир, связывающая Юго-Осетию с Тбилиси. В сооружении железной дороги, как и шоссейных дорог, самое активное участие приняло местное население.

И. Севастьянов

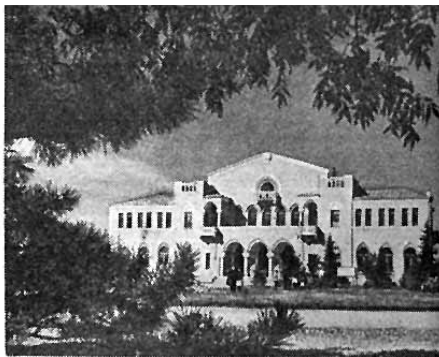
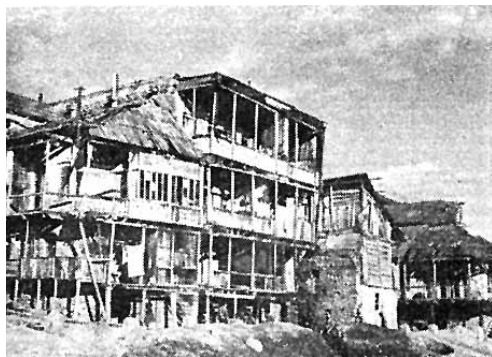
В сквере, в центральной части города, сооружен памятник великому поэту осетинского народа Косте Хетагурову.

На этом месте недавно был пустырь. Сейчас здесь стоит новый Дом Советов.
Внизу – новая улица, асфальтированная и озелененная.

Такие дома определяли раньше лицо Сталинира.

Гордость трудящихся Сталинира – здание
Государственного театра имени
Косты Хетагурова.

Большой популярностью в Грузии пользуется Осетинский государственный ансамбль песни и пляски, руководимый заслуженным деятелем искусств Б. А. Галановым. Ансамбль выступает в театрах, парках, на колхозных полях, исполняя произведения русских, грузинских и осетинских композиторов.

«Огонек» № 30 (1103), 25 июля 1948 г.

Новый шанс на лидерство

Россия еще может возглавить реинтеграцию СНГ

Давид Эркомаишвили

Несмотря на очевидную неоднородность эволюции республик бывшего СССР, само постсоветское пространство все еще остается на плаву как единое политико-социальное объединение. Несуществующая на карте постсоветская политическая организация незримо связана энергетическими и транспортными коридорами, рынками, торгово-экономическими отношениями, появившимися еще при СССР. Особенности административной системы, государственного устройства, распространение русского языка — результат присутствия Российской империи и Советского Союза.

Это пространство в своем роде уникально. Едва ли где-то еще можно найти такое скопление стран, связанных друг с другом не только общей историей, культурой, но и политической географией. Содружество Независимых Государств (СНГ) обладает стратегическим преимуществом перед схожими организациями — Франкофонией, Британским Содружеством, Иберийским союзом. Все они состоят из разбросанных по миру территорий, что обусловлено морской ориентацией трех империй в колониальный период их развития. Страны же, входящие в СНГ, имеют общие границы, что делает возможным создание единого экономического пространства и таможенного союза, зоны свободного перемещения капитала, рабочей силы, товаров и услуг.

Содружество — единственная площадка, способная служить отправной точкой для реинтеграционных проектов. Из СНГ вывели Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) — два самых, по-

Давид Эркомаишвили — аспирант Пражского университета *Metropolitan* (Чешская Республика).

жалуй, перспективных проекта на постсоветском пространстве. Однако их возможности используются не в полной мере.

Причин тому несколько — прежде всего неготовность республик к созданию наднациональных институтов. В значительной степени она объясняется разнородностью развития политических систем стран Содружества. Во многих из них коррупция и борьба за власть являются главенствующим элементом функционирования государственной системы, и правящие элиты не желают делиться полномочиями с наднациональными органами.

Страны Европейского союза также сталкиваются с определенными проблемами в связи с разным уровнем экономических систем, однако политическое развитие подведено к базовому знаменателю — демократическим нормам. Но так ли необходима демократическая модель для запуска серьезного этапа постсоветской реинтеграции? Согласно теории альянсов, в объединения способны вступать любые страны: большие и малые, с демократическими и авторитарными режимами, монархии и республики.

Россия является связующим звеном и гарантом целостности постсоветского пространства. Пройдя стадию первичного становления, бывшие союзные республики стоят на распутье: эволюционировать в сторону реинтеграции на экономически взаимовыгодной основе, создав Евроазиатский союз по типу Европейского союза, либо воздвигнуть новые барьеры в попытках стать частью других интеграционных структур.

В последнем случае неизбежно усиление напряженности и серьезная перекройка сложившейся мировой системы. Оба пути имеют реальные и равные перспективы.

ПРЕДПОСЫЛКИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

Любая великая держава нуждается в собственной зоне влияния, на которую проецируются ее национальные интересы. Для России это постсоветское пространство, где она является локомотивом интеграционных процессов. Здесь расположен естественный буфер, свободный от политического и военно-стратегического доминирования Запада.

В экономическом плане прилежащие страны — отправная точка для выхода российского бизнеса на мировые рынки, а также форпост и испытательный полигон (в лучшем смысле этих слов) успешности стратегий российских компаний за рубежом. Рублю

не стать мировой резервной валютой, если он не приживется в государствах СНГ.

Безопасность Российской Федерации неразрывно связана с постсоветским пространством. И дело не только в военной инфраструктуре и военных объектах, расположенных на территории некоторых стран. Сам статус России как одной из великих держав неотделим от постсоветского пространства. Оно является оплотом реального стратегического влияния Москвы в мире, единственным живым остатком некогда могущественного СССР и, в конце концов, шансом России на мировое возрождение. Потому и в Концепции национальной безопасности РФ территория Содружества определена как зона стратегических национальных интересов.

Именно возможностью заблокировать Кремль можно объяснить настойчивые попытки НАТО преодолеть границы СНГ. Разрушение постсоветского пространства станет серьезным потрясением для всех стран-участниц, и в первую очередь, для их экономик. Безопасность, стабильность и развитие постсоветского пространства напрямую зависят от ситуации в России. Крупные экономические кризисы быстро пересекали границы стран Содружества.

Сегодня, когда российская политика на постсоветском пространстве начинает медленно поворачиваться в сторону интеграции, методы реализации внешнеполитических интересов Запада также претерпевают значительные изменения. Прежде всего это отказ от революционной смены режимов и политики изоляции, активное применение двойных стандартов (чего не чурается сейчас и Москва), самые смелые попытки с помощью политики альянсов (расширение НАТО, создание альтернативных объединений без участия России) разрушить Содружество Независимых Государств.

Для сохранения своих позиций Москве жизненно необходимо представить привлекательную и конкурентоспособную модель развития общего пространства. Парадокс отношений с бывшими соотечественниками заключается в том, что, признавая приоритетность этого направления, Россия не готова пока серьезно вкладываться в реинтеграцию. Отсюда многочисленные недопонимания и политические кризисы.

В современном мире, где система привычного международного права разрушена, а события развиваются стремительно, нельзя более рассчитывать на лояльность бывших союзных республик, не подкрепляя свои ожидания реальными, а главное, обоюдовыгод-

ными предложениями. Важно преодолеть и психологический «комплекс Советского Союза», перестать воспринимать республики по умолчанию лояльными. Выстраивание новых отношений должно предусматривать искреннюю готовность к серьезным вложениям в экономическую, политическую, социальную системы.

Не следует втягивать постсоветские страны в идеологическую конфронтацию с Западом и тем более принуждать их к поддержке силовых шагов России. Чревато и формирование альянсов в противовес НАТО либо другим евро-атлантическим структурам. Именно такие объединения разрушаются первыми, деградируя из эффективного инструмента решения проблем в бессмысленный союз ради идеологического противостояния. Для республик СНГ не будет привлекательным предложение о создании структуры, действия которой в основном направлены на поддержку противостояния с Западом, а участие в ней не предполагает особых выгод, кроме добрых отношений с Кремлем.

Понятно, что задача сохранения постсоветского пространства в условиях ожесточенного давления Запада крайне сложна. Москва пока не располагает широким ассортиментом инструментов воздействия, кроме силовых. Однако такое давление, как видно на примере Грузии и Украины, не повышает кредита доверия, необходимого для успешного развития отношений. Тем более оно не способствует популяризации идеи более углубленного сотрудничества.

На данном этапе все происходящее можно охарактеризовать как реконструктивный период. Подход, основанный на остатках советской структуры, трансформируется в направлении новой, хотя и берущей начало от уже наработанных методов системы взаимодействия. Иными словами, СНГ успешно выполнило свою основную миссию – сохранение постсоветского пространства, насколько это было возможно, в бесконфликтном и полном формате. Данный этап завершен. Сегодня у России появляются реальные возможности преобразовать постсоветское пространство в единую интегрированную площадку нового типа. Главной целью Москвы должно стать создание такой модели сотрудничества, при которой республики, не боясь Кремля, стремились бы к сближению, как это происходит сегодня в случае Евросоюза.

Речь идет не только о двусторонних или ограниченных объединениях, но и о так называемом расширенном СНГ. Тут впору сочетать подходы, которые предлагают Белоруссия и Казахстан. Минск

как столица Содружества выступает за интеграцию в расширенном составе, которая включает все страны СНГ. Астана поддерживает твердую интеграцию, но в более узком составе с возможностью распространения интеграционных проектов на более широкий круг участников. Очень важно, чтобы новая основа взаимоотношений между республиками гарантировала соблюдение баланса интересов.

О БОЮДОВЫГОДНЫЙ АЛЬЯНС

Теория опорной точки в географической Евразии, выдвинутая Хальфордом Макиндером еще в 1904 году, получает уникальное воплощение на современном пространстве СНГ. Видимо, в ближайшие годы баланс интересов здесь будет уравниваться альянсами. Такая форма сотрудничества не предполагает агрессии крупных и сильных стран против малых и слабых. Создание альянса обоюдовыгодно: соответствующая политика дает небольшим государствам возможности влиять на политику сильных соседей.

Малым региональным лидерам участие в альянсе предоставляет шанс выйти на международную арену, расширяя их воздействие на глобальную политику. Влиятельным странам союз обеспечит стабильное и конструктивное присутствие в регионе и активное продвижение своих интересов. Рамки объединения помогают оптимальным способом разрешать конфликты интересов, а гибкость альянсовой политики позволяет подключать игроков, традиционно не считающихся региональными, но имеющих свои цели.

На постсоветском пространстве политика создания союзов имеет свои нюансы. Базовые принципы — экономическая выгода и строгие гарантии соблюдения интересов. Основой доверия является добровольность вступления в объединение и выхода из него. Обычно такой важный элемент, как возможность выхода из объединения на начальных этапах, исключается из основополагающих документов, либо же присутствует только косвенно. Так, скажем, до недавнего времени было с Европейским союзом. Два фактора будут определять эффективность организации: структура распределения влияния между участниками, а также уровень сплоченности и координации механизмов.

Специфика развития системы постсоветских отношений сегодня не позволяет альянсу не иметь лидера или группы лидеров. Мало кто сомневается в том, что лидером может быть Россия, и с этим готовы считаться. Но возникновение нового объединения в рамках

постсоветского пространства не будет означать монополию на него Москвы. Опыт ЕС подсказывает, что интеграция не нарушает право государства на собственную нишу во внешней политике, если существуют строгие гарантии уважения его интересов. Более того, инструменты и влияние отдельных стран могут возрасти.

Многие республики предпринимают действия, направленные на освобождение от российского влияния. Создание альянса, в котором у стран СНГ появились бы реальные инструменты взаимодействия со своим могучим соседом, а также механизмы регулирования политической приближенности или отдаленности от России, могло бы избавить их от опрометчивых поступков и обеспечить стабильность развития и в то же время, уважая интересы Москвы, интегрироваться в мировое сообщество. Сейчас же каждая попытка сблизиться с Западом влечет за собой агрессивные шаги Кремля. Такая система взаимоотношений себя исчерпала.

УРАВНОВЕСИТЬ ИНТЕРЕСЫ

Страны Евросоюза и США, безусловно, не заинтересованы в сохранении целостности постсоветского пространства. На энергетической (и не только) основе могут развиваться конфликты. Они тем более вероятны, чем быстрее укрепляется глобальная роль Москвы. Мало у кого остались сомнения в том, что Россия вернула себе статус мировой державы. Вместе с этимкратно возрастает и ответственность за любые внешнеполитические шаги.

В 1907 году Русско-английское соглашение распределило сферы влияния между соперничавшими империями в Азии и, по сути, положило конец «большой игре». Однако тогда в проигрыше остались территории, на которые претендовали державы. Сегодня речь, конечно же, не идет о возможности следовать примеру предков. Но две вещи очевидны.

Во-первых, для дальнейшего конструктивного развития постсоветского пространства необходимо разграничить степень и плотность влияния более сильных стран, так как избавиться от такого влияния невозможно.

Во-вторых, спустя сотню лет с момента вступления в силу того соглашения структура международных отношений не позволяет игнорировать интересы бывших союзных республик. В годы противостояния (в том числе и во время холодной войны) небольшие государства не имели значительных рычагов влияния на сверхдержа-

вы и в большинстве своем исполняли роль массовки. Не последней тому причиной была идеологическая направленность объединений. Теперь ситуация иная.

После короткой войны Грузии и России, выхода Тбилиси из СНГ, признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии постсоветское пространство изменилось. Характерна выжидательная позиция традиционных российских партнеров из числа соседей. Единственной, по сути, страной, своевременно и четко обозначившей свою позицию, стала Украина. Участники ОДКБ не выразили ясной, единой внешнеполитической линии, что идет вразрез с уставом организации, который предполагает обязательную военную и, главное, политическую поддержку стране-члену, и такая поддержка была необходима России, участвовавшей в боевых действиях.

Альянсы на постсоветском пространстве (военный в лице ОДКБ и самый перспективный торгово-экономический ЕврАзЭС – организации, схожие структурно, где локомотивом является Россия) представляют собой основу, необходимую для нового, более мощного интеграционного образования. Но чтобы развить данные структуры, необходимо унифицировать совместные проекты, превратить их в реальные точки соприкосновения и активного сотрудничества, не скатившись к формированию идеологических антизападных блоков.

Почти все значимые экономические проекты и вложения невозможны без качественной и стабильной гарантии безопасности их выполнения. Важным элементом взаимовыгодного использования транзитного потенциала является наращивание транспортировки энергоресурсов, которая также не может обойтись без стабильной системы региональной безопасности.

Одним из промежуточных шагов на данном направлении может стать создание международного форума (Форум евро-азиатского сотрудничества) для взаимодействия между Россией, постсоветскими республиками и Западом с возможностью подключения других заинтересованных сторон. Именно такое образование может сейчас явиться компромиссом между Москвой и западными столицами, создав условия для конструктивного развития постсоветского пространства.

Подобный форум поможет в поиске решений, уравнивая конфликтные интересы и не допуская развала постсоветского пространства. Моделью может служить Шанхайская организация сотрудничества, которая помогла России и КНР разграничить инте-

рессы в Центральной Азии, направить противоречия в конструктивное русло, не забыв при этом о заинтересованности самих центрально-азиатских республик, а также региональных соседей.

Распространение ядерного оружия, наркоугроза, фундаментализм, терроризм, сепаратизм, проблема водного обеспечения, ДОВСЕ и расширение НАТО – все эти проблемы требуют решения. Создание подобного форума могло бы оказаться кстати и в деле развития ОДКБ, ее не только военной, но и миротворческой составляющей с перспективой выхода за пределы СНГ. Известно, что Североатлантический альянс не спешит взаимодействовать с ОДКБ, хотя существуют реальные области такого сотрудничества – стабилизация южных рубежей Содружества и совместные операции в Афганистане.

Россия ни при каких обстоятельствах не должна быть заинтересована в «асимметричных ответах» Западу. Такие внешнеполитические шаги в рамках постсоветского пространства окончательно подорвут доверие к Москве в стане правящих элит соседних государств. Дальнейшее развитие постсоветского пространства невозможно без мощной организационно-интеграционной структуры. История дает России шанс попробовать еще раз стать центром конструктивного притяжения. Согласна ли Москва отказаться от части силовых рычагов воздействия, чтобы реинтегрировать постсоветское пространство?

Сегодня интеграционные процессы условно можно разделить на две составляющие – экономическую и военную. При этом на второй план отходит понятие социального сотрудничества, под которым подразумеваются все сферы культурного (главное, лингвистического) взаимодействия, а также формирование дружественного отношения к России. Присутствие же российского лобби в странах СНГ более чем скромно.

Практика показывает, что успешное продвижение экономических интересов невозможно без параллельного формирования дружественного отношения к стране. Годами главным недостатком политики Москвы на постсоветском пространстве были контакты в основном с политическими силами соседних государств. Порой, что еще хуже, только с определенными элитами, кланами, пришедшими к власти случайно, в результате развала Союза. Таким образом, смена режима могла увести страну с дружественного России курса. Такое самоограничение привело к непоправимым последствиям. К примеру, подчеркнута выраженные анти-

российские режимы в Грузии и Украине являются реальной и явной угрозой развала всего постсоветского пространства.

СОЗДАТЬ РОССИЙСКОЕ ЛОББИ

До недавнего времени пути воплощения в жизнь стратегических интересов Запада и России на территории бывшего СССР значительно различались.

Запад поддерживал неправительственные организации, создавал и активно развивал культурные центры, языковые и образовательные связи, выдавал гранты на обучение и развитие частного предпринимательства. В результате он смог поддержать оппозиционные круги и вывести из орбиты влияния Москвы некоторые государства.

Россия, в свою очередь, добилась противоположного результата. Конечно, на то были объективные причины: просматривается прямая связь с кризисами и конфликтами внутри страны, но это не оправдывает сложившегося положения дел. Тревогу вызывает общеизвестный факт сокращения числа русского и русскоязычного населения в странах постсоветского пространства.

Во-первых, значительно падает уровень распространения русского языка. В нем утрачивается необходимость, его место заполняют национальные языки.

Во-вторых, положение русскоязычного населения (не являющегося носителем национального языка, но не обязательно этнически русского) осложняется вынужденной интеграцией в новые общества, где произошла смена идентичности и в которых им отводится далеко не равная с коренным населением роль.

Размывание русскоязычной (или даже общей советской) самоидентификации в странах СНГ является следствием провальной политики Москвы на данном направлении. За пределами России и Белоруссии русскоязычная идентичность сохранилась в относительно удовлетворительном состоянии в Казахстане. Но и здесь это объясняется отчасти волей казахстанского лидера, географической близостью с Россией и общими стратегическими проектами. В основном же, остатки этой идентичности держатся в странах Содружества на осколках советского прошлого, которое более 15 лет с ненавистью уничтожалось во всех без исключения новых независимых государствах.

Россия не раз заявляла о стратегической приоритетности постсоветского вектора внешней политики. Не оставили сомнения в этом и первый визит президента Дмитрия Медведева в Казахстан, и

предшествовавший ему неформальный саммит СНГ, состоявшийся в Москве в феврале 2008-го. Выступая на нем, Владимир Путин лично заверил коллег в преемственности курса.

Однако на практике отсутствуют довольно важные элементы стратегии. Будь в какой-то стране Содружества прозападная диаспора, говорящая на одном языке и являющаяся носителем родственной культуры, она точно не осталась бы без серьезной финансовой, моральной и культурной поддержки. Более того, ее наиболее влиятельные представители, вероятно всего, были бы вовлечены в государственные структуры и занимались бы непосредственным лоббированием интересов соответствующих стран.

Пророссийская же диаспора в странах СНГ, оставшись без внимания метрополии, фактически разрушилась: значительная ее часть эмигрировала, оставшаяся сформировала новую русскоязычную общину. Она является сложным, хотя еще не бесперспективным феноменом, к которому необходим особый подход, потому как ни этнической, ни языковой, ни даже правовой критерии не могут точно отразить сущность этой социально-политической единицы. Мировой опыт подсказывает, что диаспоральная политика может и должна занимать особое место в планах достижения внешнеполитических целей. Пока же у Кремля просто нет рычагов мягкого воздействия на республики, коими могла бы послужить русскоязычная диаспора.

Статус русского языка в бывших союзных республиках стал своего рода мерилем лояльности местных правительств Москве, а доступность русскоязычных СМИ — политическим рычагом в руках правящих элит. Между тем Казахстан заявил о том, что намерен в последнем квартале 2008 года приступить к подготовке перехода на латиницу, который предполагается завершить в течение десяти лет. Москва, конечно, будет предпринимать шаги, чтобы оттянуть этот процесс, но остановить его, скорее всего, уже невозможно.

Идеи замены кириллицы латинским алфавитом не оставляют все пять республик Центральной Азии. Один из аргументов в пользу перехода на латиницу — использование ее для развития банковских, компьютерных и инновационных технологий. Кириллица в определенной степени препятствует интеграции в мировые экономические и информационные системы, не дает в полной мере развиваться масштабным зарубежным проектам.

Но такая «безобидная» вещь, как смена шрифта, существенно расширяет возможности Анкары, которая, как известно, еще с 1990-х

пытается продвигать свои интересы в регионах, говорящих на тюркских языках. Учитывая актуальность газового соперничества, стратегическое географическое положение Центрально-Азиатского региона и роль, которую играет Турция на Западе, последствия очевидны. До сих пор все серьезные попытки Анкары вторгнуться вглубь Центральной Азии на том же энергетическом направлении успешно блокируются на Кавказе географическим положением Армении — союзника Москвы. Преодоление каспийского барьера с недавнего времени затрудняет и развитие военно-политического образования — ОДКБ.

В последнее время заметны некоторые изменения в политике продвижения интересов России на постсоветском направлении. Речь идет о начале бизнес-экспансии в виде телекоммуникационных, банковских и энергетических проектов. Но это только малая толика более широкой и масштабной политики формирования дружественного лобби в постсоветских республиках. Пока даже на горизонте не видно ее социальной составляющей. А ведь без нее не обойтись.

Конец многовекторности

Момент истины для постсоветского пространства

Алексей Власов

События 11 сентября 2001 года в Америке многие справедливо считают точкой отсчета в развитии новой геополитической ситуации. Уместно ли по роли и значению для истории постсоветского пространства приравнять 8 августа 2008-го к тому 11 сентября? Дает ли югосетинская трагедия основания для подобных сравнений?

Полагаю, что общемировой катарсис, организованный западными СМИ после террористической атаки на нью-йоркские башни-близнецы, не может рассматриваться в общей системе координат с кровью, болью, ложью, заполнившими информационное пространство в трагические дни августа-2008. Да, постсоветский мир стал другим, но в нем пока не просматривается целостный образ. Сегодня картинка события размывается, дробится, распадается на составляющие, заготовленные в разных монтажных комнатах. Каждый волен складывать их в свою мозаику.

ПОЛЕ БИТВЫ — КАВКАЗ

Все, что происходило в дни сражения за Южную Осетию — это только один из этапов сложной продолжительной трансформации постсоветского пространства. Процесса окончательного разрыва с «общим прошлым», формирования «новой реальности», где на смену прежним связям и декларативной «многовекторности» приходит жесткая конкурентная политика с неизбежными временными коалициями и ситуативными союзами «дружбы против...».

А.В. Власов — к. и. н., зам. декана Исторического факультета МГУ, директор Информационно-аналитического Центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ им. М.В. Ломоносова.

Многовекторная дипломатия, принцип которой на протяжении длительного времени провозглашали все государства СНГ, — не универсальное лекарство. В системе международных отношений начинается новая фаза «поляризации», когда прежние нормы еще быстрее утрачивают актуальность, а выработка новых правил игры торозится разностью подходов и потенциалов больших игроков и региональных лидеров.

Все без исключения участники югоосетинского конфликта расплачиваются за прежние грехи. С максимальной отчетливостью проявились сомнительные итоги «цивилизованного развода» начала 1990-х, который оставил громадный комплекс нерешенных проблем, связанных с так называемыми непризнанными государствами. Увы, многолетняя инертность и половинчатость российской дипломатии на Южном Кавказе — это тоже одна из причин, по которой спустя 17 лет после распада Советского Союза данный регион остается зоной нестабильности.

Так сложилось, что с XIX века именно Россия выступала «модератором» в отношениях между закавказскими народами. И хотя эту политику далеко не всегда можно было признать равновесной, опыт кратковременных «разрывов» в системе российского влияния на Кавказе показывал, что наиболее вероятной альтернативой уходу России из региона является война всех против всех. Черета кавказских конфликтов конца 1980-х — начала 1990-х годов — лучшее тому доказательство. Интригующий вопрос бакинских и тбилисских политологов, может ли при гипотетическом отсутствии России иная сила, к примеру, НАТО, Европейский союз или США, взять Кавказ в свои руки столь жестко, чтобы заблокировать деструктивные тренды, остается открытым.

В то же время неиспользованные возможности реального, а не виртуального посредничества в эпоху раннего Бориса Ельцина поставили точку в расчетах российской дипломатии (а были ли такие?) сохранить статус «верховного арбитра».

Вероятно, отечественная элита не могла поверить, что жизнь независимых государств окажется гораздо более продолжительной, чем представлялось в Кремле, а «младшие братья» скоро начнут претендовать на равноправное партнерство. Главным же просчетом начала 1990-х было тотальное непонимание очевидного факта: геостратегический регион, объединяющий Каспий и Южный Кавказ, становится сферой важнейших экономических и политических ин-

тересов России. Сердцевиной противостояния в борьбе за «оптимизацию» маршрутов транспортировки энергоносителей.

Непоследовательные действия российских дипломатов и военных привели к тому, что нагорнокарабахский конфликт стал первым в ряду многочисленных попыток примирить враждующие стороны с участием внешних сил, где Россия была только прочей среди равных.

Плоды деятельности международных посредников также нельзя назвать успешными, но важнее другое обстоятельство. Участники локальных конфликтов перестали воспринимать Москву как единственную силу, способную «управлять Кавказом». То, чего не сумела достичь Британская империя в середине позапрошлого века, новая российская элита организовала собственными руками, поставив «золотого тельца» для избранных выше прочих геополитических резонансов. В результате у внерегиональных держав и их местных союзников появилась возможность проводить политику в пику государственным интересам России. Эта линия была направлена на вытеснение Москвы не только из Южного Кавказа, но и из более обширного пространства, включающего Центральную Азию и Каспийский бассейн.

Инструменты прямого российского влияния, сохранившиеся в Закавказье к настоящему моменту, ограничены сферой военно-политического партнерства с Арменией и присутствием российских миротворцев (теперь статус российских военных, очевидно, изменится) в Абхазии и Южной Осетии. Но и в ситуации с непризнанными государствами, где значительная часть населения де-факто и де-юре является российскими гражданами, проводилась все та же половинчатая политика формального признания территориальной целостности Грузии при реальном выборе между двумя вариантами развития событий — признанием независимости Абхазии и Южной Осетии или же их вхождением в состав Российской Федерации. «Ползучим» образом интеграция этих территорий в российское пространство происходила и до августа 2008 года, превращая «последнюю» позицию России в двусмысленную.

Понимая, что силовой сценарий — это путь чрезвычайно опасный, российская элита использовала тактику «замораживания» конфликта в ожидании ошибок со стороны своих оппонентов, а позднее — провалов импульсивного грузинского лидера. Однако работа «вторым номером» неизбежно создает обстановку ситуативности,

сиюминутности действий, производит впечатление отсутствия четкой стратегии, ясного понимания конечных целей российской политики в регионе.

Отечественным политикам стоило прислушаться к прогнозу Сергея Караганова, который предостерегал: «Мы не должны успокаиваться пока относительно малокровным распадом СССР. Мы находимся в его середине, и процесс может возобновиться. К нынешним непризнанным государствам нужно относиться максимально практично. Если объединение невозможно, лучше вести дело к признанию их как государств, возлагая на них полную ответственность. Никто не сказал, что СССР должен был распасться именно на 15 государств. Может быть, в конце концов их окажется 17 или более».

Слова эксперта, прозвучавшие незадолго до признания независимости Косово, оказались пророческими. Косовский прецедент привел к резкому обострению ситуации вокруг непризнанных государств на постсоветском пространстве, а политика «тяги-толкай» закончилась переходом «замороженного» конфликта в «горячую» фазу.

ВСЁ В ДЫМУ...

История «пятидневной войны» еще долго будет полна белыми пятнами. Реальный победитель определится спустя продолжительное время после завершения активной фазы противостояния. Война закончена — борьба только начинается.

В войне побеждает тот, кто добивается своих целей. Несмотря на поражение в медиапространстве, Россия своих непосредственных целей добила: окончательно де-факто зафиксировала за собой право быть исключительным спонсором безопасности и оператором развития Абхазии и Южной Осетии.

Можно настаивать на полноценной суверенности двух бывших автономий, можно назвать новый статус протекторатом либо дать другое определение, но туман вокруг того, кто будет главным патроном указанных территорий, развеялся. Послевоенный принудительный отрыв Сухуми и Цхинвали фактически рисует иную границу Грузии. Абхазия и Южная Осетия будут развиваться в ритме кавказских субъектов Российской Федерации. Тбилиси ничего с этим поделать не в состоянии. Россия пришла надолго вне зависимости от того, признает ли внешний мир сложившиеся формы ее присутствия.

При этом Москва пошла ва-банк, отказавшись даже от попыток оформить статус обеих республик в соответствии с международными процедурами. Риск велик, но приоритеты расставлены, и Россия двинулась по избранному пути. Поддержка российских инициатив по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии инициировалась практически с колес.

Но игра, с точки зрения Кремля, стоит свеч. На кону уже не просто судьба двух территорий или Грузии. Вопрос звучит примерно так: имеет ли Москва право на полноценное участие в формулировании правил игры, идущих на смену тем, что стремительно разрушаются в последние годы? В центре противостояния — территория бывшего СССР.

ГОСУДАРСТВА, НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ СОДРУЖЕСТВА

Какие последствия может иметь югоосетинский конфликт для ближнего зарубежья?

Прежде всего, налицо системный кризис Содружества Независимых Государств, а шире — большинства интеграционных структур на постсоветском пространстве. Проблема не только и не столько в решении Грузии о выходе из СНГ или антироссийских маневрах украинской элиты. Лидеры стран Содружества до определенного момента самоустраились от участия в замирении враждующих сторон, дистанцировались от внятной оценки событий в Южной Осетии. В стороне остались столь громко деклариовавшие принципы эффективных отношений между странами Содружества. В первые дни конфликта постсоветские вожди фактически заняли позицию невмешательства, на смену которой пришла словесная эквилибристика с формальными реверансами в адрес России.

Ближайшие союзники Москвы не проявили желание отречься от принципов многовекторности и поддержать российские действия. Бишкек, Минск, в меньшей степени Астана крайне невразумительно, по общему трафарету обозначили свои позиции в период «горячей» фазы конфликта. Представители Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) сделали первое заявление лишь спустя несколько дней после начала войны в Южной Осетии устами Николая Бордюжи. Партнеры Кремля по интеграционным проектам выжидали, ссылаясь на недостаточность информации, но понимая, что победителя в этой войне, если брать сугубо политичес-

кий аспект, скорее всего, не будет. А раз так, то зачем брать на себя стратегически невыгодную ношу однозначной поддержки российской позиции? Никакой роли в прекращении острой фазы конфликта лидеры стран СНГ не сыграли да и, судя по всему, не горели желанием участвовать в «миротворчестве».

Казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев высказался с предельной откровенностью: «Содружество не имеет никаких рычагов и механизмов для вмешательства в такие конфликты, как Южная Осетия. А когда что-то случается, то говорят: а почему страны СНГ молчат? Принцип территориальной целостности любого государства признан всемирным сообществом. Мы – все государства СНГ – выступаем против сепаратизма и подобные сложные межнациональные вопросы должны решаться мирным, переговорным путем. Военного решения таких конфликтов не существует».

Впрочем, недееспособность продемонстрировали и альтернативные интеграционные проекты, в первую очередь ГУАМ, хотя проблема сепаратизма особенно актуальна именно для членов этой организации – Азербайджана и Молдавии.

Пристальное внимание было приковано к реакции азербайджанского президента Ильхама Алиева, поскольку фактор Нагорного Карабаха вполне мог подтолкнуть Баку занять более внятную позицию, пусть даже вразрез с действиями российских властей. Но руководство Азербайджана отмалчивалось на протяжении десяти дней. 20 августа после переговоров с премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом президент Алиев наконец заявил: «Россия и Грузия – друзья Азербайджана. Мы хотим, чтобы наши друзья были друзьями между собой».

Неопределенная позиция азербайджанского лидера – самый разумный, если не единственно возможный подход, так как, несмотря на явно выраженный прозападный курс, он никогда не входил в открытое противостояние с Москвой. Ясно, что Баку ведет себя подобным образом, чтобы не перечеркнуть возможность возврата к нормальному ритму отношений с такими беспокойными соседями, как Россия и Грузия. А он неминуем – ведь войны заканчиваются даже на Кавказе. В канун президентских выборов лавирование между Россией и Западом – оптимальный вариант азербайджанской внешней политики. Кстати, наблюдатели отметили достаточно сдержанный прием, которого удостоился в Баку вице-президент США Дик Чейни, спешно прилетевший в регион вскоре после кризиса.

Действия Грузии резко повысили риски для основных энергетических проектов на Кавказе, а в случае затягивания конфликта они только возрастут. На сегодняшний день экономический ущерб Баку и иностранных участников проектов разведки и разработки азербайджанских месторождений составил, по предварительным подсчетам, несколько сот миллионов долларов. Специалисты *Caspian Energy Alliance* полагают, что после стабилизации в зоне российско-грузинского конфликта Азербайджану, Казахстану и Туркменистану потребуется время, а также значительные политические и дипломатические усилия для продвижения переговорного процесса по созданию транскаспийской экспортной системы. Рост экономических и политических рисков скажется на азербайджанской экономике, зависимой от транзита через Грузию, и казахстанской, едва ли способной быстро переориентироваться на китайское направление.

В Кишинёве и Тирасполе югоосетинский конфликт вызвал противоречивую реакцию. Приднестровские эксперты, к которым пригласил ряд московских аналитиков, открыто заговорили о возможности «сдачи» этого непризнанного государства со стороны Кремля. Главный резон — демонстрация Москвой «позитивного потенциала в мирных формах решения конфликтных ситуаций вокруг непризнанных». Дмитрий Медведев встретился и с президентом Молдавии Владимиром Ворониным, и с лидером Приднестровья Игорем Смирновым. Однако компромисс между Кишинёвом и Тирасполем труднодостижим, правда, по причинам отличным от южнокавказской ситуации. Бизнес-планы местных элит настолько разнятся, что российским лидерам предстоит продолжительное «принуждение к диалогу» или же... кардинальное решение вопроса путем признания Приднестровья. Во что верится с большим трудом, учитывая резко негативную реакцию со стороны Украины. Открывать еще один фронт противостояния для Москвы — затея крайне рискованная.

Суммируя реакцию партнеров России, казахстанский политолог Досым Сатпаев отметил, что «в новых условиях геополитической турбулентности Казахстан должен быть достаточно сильным, чтобы его не раздавили “драчуны”, и довольно гибким, чтобы продолжать играть на их противоречиях».

Подтверждением этого прогноза стали итоги саммита Шанхайской организации сотрудничества. Нурсултан Назарбаев осудил применение Михаилом Саакашвили военной силы: «Мы считаем, что все последующие действия России были направлены на защиту

жителей многострадального города. В ответ Россия могла или проигнорировать, или остановить кровопролитие». Это максимум, на что можно было рассчитывать.

Сокрушаться из-за «отсутствия честных союзников», как это делает часть российских СМИ, можно будет только тогда, когда станет понятно, какие формы может принимать реальное партнерство в новых условиях взаимозависимого мира и диверсификации внешнеполитических рисков.

Действительно ли мир вступил в фазу кризиса Вестфальской системы, то есть перехода от модели суверенных, обладающих собственной территорией и равным законным статусом государств к новой системе с неведомыми пока характеристиками?

В любом случае есть четко очерченные пределы допустимой поддержки. В частности, словесно «умиротворить» Дмитрия Медведева, но не рваться в первые ряды государств, готовых признавать Южную Осетию и Абхазию.

В случае дальнейшего ухудшения российско-американских отношений, реализации гипотетической возможности введения санкций против РФ и общего роста напряженности по линии Россия — Запад курс многовекторной дипломатии большинства постсоветских лидеров столкнется с серьезными вызовами. Игра на противоречиях больших игроков хороша в том случае, когда все участники партии следуют общим правилам. Любое обострение неизбежно ведет к хаотизации, отказу от четких принципов взаимодействия, что негативно повлияет на положение Астаны, Баку, Ташкента, отвыкших от форс-мажора.

Дальнейшая поляризация, эскалация напряженности объективно не выгодны региональным державам. Прогнозируемое в постконфликтный период усиление позиций Пекина в Центрально-Азиатском регионе вряд ли обрадует Ислама Каримова и Нурсултана Назарбаева — ведь «китайский вектор» выгоден для них только в связке с российским и западным направлениями.

Не менее сложная ситуация складывается и по линии Россия — Украина. Прогрузинскую позицию официального Киева можно было ожидать, учитывая «особые отношения» между обоими президентами — Виктором Ющенко и Михаилом Саакашвили. Однако украинский президент не ограничился символическими заявлениями в поддержку Тбилиси, а оказал непосредственное давление на Россию путем нагнетания напряженности вокруг Черноморского флота РФ.

В самом начале конфликта последовало резкое заявление МИДа Украины о том, что Киев может воспрепятствовать возвращению российских кораблей в Севастополь, а в Верховной раде был зарегистрирован проект закона «О денонсации соглашения между Украиной и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывания Черноморского флота России на территории Украины». Затем Виктор Ющенко направил Москве срочное предложение подготовить двустороннее соглашение об использовании Черноморского флота РФ, дислоцирующегося на украинской территории, для урегулирования отношений между обеими странами «при возникновении военных действий, подобных тем, свидетелями которых мы стали в начале августа».

Для Ющенко события 8 августа стали дополнительным аргументом в поддержку проекта «Украина в НАТО». Но глубочайший раскол внутри украинской элиты не позволяет делать далеко идущие выводы о политических последствиях августовского кризиса для текущих отношений между Россией и Украиной. Особенно показательна крайне осторожная позиция Юлии Тимошенко, которая постаралась вообще не оценивать грузинскую ситуацию. Возможно, молчание для украинских политиков — золото, учитывая полную неопределенность в расстановке сил перед предстоящей президентской кампанией.

Выход Грузии из состава СНГ должен заставить Россию теснее сплотить ряды и заключить более обязывающие и ответственные соглашения сотрудничества в рамках таких организаций, как ОДКБ и ЕврАзЭС. Решение Тбилиси — самый мощный сигнал к тому, чтобы реформировать интеграционные структуры и активизировать их деятельность. Последние несколько лет СНГ выполняло функцию универсальной переговорной площадки, где могли встречаться Владимир Путин и Михаил Саакашвили, президенты Армении и Азербайджана. Попытки реформ, которые предпринимали главы Казахстана и России, ни к чему не привели. Реальных дел в рамках СНГ почти не было.

С уходом Грузии стран, чьи цели обратно пропорциональны интересам Москвы, становится меньше. Следовательно, повышается шанс на превращение СНГ в прагматичную и деятельную структуру. Возможно, после демарша Тбилиси российская элита лучше поймет, что Россия нуждается в странах СНГ, что ее судьба во многом зависит от их сплоченности. Разумеется, такое понимание

должно положительно отразиться и на перспективе Содружества.

В то же время, как отмечает российский эксперт Александр Караваяев, «кризис с Грузией будет рождать у членов СНГ сложные вопросы относительно того, как строить отношения с Россией в будущем». Стратегию развития постсоветского пространства Москва представить пока не может. Вместо этого Кремль определяет условный коридор маятниковых колебаний для партнеров и красные флажки, выход за которые чреват конфликтом (прежде всего в секторе энергетики и безопасности).

ЕВРОПА НАМ ПОМОЖЕТ?

Выступая на Евразийском медиафоруме в апреле этого года, Збигнев Бжезинский заметил, что нынешнее обострение отношений между Россией и Западом нельзя назвать новой холодной войной. Нет важнейшей составляющей — идеологического противостояния сверхдержав.

Но однозначно сказать, что идеология ушла из постсоветской геополитики, — это преувеличение. Каким же еще, как не идеологическим, назвать разрыв в определениях Грузии! В России считают: американский сателлит, готовый переступить через любые нормы цивилизованного поведения, в Соединенных Штатах — многообещающая «молодая демократия». Пропаганда формирует идеологические узлы для последующих оценок. Все американские телеканалы отражали в разгар конфликта только грузинский взгляд на ситуацию, не говоря уж о переброске грузинских частей из Ирака на транспортных самолетах ВВС США.

Америка поддерживает демократии в СНГ — это идеологическая позиция действующей администрации Белого дома. Но когда эти демократии перерождаются в свою противоположность (примеров из внутривнутриполитической жизни Грузии достаточно), Вашингтон продолжает поддерживать их уже как платформу для собственного продвижения в регионе — естественно, за ширмой «демократической» идеологии. Согласно логике Вашингтона, получается, что российский авторитаризм нетерпим для мира, а грузинский (да и любой прозападный) терпим, поскольку это якобы некоторое ситуативное отклонение, связанное с национальной ментальностью или сепаратистскими конфликтами.

События вокруг Грузии Соединенные Штаты используют, чтобы попытаться усилить давление на Россию повсеместно: на Южном

Кавказе, в Украине и Центральной Азии. Звучат призывы к созданию широкой коалиции по сдерживанию России. Признание Абхазии и Южной Осетии вызвало всплеск возмущения и панических предсказаний, вплоть до возможности новой большой войны (особенно отличился министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер). Насколько вероятно возникновение единого антироссийского фронта?

Конфликт вокруг Южной Осетии поставил страны Евросоюза перед дилеммой: солидаризироваться с Тбилиси и Вашингтоном, закрыв глаза на явные нарушения прав человека с грузинской стороны, или проявить конструктивную позицию, объективно подождая к происходящему. События еще раз показали, что Европейский союз — это весьма неоднородный конгломерат государств. Старый Свет в очередной раз раскололся на тех, кто безоговорочно поддерживает американскую позицию, и более умеренную часть. Несмотря на высокий градус риторики, позиция Европы не предопределена, однако позитивные для Москвы тенденции нуждаются в их постоянном культивировании Россией.

Необходимо создание надежного фундамента общественной поддержки в странах ЕС. Даже в самые глухие времена холодной войны Советский Союз располагал на Западе «пятой колонной»: писателями, учеными, общественными деятелями, симпатизировавшими СССР или в силу коммунистических убеждений, или по причине неприятия правил игры западного «общества потребления». Где сейчас эти точки опоры, «общества дружбы» и прочее? Кто искренне, без дополнительных вложений «Газпрома», способен обеспечивать продвижение позитивного образа новой России?

СУХОЙ ОСТАТОК

Итак, есть неявный победитель в первом раунде противостояния — Россия. Есть окончательное решение Грузии выйти из состава СНГ. Есть Михаил Саакашвили, который, скорее всего, получил мандат поддержки сроком на год-полтора. Фактом являются вконец испорченные отношения между Россией и Западом, что, возможно, и стало главным результатом конфликта. Теперь страны постсоветского пространства, тяготеющие к альянсу с Западом, имеют полное право претендовать на «зонтик», защищающий их от новой «империи зла».

При этом нет сомнений в том, что события августа-2008 нанесли тяжелый удар по всем структурам политики и безопасности в Ев-

ропе. Своеобразным способом, но подтвердилась справедливость берлинских заявлений Дмитрия Медведева (июнь 2008 года) о необходимости выработки новой системы европейской безопасности.

Обостряющаяся борьба за ресурсы, движение к новой разделительной линии и, следовательно, холодной войне, правда учитывающей правила глобального общежития, влекут за собой серьезные перемены на постсоветском пространстве. Оно окончательно утратило прежние очертания, стало полем открытой борьбы между большими игроками. На фоне тотальной хаотизации межгосударственных отношений, отсутствия четких правил поведения политический курс лидеров стран СНГ – как союзников, так и оппонентов России – исходит из осознания ограниченности тех ресурсов, на которые они могут рассчитывать в этой ситуации.

События 8 августа подтвердили пределы многовекторности как универсального средства «выживания» постсоветских политий в новом, но далеко не прекрасном мире. На вопрос, какой стратегии стоит придерживаться России в данной ситуации, существует, очевидно, единственный ответ – внимать совету Данте Алигьери: следуй своим путем, и пусть говорят что угодно. Другого варианта, похоже, уже нет. Осталось только этот путь найти.

Региональные конфликты: перезагрузка

«Пятидневная война» сквозь призму
постсоветской политики

Сергей Маркедонов

В августе 2008 года многолетний грузино-осетинский конфликт вылился в «пятидневную войну». За 17 лет это третье вооруженное противостояние между Грузией и Республикой Южная Осетия, де-юре признаваемой (в том числе и Россией до 26 августа 2008-го) частью грузинского государства. Однако нынешнее противоборство качественно иное, чем два предыдущих, поскольку в нем напрямую участвовали Вооруженные силы Российской Федерации.

Если в период грузино-абхазской войны 1992–1993 годов мы имели дело с самодеятельностью отдельных военнослужащих РФ, то на сей раз действия Российской армии были не просто поддержаны на официальном уровне. Кремль оценил их как операцию по «принуждению Грузии к миру», призванную спасти осетинский народ от масштабной гуманитарной катастрофы. В отличие от предыдущих грузино-осетинских вооруженных противостояний (1991–1992, 1992–1993, 2004), в нынешний конфликт активно вовлечены США и государства Европейского союза. Активность продемонстрировала Украина, которая обозначила действия по сдерживанию российского Черноморского флота, участвовавшего в операции.

В первый раз Тбилиси вел борьбу с сепаратистскими образованиями (Абхазией и Южной Осетией) одновременно — «на два фронта». События в Южной Осетии и вокруг нее стали едва ли не главным вопросом международной повестки дня. В первые сутки «пятидневной войны» Совет Безопасности ООН трижды собирался для обсуждения ситуации на Кавказе. Впервые после армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха (1991–1994) в публицистике

С.М. Маркедонов — к. и. н., заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа.

завучали алармистские прогнозы относительно возможности превращения Кавказа в стартовую площадку новой большой войны.

Но, пожалуй, самое главное последствие «пятидневной войны» — формально-юридическое признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. Теперь две бывшие автономии в составе Грузии перешли в разряд частично признанных государств, таких, как Тайвань, Косово, Турецкая республика Северного Кипра. Они не стали государствами, признанваемыми Организацией Объединенных Наций, но добились полноценных отношений со страной, входящей в «ядерный клуб» и имеющей право вето в Совете Безопасности ООН.

ОТ ЛОКАЛЬНЫХ СТЫЧЕК К КОНФЛИКТУ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Грузино-осетинский конфликт был первым межэтническим противоборством в постсоветской Грузии, переросшим в масштабное вооруженное столкновение. Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР — исторический предшественник непризнанного государственного образования Республика Южная Осетия — была образована 20 апреля 1922 года. Ее территория составляла 6,5 % территории Грузии (3,84 тыс. кв. км). По данным Всесоюзной переписи населения (1989), в Юго-Осетинской АО проживали 98,5 тыс. человек (из них 63,2 тыс. осетин, 28,5 тыс. грузин, 2,1 тыс. русских, 0,9 тыс. — представители еврейских этнических групп и др.). Численность осетин в Грузии в 1989-м составляла 165 тысяч (порядка 3 % населения). Около 100 тыс. осетин проживали во внутренних районах Грузии (наиболее крупными были осетинские общины в Тбилиси, Гори, Рустави). Правовой статус Южной Осетии в докризисный период регулировался Законом о Юго-Осетинской АО, который был принят в 1980 году.

В своем развитии конфликт прошел несколько этапов — от локального (даже не регионального) противостояния, малоизвестного и малоинтересного мировому сообществу, до события международного значения.

Первый этап (1988—1989) можно назвать идеологическим. В этот период противоборствующие стороны обозначили главные претензии друг к другу, а также сформировали основополагающие этнополитические мифологемы будущего конфликта.

Второй этап (1989—1991) — политико-правовой. В течение двух лет грузинская и осетинская стороны вели другом с другом законотворческую («статусную») войну.

20 сентября 1989 года были опубликованы проекты законов Грузинской ССР, ущемлявшие права Юго-Осетинской АО. Чуть менее чем два месяца спустя, 10 ноября, на сессии народных депутатов Юго-Осетинской АО было принято решение о преобразовании области в автономную республику в составе Грузии. Эту акцию в Тбилиси восприняли крайне негативно, поскольку Южная Осетия повышала свой статус в одностороннем порядке. 16 ноября 1989-го Президиум Верховного Совета Грузинской ССР отменил решение югоосетинского областного Совета. Еще через неделю прошел многотысячный антиосетинский марш грузинских националистов на Цхинвали, столицу Юго-Осетинской АО, появились первые жертвы.

Далее произошло ключевое для эскалации конфликта событие. 11 декабря 1990 года Верховный Совет Грузии принял решение об отмене автономного статуса Южной Осетии. Почти одновременно власти Советского Союза объявили о режиме ЧП в югоосетинской автономии, а грузинское руководство начало ее блокаду.

Третий этап – вооруженная борьба между Грузией и Южной Осетией (январь 1991 – июль 1992). 6 января 1991 года внутренние войска МВД СССР отправляются из Цхинвали в казармы, в город входит шеститысячный отряд грузинских боевиков, появляются жертвы среди мирного населения. В ходе военных действий столицу Южной Осетии штурмовали трижды (февраль и март 1991, июнь 1992). В конфликт вовлекается Северная Осетия (субъект РФ на Северном Кавказе), куда прибыли около 43 тыс. беженцев из самой Южной Осетии и внутренних областей Грузии. При этом североосетинские действия напрямую Кремлем не контролировались. Более того, условием подписания Федеративного договора Владикавказ ставил поддержку (в той или иной форме) Южной Осетии Москвой. В конце мая 1992-го Северная Осетия перекрывает газопровод, ведущий в Грузию.

24 июня 1992 года президенты РФ и Грузии Борис Ельцин и Эдуард Шеварднадзе подписывают Дагомьские (Сочинские) соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. 14 июля начинается миротворческая операция. Вводятся российский, грузинский и североосетинский миротворческий батальоны, боевые действия прекращаются, создается Смешанная контрольная комиссия (представители РФ, Грузии, Южной Осетии, Северной Осетии) по соблюдению условий прекращения огня. В результате вооруженного противостояния было сожжено 100 сел, убито более тысячи человек.

Таким образом, вооруженный конфликт был «заморожен». Начинается его **четвертый этап**, продолжавшийся до мая 2004-го.

В отличие от Абхазии Южная Осетия не знала масштабных этнических чисток грузинского населения. Вплоть до августа 2008 года здесь сохранялось совместное проживание грузин и осетин. В Конституции самопровозглашенной автономной республики Южная Осетия грузинский язык был признан в качестве языка меньшинства. Перестрелки, блокады и провокации прекратились, удалось достичь относительного мира. До 2004-го между Тбилиси и Цхинвали действовало прямое автобусное сообщение, существовали рынки (Эргнети), где грузины и осетины торговали совместно, взаимно признавались автомобильные номера.

Следует заметить, что в послевоенных условиях основу экономики территории с «отложенным статусом» составляла контрабанда, в которую были вовлечены представители обеих этнических групп. Но эта теневая экономика накрепко привязывала Южную Осетию к Грузии, она же – пусть и неформальным способом формировала доверие двух конфликтовавших общин.

Заметную роль в урегулировании конфликта играл и президент Северной Осетии Александр Дзасохов (избран в 1998 году), который имел прямые неформальные контакты с соратником по бывшему Политбюро ЦК КПСС Эдуардом Шеварднадзе. Все это позволяло разряжать обстановку. Более того, за 12 лет был наработан значительный позитивный потенциал в процессе мирного урегулирования.

Во-первых, миротворческую миссию несли совместно грузинский и российский батальоны.

Во-вторых, были подписаны важные документы, обеспечивавшие реабилитацию конфликтной территории. Среди них следует особо отметить Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996-го и российско-грузинское межправительственное Соглашение о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и о возвращении беженцев от 3 декабря 2000 года.

Пятый этап можно охарактеризовать как «разморозку» конфликта. Она началась с попыток официального Тбилиси пересмотреть сложившийся в Южной Осетии баланс сил и политико-правовой формат урегулирования. «Революция роз» в Грузии (октябрь – ноябрь 2003), ошеломляющая победа (97 % голосов) на президентских

выборах Михаила Саакашвили (январь 2004) произошли, как и в начале 1990-х, на основе мобилизации «патриотического» ресурса. В выступлениях Саакашвили и его соратников звучали идеи воссоздания единой Грузии и реванша за «национальные унижения» в Южной Осетии и Абхазии.

31 мая 2004 года без согласования действий со Смешанной контрольной комиссией (СКК) под предлогом борьбы с контрабандой на территорию Южной Осетии были введены силы спецназа МВД Грузии (300 человек). Эти действия члены СКК расценили как нарушение Дагомьских соглашений. С грузинской стороны прозвучали обвинения в адрес российских миротворцев в этнической ангажированности, а также криминальной деятельности. 20 июля 2004-го президент Грузии публично заявил, что не исключает возможность денонсации Дагомьских соглашений: «Если в рамках соглашений на территории Цхинвальского района нельзя поднимать грузинский флаг, я готов выйти из этих соглашений».

Этим заявлением Саакашвили продемонстрировал, что стремится к реализации трех целей:

- интернационализировать грузино-осетинский конфликт, подключить к его урегулированию США, страны Европы;
- перестроить конфликт из грузино-осетинского в грузино-российский и представить его как проявление российского неоимпериализма;
- отказаться от эксклюзивной роли России как гаранта мира в регионе.

Именно реализация данных целей стала квинтэссенцией пятого этапа грузино-осетинского конфликта. 8–19 августа 2004 года в Южную Осетию пришла вторая война. В этом военном противостоянии использовалось не только стрелковое оружие, но и артиллерия. И хотя к концу месяца стороны удалось на несколько дней разъединить, август (роковое время в конфликте) 2004-го стал началом новой волны обстрелов, нападений, провокаций и перекрытий жизненно важных коммуникаций. С тех пор тактика «мелкого военного фюла» стала в Южной Осетии повседневной реальностью.

Эта кратковременная война (забытая особенно на фоне «горячего августа»-2008) стала в определенной степени переломным моментом российской политики в регионе. До 2004 года Москва стремилась к объективности и нейтралитету, сохранению статус-кво как наилучшего выхода. После 2004-го Россия (понимая взаимосвязь

ситуации в Южной Осетии с безопасностью всего Северного Кавказа) фактически становится на сторону непризнанной республики.

Во-первых, теперь Москва рассматривает Цхинвали как инструмент для воздействия на Тбилиси, ставшего к этому моменту не только на откровенно проамериканский, но и антироссийский путь.

Во-вторых, потеря Южной Осетии видится как угроза для самой РФ. Не разрешенный до сих пор осетино-ингушский конфликт тесно связан с ситуацией вокруг непризнанной республики.

В 2004–2006 годах парламент Грузии принял целый ряд постановлений, которые признавали российскую миротворческую миссию «отрицательной», а действия РФ оценивали как «неприкрытую аннексию». Осенью 2006-го Тбилиси запускает проект «альтернативной Южной Осетии», делая своим знаменем бывшего премьер-министра и министра обороны непризнанной республики Дмитрия Санакоева. Цель этого проекта – переформатировать переговорный процесс (фактически отказавшись от прямого диалога с Цхинвали).

В марте 2007 года Тбилиси создает на территории Южной Осетии «временную административную единицу». Это решение фактически поставило крест на переговорах между Грузией и непризнанной республикой. Тбилиси предпринимает попытки международной легитимации Санакоева (он участвует в форумах в Брюсселе и в Страсбурге, его рассматривают как «конструктивного» представителя осетинской стороны в отличие от Эдуарда Кокойты).

Венцом политики «разморозки» стали переподчинение грузинского миротворческого батальона Министерству обороны Грузии (ранее он подчинялся командованию Совместных сил по поддержанию мира), а также неоднократные заявления министра по реинтеграции Грузии Темури Якобашвили о необходимости выхода из существующих форматов мирного урегулирования. Добавим также, что в июле 2006 года Грузия в нарушение базового Московского соглашения о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994-го ввела подразделения армии и полиции в верхнюю часть Кодорского ущелья Абхазии. Между тем в соответствии с Московским соглашением эта зона была объявлена демилитаризованной. Теперь статус-кво был нарушен и там. Переговоры между конфликтующими сторонами прекратились.

Жесткие (и не всегда адекватные) действия Грузии в 2004–2008 годах трудно объяснить без учета внешнего фактора. Естественно, он не был определяющим. Фрустрированное грузинское общество времен Шеварднадзе в 2003-м предъявило запрос на сильное госу-

дарство, понимаемое как «территориально целостное». Однако поддержка Тбилиси в первую очередь со стороны США (военно-техническая помощь, дипломатическое покровительство, продвижение в структуры НАТО) создавала у лидеров Грузии ощущение, что любые их действия будут одобрены Западом. Это чувство подкреплялось тем, что Соединенные Штаты и их союзники демонстративно не замечали нарушений мирных соглашений по Южной Осетии и Абхазии, допускаемых Тбилиси, вяло реагировали на отступления от демократических норм внутри Грузии. Здесь речь идет о событиях 7 ноября 2007 года, а также об использовании административного ресурса в борьбе с оппозицией в ходе выборов в Аджарии (2004) и на муниципальных выборах (2006).

В 2008-м Москва тоже внесла свою лепту в «размораживание» конфликтов в Грузии. 21 марта Государственная дума приняла заявление, в котором обозначила два условия для возможного признания независимости Абхазии и Южной Осетии (вступление Грузии в НАТО, силовая операция против двух непризнанных республик). После этого, в апреле, уходящий президент РФ Владимир Путин поручил федеральному правительству оказать «предметную помощь» населению Абхазии и Южной Осетии. Само это поручение предполагало среди прочего установление фактически прямых дипломатических контактов Москвы с Цхинвали и Сухуми. Незамедлительно последовала жесткая реакция Запада, который обозначил территориальную целостность Грузии в качестве одного из своих приоритетов.

Как бы то ни было, к 7 августа 2008 года статус-кво в Южной Осетии и в меньшей степени в Абхазии был нарушен. В ходе боевых столкновений четырехлетней давности погибло порядка 70 человек (ныне о них попросту забыли), а в последующие годы число жертв с обеих сторон (по разным оценкам) составляло 100. В августе 2008-го количество перешло в качество. Тактика «повышения» уровня насилия привела к штурму Цхинвали и жесткой ответной реакции со стороны России (на которую, похоже, не рассчитывали ни в Тбилиси, ни на Западе). Таким образом, военно-политическая авантюра Саакашвили и прямое вмешательство России в грузино-осетинский конфликт были подготовлены всей логикой предыдущего этапа «размораживания конфликта».

ПРОЩАНИЕ С 90-МИ

Новый виток противоборства в Южной Осетии изменил политико-правовую и силовую конфигурацию не только в двух «горячих точ-

ках» СНГ. Он оказал серьезное воздействие на всю этнополитическую ситуацию в Евразии. По словам украинского исследователя Виталия Кулика, «оказалось, что система региональной безопасности, которая сформировалась после распада СССР, не может эффективно реагировать на новые вызовы. Таким образом, само постсоветское пространство ощутило острую нехватку этой самой безопасности».

С данного момента на Кавказе (и, возможно, во всем Черноморском регионе или даже в СНГ в целом) перестали функционировать старые правила игры, сложившиеся после распада Советского Союза. Теперь апелляция к соглашениям и правовым установкам, достигнутым в начале 1990-х, абсолютно не берется в расчет. К ним, конечно, можно обращаться (и это будет делаться не раз), однако легитимностью, принимаемой различными игроками (как внешними, так и региональными), они обладать не будут.

Используя терминологию компьютерных программистов, мы можем говорить о том, что в августе 2008 года произошла окончательная перезагрузка конфликтов на территории Евразии. Создан чрезвычайно важный прецедент, когда правовые и политические соглашения, обеспечивавшие статус-кво и «заморозку», больше не действуют. Их не соблюдает ни Грузия (которая окончательно отказалась от соблюдения Дагомысских и Московских соглашений соответственно по Абхазии и Южной Осетии), ни Россия, чье руководство теперь расширительно трактует понятие миротворческих операций. Одного простого сложения флотских экипажей, обеспечивавших «принуждение к миру» на черноморском театре Абхазии, достаточно, чтобы увидеть превышение требуемой квоты миротворцев в три тысячи человек.

Нельзя не заметить и применение в зонах конфликта частей специального назначения, по определению не являющихся миротворческими. Сюда же можно отнести и выход российских военных за географические рамки зон безопасности, очерченных соглашениями 1992 и 1994 годов (Гори, Поти, Сенаки). Конечно, многие действия РФ — реакция на «размораживание» конфликта, начатое Грузией, и тем более на его августовскую эскалацию. Но как бы то ни было, они объективно работают против существовавших ранее правил игры.

В 2008-м противостояния в СНГ вышли на качественно иной уровень. Если в начале 1990-х годов они были порождены непосредственно распадом СССР, то теперь определяются уже не инерцией прошлого, а текущей динамикой развития и строительства новых

наций-государств. Если столкновения начала 1990-х были отсроченными платежами по долгам «империи зла», то сегодня — это уже выдвижение новых платежных требований. «Замороженные» конфликты — реальность прошлого десятилетия, которая ушла вместе с «поколением Ельцина». Теперь конфликты планируются и разрешаются уже постсоветской генерацией политиков. Однако новые правила вырабатываются по ходу игры. Какая в итоге получится конфигурация, мы увидим уже в самом ближайшем будущем.

В 2008 году не только государства Южного Кавказа, но и Украина обозначили желание окончательно сдать в архив ранее достигнутые и подписанные соглашения. Намерение не пропустить корабли Черноморского флота к местам их базирования в Крыму, продемонстрированное Киевом, бьет по всему комплексу российско-украинских договоренностей. Ведь очевидно, что, соглашаясь на военно-морское присутствие РФ в пределах Украины, Киев давал свое согласие и на то, что российские суда могут быть использованы по их прямому назначению в российских же национальных интересах.

После крушения СССР произошел первый передел границ некогда общего государства. Он не везде и не всегда был воспринят как легитимный. Распад Советского Союза по границам республик (представляющийся внешне логичным) вызвал неоднозначную реакцию внутри бывших автономных образований, для которых обретение национальной независимости экс-союзными республиками вовсе не было чаемым идеалом. Отсюда и этнополитические конфликты со своими победителями и побежденными.

Возникли государства, не удовлетворенные итогами первого передела, а следовательно, появились и предпосылки для реванша и попыток с помощью различных внешних сил предпринять второй передел. Статус-кво, сложившийся после «замораживания конфликта», не устраивал проигравших, и изменение его любыми способами виделось как приоритетная задача. При этом политико-правовая основа, гарантирующая такой статус-кво, мало кого заботила.

Сегодня политики и эксперты не могут назвать точные цифры убитых и раненых в Южной Осетии в результате «пятидневной войны». Они являются политической арифметикой для заинтересованных сторон. Как бы то ни было, фактически полностью разрушена инфраструктура не «режима Кокойты», а «непризнанных граждан». Без российского вмешательства экс-автономия в составе Грузии повторила бы судьбу республики Сербская Краина, которая в 1995-м

была сокрушена Хорватией (также боровшейся за территориальную целостность) вместе с проживавшими там сербами. Юг России принял тысячи осетинских беженцев.

Пять дней августа стали катастрофой и для Тбилиси. Они практически привели к окончательному провалу проекта «единая Грузия». Новый виток насилия (особенно в Южной Осетии) сделал невозможным интеграцию страны на мирной основе. После третьей за 17 лет войны вряд ли «непризнанные граждане» будут вообще принимать в расчет какие бы то ни было предложения Тбилиси. Кроме этого Грузия получила новую порцию беженцев (приблизительно 20 тысяч). На этот раз из Южной Осетии, где, в отличие от Абхазии, даже после первой войны (1991–1992) грузины проживали вместе с осетинами. Теперь грузинская община Южной Осетии в одночасье стала изгоем.

Вместе с тем нельзя не увидеть то, что в 2004–2008 годах села так называемого Лиахвского коридора (четыре грузинских села Тамарашени, Кехви, Ачабети и Курта, расположенные на 30-километровом участке дороги между Цхинвали и Джавой) были оборудованы стационарными бетонными укреплениями и вооружены. В них появились грузинские средства радиолокационного контроля. Именно эти села блокировали Цхинвали, отрезая его от источников снабжения, перекрывали Транскавказскую магистраль.

В 2008 году грузинскому населению этих сел пришлось платить за авантюры тбилисских политиков. Грузинское население бывшей автономии повторило судьбу грузин из Абхазии. По справедливому замечанию одного из оппозиционных политиков Грузии, «это несчастье, что в жертву подростковому комплексу главнокомандующего принесены жизнь и здоровье тысяч людей».

По формальным критериям Россия выглядит стороной-победительницей. Ее действия, принимая во внимание взаимосвязь безопасности Северного Кавказа и Закавказья, были во многом обоснованны. России удалось сорвать тотальное уничтожение военно-политической инфраструктуры Южной Осетии. Более того, в ходе военной операции уничтожены такие опорные пункты грузинской угрозы для непризнанной республики, как села, составляющие Лиахвский коридор.

Город Гори, ставший за последние два года форпостом грузинского наступления (там были построены военный госпиталь, морг, превышающий потребности города в мирное время, сосредоточены

тыловые объекты) тоже временно находился под российским контролем. Грузинские подразделения выбиты из верхней части Кодорского ущелья, куда их ввели два года назад.

Таким образом, своими действиями Москва также способствовала разрушению статус-кво и «размораживанию конфликта». Выгоды от конфронтации с Западом тоже отнюдь не очевидны, а издержки, напротив, слишком ясны. При этом следует понимать, что в условиях коллапса безопасности на Кавказе попытки интернационального вмешательства будут нарастать. Успех военной кампании также может создать у Москвы иллюзию того, что сложные проблемы можно решить одним махом без долгих переговоров и сложных процедур.

Признание же независимости Абхазии и Южной Осетии создает прецедент, который может быть использован и против самой России. Не зря кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн высказался о необходимости пересмотреть подходы Вашингтона и его союзников к самоопределению Чечни и республик Северного Кавказа.

МОЛЧАНИЕ СОСЕДЕЙ

Впервые за много лет Россия предприняла военные действия за пределами собственной территории. После распада Советского Союза российские военные и пограничники участвовали в локализации двух гражданских войн – в Таджикистане (1992–1997) и Грузии (1993). Однако после этого Российская армия вела боевые действия только на своей территории. В 2008-м формат участия российской армии за рубежами страны резко отличался от исторического опыта и имперского, и советского периодов.

Российские войска не стремились к решению идеологических задач (как это было в случае с подавлением венгерского восстания 1849 года, во время событий в Будапеште в 1956-м или в Чехословакии в 1968 году). Целью операции российских сил не было и территориальное приращение (хотя именно в этом Тбилиси упорно обвиняет Москву). Целью акции по «принуждению к миру» стало обеспечение в первую очередь безопасности Северного Кавказа. Промолчи Россия в случае с Южной Осетией, на Северном Кавказе нашлись бы силы, готовые переиграть конфликт, скажем, из-за Пригородного района.

Другой вопрос – неумение и нежелание Кремля артикулировать национальный интерес (из-за боязни, что Россию посчитают слабой и уязвимой). Как бы то ни было, Москва обозначила свою особую

роль в ближнем зарубежье (аналогичную роли США в Латинской Америке, Израиля – на Ближнем Востоке, Австралии – в Океании, Франции – в бывших колониях Черной Африки). Это – качественно новое обозначение зоны своих жизненных и легитимных или, как сформулировал Дмитрий Мендведев, «привилегированных» интересов.

Проект СНГ, похоже, окончательно провалился. И это тоже один из важнейших итогов «пятидневной войны». И дело не в выходе Грузии и готовности Украины выйти из состава Содружества. Дело в восприятии этого института его членами.

Даже Казахстан, имеющий репутацию главного евразийского партнера России, воздержался от ясных оценок. Другой союзник России, Армения, «взяла паузу». Представители Министерства обороны Армении поспешили 10 августа 2008 года заявить, что налеты на авиабазы в Грузии не совершаются с российской базы, находящейся в Армении. Определенных оценок не дал Узбекистан (который Россия поддержала во время событий в Андижане в 2005-м) и Таджикистан (территориальную целостность которого Россия обеспечивала в 1992–1997 годах). Президент Киргизии Курманбек Бакиев заявил: «Конфликты, подобные тому, что произошел между Россией и Грузией, должны решаться сугубо на основе международного права и только политико-дипломатическим путем».

На встрече министров обороны стран – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Ереване (21 августа 2008 года) не была дана единая оценка текущей ситуации на Южном Кавказе, правда, на саммите ОДКБ в сентябре поддержка Москвы была выражена более отчетливо. Как бы то ни было, большинство стран – участниц СНГ имеют свои сепаратистские «скелеты в шкафу» и опасаются излишнего усиления России, видя в этом гипотетическую угрозу своему единству. А потому как инструмент выработки общих подходов и общей методологии разрешения конфликтов Содружества не годится.

Впрочем, объективности ради следует признать, что объединение ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) – своеобразная альтернатива СНГ – тоже не продемонстрировал эффективность и единство.

Украина в лице ее президента заняла прогрузинскую позицию, хотя внутри страны были высказаны разные мнения. Заявление МИДа Азербайджана от 8 августа 2008-го в поддержку территориаль-

ной целостности Грузии, одобренное грузинскими дипломатами, содержало общие фразы («о соответствии грузинской операции “международному праву”») и не получило дальнейшего развития. У Баку, в отличие от Тбилиси, внешняя политика не строилась на жесткой конфронтационной основе, Россию рассматривают как противовес Западу (у которого с Азербайджаном в отличие от Грузии не столь однозначные отношения). Баку также опасается быть вовлеченным в «иранскую игру», в которой ему отводится роль взлетно-посадочной полосы или же территории «ответного удара Тегерана». Отсюда и стремление ценить пусть и непростые, но в целом дружественные отношения с РФ. Та же осторожность отличала и позицию Молдавии, которая готова ради помощи Москвы в деле интеграции с непризнанной Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) принять важные российские условия (отказ от вступления в НАТО, нейтралитет, признание российской собственности на своей территории).

Особая тема, поднятая «пятидневной войной», — это самоопределение непризнанных республик. В самом начале 1990-х годов они были для России скорее досадной обузой. Однако, осознав взаимосвязь этих образований с вопросами безопасности внутри Северного Кавказа, Кремль скорректировал свою позицию. «Заморозив» конфликты в начале 1990-х, Россия дала согласие на существование подобных образований как главный итог этих конфликтов. «Замороженный статус» предполагал отложенное разрешение конфликтов до лучших времен (более выгодная политическая конъюнктура, достижение компромисса между сторонами).

При подобной ситуации заниматься предопределением статуса спорных территорий было бы неразумно. Таким образом, нерешенный статус де-факто государств отражал политические реальности прошлого десятилетия. К ним относилось сохранение статус-кво, отсутствие активных боевых действий (в Абхазии, однако, такие попытки в 1998 и 2001 годах предпринимались, но по масштабам они и близко не стояли рядом с Цхинвали-2008). Именно это давало надежду, что в том или ином виде стороны могут договориться.

Михаил Саакашвили повысил ставки в игре за «собираение земель», забыв о том, что причиной территориальной «кастрации» Грузии стали не территории сами по себе, а люди, которые там проживают. Отныне самоопределение ранее непризнанных государств становится еще одним инструментом влияния России, что также не может не вызывать настороженность соседей.

26 августа 2008 года постсоветское пространство стало другим. Создан прецедент перекройки границ бывших союзных республик. То, на чем держался постсоветский мир начиная с декабря 1991 года, рухнуло. На карте бывшего СССР появились два новых государства. И аргумент о том, что они, мол, признаны только Россией, по сути, ничего не меняет. Турецкая республика Северного Кипра была признана в 1983-м также одной лишь Турцией. Но вот уже 25 лет она является актором черноморско-средиземноморской политики. Это де-факто государство в 1990-х годах признало независимость Чеченской Республики Ичкерия, а в 2003-м более жестко, чем Анкара, оппонировало решению США начать операцию в Ираке.

Можно говорить о том, что решение Дмитрия Медведева было чересчур эмоциональным. Справедливо замечание, что в процессе признания стоило взять временную паузу — для поиска хотя бы пары союзников. Наверное, следовало учесть и возможные издержки (попытки обратить абхазско-осетинский прецедент против самой России). Однако после «горячего августа»-2008 у Медведева остался узкий коридор возможностей. Либо проявить слабость (и тем самым спровоцировать внутривосточную нестабильность на Северном Кавказе), либо юридически закрепить новые реалии и российский легитимный интерес. Президент РФ выбрал второй вариант

Как бы то ни было, в августе 2008 года мы получили новый Южный Кавказ с качественно иной повесткой дня. Работа по ее осознанию только начинается.

Нация-государство или государство-нация?

Политика строительства нации в Украине
и ее возможные последствия

Алексей Миллер

Вскоре после «оранжевой революции» 2004 года американский политолог Альфред Степан опубликовал статью, в которой проанализировал возможности национальной политики в Украине (*Stepan A. Ukraine: Improbable democratic “nation-state” but possible democratic “state-nation”?* // *Post-Soviet affairs*. — Columbia, 2005. — № 4. pp. 279–308). Автор прежде специально не занимался Украиной, но является признанным специалистом по анализу авторитарных режимов и моделей их демократизации.

Рассматривая политическую ситуацию в Украине, Альфред Степан прибегает к противопоставлению двух моделей. Одна из них нам хорошо знакома — «нация-государство» (*nation-state*). Альтернативную модель «государство-нация» (*state-nation*) Степан разрабатывал в последние годы на материале Бельгии, Индии и Испании со своим многолетним соавтором Хуаном Линцем и новым сотрудником — политологом из Индии Йогундрой Ядавом.

Целью политики в нации-государстве является утверждение единой, мощной идентичности сообщества как членов нации и граждан государства. Для этого государство проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры и языка. В сфере электоральной политики автономистские партии не рассматриваются как партнеры по коалиции, а сепаратистские партии либо объявляются вне закона, либо маргинализируются. Примеры подобной модели — Португалия, Франция, Швеция, Япония. Такая поли-

А.И. Миллер — д. и. н., главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 08-03-00405а. Полная версия статьи с научным аппаратом опубликована в журнале «Политическая наука», № 4, 2008.

тика облегчается, если в государстве в качестве культурной общности с политическим представительством мобилизована лишь одна группа, которая видит себя единственной нацией в государстве.

При наличии двух или более таких мобилизованных групп, как это было в Испании после смерти Франко, в Канаде при создании федерации в 1867-м, в Бельгии к середине XX века либо в Индии при получении независимости, демократические лидеры должны выбирать между исключением националистических культур и их обустройством в государстве. Все перечисленные страны в итоге выбрали модель, которую точнее описать надо не как «нацию-государство», а как «государство-нацию». Они решили признать более чем одну культурную, даже национальную, идентичность и оказать им институциональную поддержку. В рамках одного государства формировались множественные, взаимодополняющие идентичности. Для этого создавались асимметричные федерации, внедрялись практики консоциативной демократии, допускался более чем один государственный язык. Автономистским партиям было позволено создать правительство в некоторых регионах, а порой и войти в коалицию, формирующую правительство в центре. Задача такой модели – создать у разных «наций» государства лояльность по отношению к нему на институциональной и политической основе, хотя политика не совпадает с различающимися культурными демосами.

Страны, недавно обретшие независимость, могут выбрать настойчивую и энергичную, но мирную и демократическую стратегию построения «нации-государства», если полис и культурный демос почти совпадают, политическая элита объединена в принятии подобной политики, а международная ситуация хотя бы не враждебна осуществлению такой стратегии. Ситуация Украины в момент получения ею независимости не соответствовала ни одному из этих условий.

Альфред Степан подчеркивает принципиальное геополитическое отличие Украины от тех стран, которые он и его соавторы рассматривали ранее в рамках модели «государства-нации», то есть Индии, Бельгии, Канады и Испании. Ни одно из этих государств не имело соседа, который представлял бы реальную ирредентистскую угрозу, в то время как Украине такая потенциальная угроза со стороны России есть. Отметим точность этой оценки: Степан говорит в 2005 году о потенциальной ирредентистской угрозе, признавая, что на тот момент эта тема сколько-нибудь серьезно не рассматривалась ни со стороны России, ни со стороны русских граждан Украины.

Сравнивая модели «нации-государства» и «государства-нации», Альфред Степан строит следующий ряд оппозиций:

- приверженность одной «культурной цивилизационной традиции» против приверженности более чем одной такой традиции, но с условием, что приверженность разным традициям не блокирует возможности идентификации с общим государством;
- ассимиляторская культурная политика против признания и поддержки более чем одной культурной идентичности;
- унитарное государство либо мононациональная федерация против федеративной системы, часто асимметричной, отражающей культурную разнородность.

В других работах Степан также отмечает, что для модели «нации-государства» более характерна президентская, а для «государства-нации» – парламентская республика.

Общий теоретический принцип, сформулированный Степаном, заключается в том, что агрессивное проведение политики «нации-государства» при наличии более чем одной «мобилизованной национальной группы» опасно для социальной стабильности и перспектив демократического развития. Он признаёт, что модель «государства-нации» предполагала бы применительно к Украине, в частности, наделение русского языка статусом второго официального. Такие государства, как Бельгия, Индия, Испания и Швейцария имеют более чем один официальный язык. Степан отмечает, что у Украины больше шансов создать демократическое политическое общество, если она не будет следовать агрессивной стратегии утверждения модели «нации-государства».

Однако далее он делает оговорку, которая и является главным тезисом его статьи: возможны ситуации, когда линия на «нацию-государство», проводимая достаточно мягко, также может облегчить создание множественных и комплементарных идентичностей, которые так важны для «государств-наций» и для демократии в многонациональных обществах. По мнению Степана, Украина может служить примером такой ситуации.

Степан приводит следующие аргументы в пользу своего тезиса. В Украине предпочитаемый язык не обязательно является маркером идентичности. Людей, идентифицирующих себя как украинцев, вдвое больше тех, кто использует при общении только украинский язык. По данным одного из исследований, до 98 % тех, кто считает себя украинцами вне зависимости от того, на каком языке они го-

ворят сами, хотели бы, чтобы их дети свободно владели украинским. Среди тех, кто идентифицирует себя как русских, процент желающих, чтобы их дети свободно владели украинским языком, также очень высок — 91 % в Киеве и 96 % во Львове.

На основании того, что подавляющее большинство русофонов хотят, чтобы их дети свободно владели украинским языком, государство может, при достаточной гибкости, проводить политику насаждения украинского в духе модели «нации-государства», не вызывая напряженности в отношениях с русскоговорящими гражданами. Степан также указывает на то, что в 2000-м лишь 5 % респондентов в Донецке и 1 % опрошенных во Львове считали, что Украину лучше разделить на два либо более государств. Россия же, как потенциальный центр ирредентистского притяжения, вела кровопролитную войну на Кавказе, что значительно снижало ее привлекательность.

УКРАИНСКАЯ ПОЛИТИКА — СМЕНА МОДЕЛИ

С момента публикации статьи Степана прошло три года. Попробуем оценить, как развивалась ситуация в Украине и насколько оправдались его прогнозы.

Период 2005—2007 годов был весьма бурным в политическом отношении. За это время прошли и очередные (2006), и внеочередные (2007) выборы в Верховную раду. Их результаты продемонстрировали, что электоральная база всех без исключения политических сил остается строго привязанной к тому или иному макрорегиону.

Созданное после президентских выборов правительство Юлии Тимошенко через полгода было отправлено в отставку. Оно, как и сменивший его кабинет Юрия Еханурова, не включало политиков, которые воспринимались бы востоком и югом страны как их представители. В сформированном после парламентских выборов-2006 правительстве Виктора Януковича, в свою очередь, не было представителей западных областей Украины. Возникшие было разговоры о возможной коалиции Партии регионов (ПР) с частью президентской «Нашей Украины» ни к чему не привели.

Кабинет Януковича, как до него и правительство Тимошенко, постепенно втянулся в острейший конфликт с президентом Виктором Ющенко, что и привело к неконституционному роспуску парламента и внеочередным выборам в 2007 году. В ходе этого конфликта фактически подвергся разгрому Конституционный суд, который окончательно утратил возможность претендовать на независимость. Все конфликту-

ющие стороны неоднократно использовали «карманные» суды различной инстанции, продолжая подрывать престиж судебной власти.

В 2008-й страна вошла с новым правительством Юлии Тимошенко, не замедлившим вновь вступить в конфликт с ослабленным президентом. Все ведущие политические силы единодушны с тем, что необходим пересмотр Конституции, но у каждой – свое видение и механизма пересмотра, и новой конституционной модели власти. В 2009 году (если не раньше) стране предстоят новые президентские выборы. Нельзя исключить, что до этого в который раз произойдут внеочередные парламентские выборы.

Вплоть до роспуска Верховной рады летом-осенью 2007-го власть в основном проводила сдержанную политику в духе модели «нации-государства», шансы которой на успех Степан расценивал как весьма высокие. На востоке и юге страны были предприняты осторожные попытки внедрить некоторые решения в духе модели «государства-нации». Ряд регионов и муниципальных образований предоставили русскому языку официальный статус. Однако по инициативе президентской администрации эти решения были оспорены в судах и не получили санкции на государственном уровне.

В условиях политического кризиса 2007 года резко интенсифицировались украинизаторские усилия в культурной и языковой сфере. Через три года все высшее образование будет переведено на украинский язык, вступил в силу закон об обязательном дублировании всех прокатных копий зарубежных фильмов. В этот ряд следует поставить и заявление президента об информационной угрозе со стороны русскоязычных средств массовой информации, что обещает дальнейшее сокращение русскоязычного продукта на украинских телеэкранах.

Существенно акцентирована тема голодомора как геноцида украинского народа. Это, как минимум, создает дискомфорт для русского населения страны, потому что дискурс голодомора как геноцида сопровождается рассуждениями о том, что место истребленных голодом украинцев заняли переселенцы из России. Крайне негативную реакцию везде, кроме Галичины, вызывают настойчивые усилия по героизации Украинской повстанческой армии (УПА), ее командира Романа Шухевича и лидера Организации украинских националистов (ОУН) Степана Бандеры.

Весьма провокационную роль как в сфере внутренней политики, так и для отношений с Россией сыграла неожиданно резкая активизация в конце 2007-го усилий по вступлению Украины в НАТО.

Москва в ответ на это весной 2008 года явно стимулировала ирредентистскую тему в своей политике в отношении Украины в целом и Крыма в особенности. Пока дело ограничивается выступлениями таких деятелей, которые по статусу не могут считаться «официальными» голосами российского политического истеблишмента (Юрий Лужков, Константин Затулин). Но заявления об озабоченности положением русских в Украине звучали и в российском МИДе.

Угроза ирредентизма из потенциальной, как характеризовал ее Степан в 2005-м, приобретает все более реальные очертания. До сих пор весьма сдержанная в этом вопросе, Москва, как можно предположить, хотела бы создать контролируемую напряженность в Крыму, чтобы усилить и без того серьезные сомнения многих руководителей стран НАТО в целесообразности приема Украины в альянс и даже предложения ей программы подготовки к членству. Но ирредентизм часто похож на джинна, которого значительно легче выпустить из бутылки, чем загнать обратно.

К сожалению, конфликт между Россией и Грузией и реакция на него части украинского руководства способны привести к резкой эскалации всех описанных противоречий и дальнейшему втягиванию Москвы во внутриукраинскую политику.

ПЕРСПЕКТИВЫ «РУССКОЙ» ПАРТИИ

Один из важнейших вопросов современной украинской политики – это природа идентичности, а точнее, идентичностей населения юга и востока страны. Дело в том, что когда мы говорим об особой восточнукраинской идентичности, то считаем, что она объединяет и тех людей, которые считают себя украинцами по крови, но говорят по-русски, и тех граждан страны, которые идентифицируют себя как русских (таких, по данным переписи-2001, более 17 %, или 8,3 млн человек).

Неизвестно, что будет происходить в случае дальнейшей активизации украинской политики в духе «нации-государства». Весьма вероятно, что значительная часть русскоговорящих украинцев примет ее с большим или меньшим энтузиазмом.

Но не перешла ли уже государственная политика ту грань, за которой проведение языковой украинизации начинает играть мобилизующую роль для тех более чем восьми миллионов человек, которые считают себя русскими? Для них вопрос заключается не в изменении содержания их украинской идентичности, а в потере комфортных условий жизни при сохранении русской идентичности.

По данным опросов, проведенных в начале 2005 года, лишь 17 % русских граждан Украины считали, что «оранжевая революция» несет им что-то хорошее, против — 58 % украинцев. Без боязни ошибиться можно предположить, что такая позиция русских была связана с опасениями ухудшения отношений с Россией и усиления украинизации.

В условиях, когда многие из этих опасений получили подтверждение, а Россия начала разыгрывать карту ирредентизма, трудно предсказать, как будут меняться настроения в среде украинских граждан с русской идентичностью. В пользу возможного роста ирредентистских настроений говорят несколько новых факторов.

Серьезные проблемы в экономике Украины скорее всего, будут нарастать в обозримой перспективе. Стране предстоит пережить очередное резкое повышение цен на энергоносители, кредитный кризис, быстрый рост инфляции, негативные последствия постоянного откладывания структурных реформ, которые в условиях политической нестабильности и подготовки к очередным выборам будут откладываться и дальше. Экономическая ситуация в Украине в 2008-м напоминает весну-лето 1998 года в России.

Постоянно растущий разрыв в уровне заработной платы в Украине и России скоро начнет оказывать опасное для Украины воздействие на политическую ситуацию. Главный фактор, который отталкивал от России украинских граждан с русской идентичностью, а именно война в Чечне, устранен. До одного года сокращен теперь срок службы в Российской армии.

Весной 2007-го, то есть накануне нового обострения политического кризиса, вызванного роспуском Верховной рады и связанного с ним нового витка интенсификации национализирующей политики, украинский центр им. Разумкова провел весьма важное социологическое исследование. Оно дает возможность оценить, какими были на тот момент настроения не только «русскоязычных граждан Украины», но и более специфических групп, о которых шла речь выше.

Социологи выделили группы

- «русских», то есть «граждан Украины, русских по национальности, для которых родным языком является русский и которые относят себя к российской культурной традиции и используют русский язык в повседневном общении»;
- «украинцев» — «граждан Украины, украинцев по национальности, для которых родным языком является украинский, относя-

щих себя к украинской культурной традиции и использующих украинский язык в повседневном общении»;

- «русскоязычных украинцев» (то есть тех, кто считает себя украинцами по национальности); «двужычных украинцев» (украинской национальности и с украинским языком как родным);

- «двужычных украинокультурных украинцев», декларирующих украинскую национальность, украинский язык как родной, принадлежность к украинской культурной традиции.

Как верно замечают авторы исследования, при таком подходе становится очевидным, что «русскоязычные граждане» не являются воображенным сообществом в том смысле, в каком использовал это определение Бенедикт Андерсон, а именно группой с общей идентичностью. Это воображенное сообщество существует лишь в умах исследователей и комментаторов.

На вопрос, считают ли себя респонденты патриотами Украины, три последние категории, то есть люди с украинской этнической идентичностью, но пользующиеся русским языком в повседневности, отвечали практически одинаково. Уверенное «да» — от 37 до 42 %, «скорее да» — от 41 до 45 %, «скорее нет» — от 11 до 6 %, уверенное «нет» — 3 % или меньше. Затруднились ответить 6–7 %. Положительные ответы в этой группе в совокупности (80 % и более) почти равны сумме положительных ответов «украинцев».

Совсем иначе выглядят на этом фоне ответы «русских». Уверенное «да» давали 20,4 %, «скорее да» — 29 %, то есть менее половины опрошенных считали себя патриотами. 14 % «русских» открыто декларировали, что не считают себя патриотами Украины, 27 % давали ответ «скорее нет», 9 % уклонились от ответа.

Еще резче проступают различия в ожиданиях развития языковой и культурной ситуации. Лишь 4 % «русских» согласны с тем, что украинский язык должен быть единственным государственным, 13 % удовлетворились бы признанием русского официальным языком в некоторых регионах, а 70 % считают, что русский должен быть вторым государственным языком. Еще 10 % вообще полагают, что русский должен быть единственным государственным языком страны. Практически зеркальная ситуация в группе «украинцев». «Русскоязычные украинцы» в этом вопросе довольно близки к «русским»: 49 % респондентов в этих группах выступают за два государственных языка. Однако среди тех «русскоязычных украинцев», которые владеют украинским языком, лишь чуть более 20 % согласны предоставить русскому статус второго государственного языка.

В вопросе, какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем, лишь 6 % «русских» готовы смириться с безраздельным доминированием украинской культуры, 50 % считают, что в разных регионах будут преобладать разные традиции, и 24 % — что преобладать будет русская традиция. В группах, где владеют украинским языком, неизменно преобладают те, кто согласен с доминированием украинской культурной традиции, хотя лишь среди «украинцев» такие граждане составляют абсолютное большинство (59 %).

Интересно, что на вопрос о том, какое определение украинской нации люди считают предпочтительным, во всех группах наиболее популярный ответ — «гражданская нация, включающая всех граждан Украины» («русские» и «русскоязычные украинцы» — 43 и 42 %, остальные — по 35 %). Однако сумма остальных ответов, по-разному акцентирующих этнический характер нации, во всех группах «украинцев» больше, чем процент ответов, акцентирующих гражданский принцип.

В целом эти данные подтверждают, что «русскоязычные украинцы» хотели бы равноправного статуса для русского языка и культуры, но готовы смириться с политикой в духе «нации-государства», в то время как «русские» решительно отвергают такую политику. Логично предположить, что за последний год в их среде повысился уровень дискомфорта и потенциал для политической мобилизации в ирредентистском духе.

Отметим также очевидное разочарование в политике Партии регионов среди тех избирателей, которые придают первостепенное значение вопросу о статусе русского языка и культуры. ПР не продемонстрировала настойчивость в реализации своих лозунгов в данной сфере и во многом по этой причине постепенно теряет поддержку электората. Возникает ниша для новой политической силы, которая может позиционировать себя как «русская партия». «Русские» составляют 17 % населения, и партия могла бы рассчитывать на создание фракции в Верховной раде, даже если проходной барьер будет выше нынешних 3 %.

ПОТЕНЦИАЛ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Итак, по истечении трех лет со времени публикации статьи Степана можно констатировать, что в результате активизации политики в духе «нации-государства», а также шагов России по использованию ирредентистской темы в отношениях с Украиной риски возросли. Хронологически именно форсирование Киевом политики в духе «нации-государства» предшествовало активизации ирредентистского фактора в российской политике, создало для нее определенные

условия и отчасти эту активизацию спровоцировало (что не нужно понимать как индульгенцию для России).

Главные дестабилизирующие импульсы исходят от президента страны Виктора Ющенко. Все перечисленные выше шаги были инициированы главой государства и теми небольшими партиями, на которые он еще опирается. Именно Ющенко является главным действующим лицом в проведении описанной выше политики памяти. Он даже пытается провести через парламент такую редакцию закона о Голодоморе, которая предусматривала бы уголовную ответственность за отрицание характеристики голодомора как геноцида, инициирует обсуждение этой темы в международных организациях – ООН, Совете Европы, ОБСЕ. Именно от Ющенко исходила и инициатива обращения к НАТО о предоставлении Украине Плана действий по членству (ПДЧ) в альянсе, и он настойчиво пытался проталкивать такое решение накануне Бухарестского саммита альянса как внутри страны, так и на международной арене. После августовской войны в Грузии тема внешней (российской) угрозы – может стать определяющей в украинской политике.

Не имея большинства в парламенте, Виктор Ющенко правит через указы, многие из которых противоречат Конституции. Растеряв популярность и отчаянно стремясь сохранить власть, президент является автором всех дестабилизирующих шагов в институциональной сфере. Их список только за последний год включает неконституционный роспуск парламента, попытку проташить собственный вариант новой Конституции (резко расширяющий полномочия президента) через референдум в обход Верховной рады, дискредитацию Конституционного суда, который до сих пор не работает в полном составе, постоянное вмешательство в сферу прерогатив правительства.

Две крупнейшие политические силы Украины – Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) и ПР – как будто демонстрируют понимание тех механизмов, которые описаны Степаном и его коллегами в модели «государства-нации». Обе выступают за парламентскую (или парламентско-президентскую) республику. ПР против форсирования отношений с НАТО. БЮТ не демонстрирует активность в этом вопросе, а также не акцентирует в своей риторике темы голодомора и УПА. ПР выступает против реабилитации УПА и против политизации темы голодомора. Ни для БЮТ, ни для ПР до сих пор не была характерна риторика в духе «нации-государства». ПР поддерживает существенное расширение полномочий регионов, в кризисные пе-

риоды даже выдвигая требование федерализации, которое силы «оранжевого» лагеря рассматривают не иначе как сепаратистские. Впрочем, есть все основания предполагать, что для ПР идея федерации имеет не принципиальное, а ситуативное значение.

Все это свидетельствует о реальной возможности существенного реформатирования украинской политической сцены, которое позволило бы затормозить опасные тенденции 2007 года. Однако в условиях острого политического противостояния и глубокого взаимного недоверия различных сил друг к другу шансов на дальнейшее углубление кризиса гораздо больше. Этому способствует и международная обстановка.

Важным дестабилизирующим фактором является то, что в силу особенностей карьеры главного соперника Ющенко и лидера БЮТ Юлии Тимошенко никто не возьмется гарантировать соблюдение ею демократических методов политики, если она получит полноту власти. Очередное подтверждение эти опасения получили в марте 2008-го, когда БЮТ добился смещения мэра Киева Леонида Черновецкого с вопиющим нарушением демократических процедур. БЮТ вообще активно подрывает позиции мэров крупных городов, если они не входят в число его сторонников.

Между тем Степан отмечает, что в условиях, когда федерализация Украины затруднена из-за ирредентистского фактора, страна могла бы использовать опыт скандинавских стран, где отсутствие федерации отчасти компенсируется очень широкими полномочиями муниципалитетов. Впрочем, прошедшие в Киеве новые выборы нанесли БЮТ болезненное поражение и закончились переизбранием Черновецкого.

Демократический характер ПР также вызывает обоснованные сомнения. Строго говоря, ни одна заметная политическая сила Украины не дает надежных гарантий приверженности демократии.

В борьбе вокруг механизма принятия новой Конституции и утверждения принципов, которые должны быть в нее заложены, все общественные силы руководствуются прежде всего сиюминутными политическими интересами. Важно, что в дебатах о желательной форме государственного устройства тема федерации не обсуждается вовсе, а при обосновании предпочтения парламентской республики президентской мотив «государства-нации» не звучит ни со стороны БЮТ, ни со стороны ПР.

Таким образом, мы видим, как за три года, прошедших с момента публикации статьи Альфреда Степана, многие его прогнозы и предостережения оправдались. К его анализу можно сделать два важных дополнения.

Во-первых, он недостаточно учитывал идентификационную неоднородность населения востока и юга страны (хотя Степан больше, чем многие исследователи, уделил внимание различиям в позиции «русскоязычных украинцев» и «русских»).

Во-вторых, соблюдение должной умеренности в политике украинизации оказалось весьма сложной задачей. Описывая возможную успешную стратегию для Украины, Степан предлагает умеренную политику в духе «нации-государства», поскольку построение «нации-государства» невозможно, а выбор модели «государства-нации» затруднен внешнеполитическими обстоятельствами. Подобная политическая конструкция успешно работала при сравнительно централизованной системе во времена Леонида Кравчука и Леонида Кучмы, но она оказалась довольно хрупкой. Слабеющая президентская власть при Ющенко принесла этот умеренный курс в жертву в условиях обострившейся борьбы за власть.

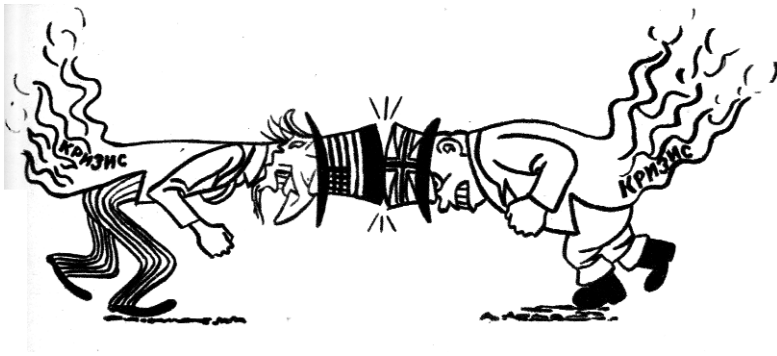
Если политическая мобилизация русских граждан Украины выльется в создание «русской» партии, то Киев столкнется с трудной проблемой. Удовлетворение требований по повышению статуса русского языка и проведению других мер в духе модели «государства-нации» будет затруднять успешно протекавший до сих пор процесс «мягкой» украинизации «русскоязычных украинцев». Продолжение же украинизаторской политики в духе «нации-государства» приведет к дальнейшему повышению уровня дискомфорта для восьми с лишним миллионов «русских» и создавать новые возможности для усиления ирредентизма.

На первый план выдвигаются два вопроса.

Первый — как и когда будет преодолен кризис власти и какая конфигурация политических сил возникнет на выходе из кризиса? Нет сомнений, что политика «нации-государства» сохранится, но неясно, будет ли новая властная коалиция продолжать линию на ее активизацию или попытается вернуться к прежнему умеренному курсу. Пока шансы на скорое завершение политического кризиса в Украине выглядят очень скромно.

Второй — можно ли будет к тому времени, как кризис завершится, вернуться к прежней политике, или срыв 2007–2008 годов уже запустил процессы, которые заставят списать стратегию, описанную Степаном, в разряд упущенных возможностей? Сегодня уверенно ответить на эти вопросы не может никто.

После «пятидневной войны»: Запад

Когда кризис жжет фалды...
Журнал *Svet práce* (Чехословакия). 1949 г.

“ Впредь Россия и США будут работать по отдельности. Фактор смены власти теряет значение, так как завершается формулирование долгосрочных интересов российской и американской политических элит. Следующие администрации в Москве и Вашингтоне будут в большей степени выполнять стратегические планы, чем вносить в них коррективы ”

Россия одна навсегда? Тома Гомар

140

Путешествие в разных лодках Иван Сафранчук

151

Взгляд поверх геополитических баталий Томас Грэм

162

Пределы рационального выбора Тимофей Бордачёв

174

Россия одна навсегда?

Стратегическое одиночество Кремля

Тома Гомар

В мае 2008 года Дмитрий Медведев стал президентом Российской Федерации, а Владимир Путин был назначен председателем Правительства РФ. Три месяца спустя Россия вступила в войну с Грузией...

До парламентских выборов в декабре 2007-го на Западе разрабатывались многочисленные сценарии, зачастую основанные на противоречивом и туманном анализе ситуации в России за последние два года. Внешние комментаторы были буквально одержимы Путиным, порождая новую разновидность кремлинологии.

Эта история преемственности лишней раз напоминает о том, насколько непредсказуема российская политика и как трудно иностранному наблюдателю понять истинный расклад сил. Нам хотелось бы иметь стабильного «стратегического партнера», но складывается впечатление, что во внутренней политике его действия импульсивны и необдуманны, а на международной арене он руководствуется холодным расчетом.

Трудно иметь дело со страной, которая готова прибегать к военным действиям для достижения своих целей. В данной статье не ставится задача выяснить степень ответственности Грузии, России, США и Европейского союза. Просто хотелось бы подчеркнуть, что российская власть традиционно опиралась и опирается на использование военной силы. Впрочем, это присуще не только России.

Тома Гомар — директор Центра стратегических исследований России во Французском институте международных отношений (*IFRI*), а также редактор трехязычного электронного сборника *Russie.Nei.Visions*. Преполагает в Военной школе в Сен-Сире. Впервые статья опубликована в специальном номере журнала *Politique etrangere* (сентябрь 2008 года).

СИЛОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

С мая 2008 года комментаторы преимущественно анализировали взаимодействие Владимира Путина и Дмитрия Медведева, часто представляя последнего в качестве марионетки первого. В этой связи нужно учитывать два важных обстоятельства.

Во-первых, в России выстроена президентская модель власти. Так, именно Медведев участвует во встречах «Большой восьмерки» на высшем уровне.

Во-вторых, после избрания на президентский пост Владимиру Путину понадобилось три года, чтобы овладеть всеми рычагами управления. Дмитрию Медведеву также придется шаг за шагом укреплять свою власть.

Однако во внешней политике перед ним стоят две, казалось бы, несовместимые задачи: сохранить преемственность линии Путина, демонстрируя при этом способность быстро разработать новый внешнеполитический курс. Чтобы Дмитрия Медведева признали полноценным и полновластным президентом, он должен проявить себя не только руководителем внешней политики, но и стратегом в области безопасности. С августа 2008-го это стало особенно актуально, и политическое будущее Медведева зависит от его способности решительно действовать в условиях конфликта.

В грядущие годы в повестке дня окажутся два важных вопроса.

Прежде всего лидерство Дмитрия Медведева будет зависеть от умения правильно выстроить отношения между гражданскими и силовыми ведомствами. Традиция персонификации власти глубоко укоренена в России, как и неизменно деликатные отношения между главой государства и структурами безопасности. Владимира Путина они считали профессионалом в области защиты от внутренних и внешних угроз, первым среди равных. Медведева пока таким не считают.

Наследие Путина весьма значимо с точки зрения взаимосвязи внешней политики и отношений между гражданскими и силовыми ведомствами. Нельзя отрицать, что по сравнению с периодом правления Бориса Ельцина Владимир Путин сумел существенно расширить спектр возможностей России, хотя и действовал неубедительно в стратегическом плане. Конец его второго президентского срока ознаменовался грозной риторикой, призванной привлечь внимание мировой общественности. Но так или иначе предшественник Медведева уважал российскую политическую культуру и край-

не осторожно вводил новшества, особенно в ведомствах, отвечающих за национальную безопасность.

Вне зависимости от оценок войны в Грузии ясно одно: Москва серьезно подмочила свою международную репутацию. Но, как выяснилось, Россию это не беспокоит. Поскольку администрация Джорджа Буша просто не имеет морального права поучать других, российское руководство расценило привычное осуждение со стороны Запада как наглядную иллюстрацию неуверенности и нерешительности.

Однако военная победа отнюдь не всегда приносит геополитические дивиденды. Тот факт, что российские действия поддержали только Белоруссия, Венесуэла и Сирия, должен послужить предупредительным сигналом для российских элит. Страна сталкивается с очевидным парадоксом: геополитическая вездесущность как следствие возвращения к активной международной политике и экономического возрождения идет рука об руку со стратегической изоляцией.

Эта изоляция, имеющая глубокие исторические корни, будет усугубляться, что, вне всякого сомнения, станет главным вызовом для Дмитрия Медведева, особенно если учитывать демографический кризис и нехватку в стране современных технологий. Находясь за закрытыми дверями, российское руководство отдает себе отчет в том, что России требуется реальное стратегическое партнерство. Однако на практике Кремль неохотно идет на формирование альянсов, поскольку международная изоляция прочно укоренилась в стратегическом менталитете российского руководства.

БУДУЩИЕ ИЛИ ПРОШЛЫЕ ВЫЗОВЫ

Чтобы понять недавнее прошлое России и прогнозировать ее будущее, необходимо всегда держать в уме пять цифр.

В 2006 году средняя продолжительность жизни в России составляла, по данным Госкомстата, 60,4 года для мужчин и 73,2 года для женщин. В период с 1992 и 2007 год дефицит естественного прироста населения составил 11,8 миллиона. За это время страна привлекла 5,5 млн иммигрантов. Следовательно, чистая убыль населения составила 6,3 млн жителей.

Россия переживает демографический спад, находясь при этом на втором месте в мире по притоку иммигрантов после США. В середине XX века Россия в ее нынешних границах занимала четвертое

место в мировом рейтинге по численности населения после Китая, Индии и США. С тех пор она переместилась на девятое место, пропустив вперед такие страны, как Индонезия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш и Нигерия.

С 2006 года Кремль поставил проблемы демографии во главу угла и разработал государственную политику, направленную на стимулирование рождаемости. Однако специалисты сомневаются в том, что нынешние тенденции удастся обратить вспять, и считают, что Москва явно переоценивает демографический вес России в будущем. Данная ситуация приводит к раздвоению мнений в российской элите.

Одни полагают, что для следующих десятилетий будет характерен все больший дисбаланс между растущим народонаселением мира и оскудением природных ресурсов. Как страна, одаренная природными богатствами, но вместе с тем находящаяся не в ладах с демографией, Россия будет испытывать сильное давление извне. Поэтому по мере повышения своей основополагающей роли в мировой геополитике, ей придется укреплять безопасность собственных границ.

Другие говорят, что у Москвы имеются уникальные возможности максимально увеличить добычу нефти и газа в течение следующих 20 лет. При этом российская элита будет противиться любой модели устойчивого развития, предлагаемой ЕС, поскольку широкое и повсеместное использование природных ресурсов останется лучшим способом сохранять сказочные богатства.

Россия считает энергетические ресурсы своим главным козырем на ближайшие два десятилетия, а поскольку в основе геополитического менталитета российской элиты лежит принцип баланса сил, идея перераспределения мировых ресурсов во имя глобального управления и решения мировых проблем Москве абсолютно чужда.

Обсуждая международную политику, Россия и Евросоюз говорят на разных языках. Брюсселю очень трудно иметь дело со страной, открыто бросающей вызов его ценностям и стремящейся к самоутверждению в мировой политике. Москва в силу впечатляющего экономического возрождения просто одержима собственным престижем. Россия ведет себя все более высокомерно по отношению к Европейскому союзу с его культурой политического компромисса.

Маниакальная тяга к престижу — это ключ к пониманию России в период путинского правления, а также в течение первых месяцев

пребывания у власти Медведева. Его главной целью остается возрождение былого величия и авторитета страны. Вот почему для Кремля так важны сопоставления с прошлым.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ – В ИСТОЛКОВАНИИ ПРОШЛОГО

Интерпретация событий относительно недавнего прошлого оказывает значительное воздействие на нынешнее политическое мышление. Рискую чрезмерно упростить суть проблемы, все же можно утверждать, что российская элита (за редкими исключениями) предпочитает не вспоминать о советском прошлом и не вооружать событий вчерашнего дня, обращаясь вместо этого к доблестной истории военных лет.

Россия и некоторые страны ЕС вовлечены в «битву воспоминаний», корни которой уходят в разную трактовку коммунизма и фашизма, с одной стороны, и холодной войны, с другой, не говоря уже о Второй мировой войне. Это «сражение» является частью психологического самоопределения сторон, что подчас игнорируется Евросоюзом в его контактах с Москвой. Сегодняшнее возрождение национализма в России можно объяснить глубокой ностальгией, которую испытывает подавляющее большинство населения. Это все, что остается для тех слоев, которые никак не выигрывают от общего экономического роста последних лет.

Всеобщая ностальгия вдохновляет власти предрержащие на проведение политики реваншизма. После славной победы над нацизмом в 1945-м, господства над доброй третью земного шара вплоть до 1989 года и жестокого унижения в 1991-м Россия не допускает даже мысли о том, чтобы пересмотреть современную историю. Например, трезво взглянуть на проводившуюся советским режимом оккупационную политику. Иосиф Сталин остается в глазах многих россиян прежде всего победителем в Великой Отечественной войне. Адепты новых философских веяний с политическим подтекстом утверждают, что «криминализация» Сталина Западом преследует цель украсть у русских победу 1945 года, унижить Россию на международной арене.

Кому-то этот спор может показаться уделом военных историков и специалистов, но он имеет прямое отношение к национальным амбициям. Система власти в России зиждется на тесной связи между престижем государства и авторитетом армии. Как в эпоху Рос-

сийской империи, так и в советское время военным целям всегда придавалось приоритетное значение. Иными словами, за «битвой воспоминаний» встает серьезная проблема милитаризации российской власти, которая, подражая США, так и не избавилась от искушения демоном военных побед и таким образом бросает вызов стратегической культуре Европы. В конечном итоге это влияет на баланс гражданских и военных структур общества, поощряя силовиков постоянно обращаться к символике военных побед.

В августе 2008-го Российская армия, которая никогда не была такой сильной, какой хотела казаться, но и такой слабой, как представлялось некоторым западным лидерам и наблюдателям, одержала первую важную победу за многие годы. Вне всякого сомнения, это окажет психологическое воздействие на российские элиты и неизбежно будет подпитывать милитаризм.

В политическом плане победа уже эксплуатируется следующим образом:

- на Кавказе ничего не может делаться без России (явное предупреждение Баку);
- так называемая «стратегия дел», проповедуемая влиятельными сторонниками расширения НАТО на восток, потерпела крах в Грузии (ясное предупреждение Украине);
- Западу придется разобраться с собственными противоречиями;
- наконец, что тоже немаловажно, будущее Михаила Саакашвили зависит исключительно от благоволения России, что унижительно для администрации Джорджа Буша, которая за восемь лет не добилась успеха ни в одном своем начинании.

Эта победа способна породить иллюзию того, что у России есть реальные возможности. Не подлежит сомнению, что Москва в силах заблокировать процессы, происходящие в так называемом «ближнем зарубежье». Однако Россия, слишком лелея собственный престиж, не способна привлечь к себе другие страны и создать могущественные альянсы.

Западные политики, конечно же, недостаточно серьезно отнеслись к этой одержимости престижем. Они не поняли, сколь важна интерпретация прошлого для России, ведущей поиск своего места в глобальной политике. Они не придавали значения памяти о Второй мировой войне, не приняли во внимание то, как трактуется переходный период. Во время президентства Путина появилось новое понимание трудностей политико-экономического развития России:

они не только объяснялись советским наследием и 70-летним господством коммунизма, но и связывались с «переходным периодом».

Рискуя провести неверную параллель, все же осмелюсь утверждать, что правящая российская элита интерпретирует и «переходный период», и расширение НАТО как очередную версию Версальского договора. Игнорируется тот факт, что речь не идет о военном поражении, а советская империя рухнула, не спровоцировав крупных конфликтов. Подобная трактовка — следствие чувства геополитической несправедливости, которое подпитывается памятью о социально-политических потрясениях того времени. Экономическое возрождение и политическое восстановление способствовало появлению нового понимания «переходного периода» как времени ограбления России Западом.

Все эти толкования можно долго обсуждать. Главное заключается в том, как они влияют на представления друг о друге. Следует также принять во внимание ту простую истину, что в России выработалось стойкое неприятие Запада.

ЕСТЬ ЛИ У МЕДВЕДЕВА ПОЛЕ ДЛЯ МАНЕВРА?

Заявление Владимира Путина о том, что распад СССР был «величайшей геополитической катастрофой XX века», шокировало Европу, и в первую очередь страны бывшего Варшавского договора. Однако Путин выразил глубокие чувства своих соотечественников.

Путинская Россия не чувствует ответственности за прошлое. В начале своей карьеры Владимир Путин воспринял как собственное то унижение, которое испытала Россия в 1990-х, и, похоже, одержим идеей возрождения былого могущества и величия, которое во многом идеализировалось. Многим казалось, что в силу возраста и предшествующей карьеры у Медведева не было оснований считать Россию униженной. Напротив, будучи зрелым человеком, отвечающим за свои поступки, он мог наблюдать, как его страна постоянно двигалась по восходящей. В перспективе эта разница между двумя президентами могла оказаться решающей. Но похоже, что после Грузии тандем Путин/Медведев укрепился благодаря реальному опыту взаимодействия.

Сразу по вступлении в президентскую должность Дмитрий Медведев нанес серию международных визитов и поддержал принятие новой Концепции внешней политики (июль 2008 г.), которая, впрочем, не отличалась большой оригинальностью. Выступая с важной

речью в Берлине (июнь 2008 г.), Медведев изложил свое видение «всего евро-атлантического пространства от Ванкувера до Владивостока» — фраза, которая для специалистов в области российской внешней политики не показалась чем-то принципиально новым.

Однако заслуживает внимания следующее его утверждение: «В результате окончания холодной войны возникли условия для налаживания подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Евросоюзом и Северной Америкой как тремя ветвями европейской цивилизации». Сейчас еще преждевременно оценивать значение, которое здесь придается отношениям с Евросоюзом и США, но очевидно, что Медведеву хотелось бы добиться большего признания на Западе. В перспективе внешнеполитические ориентиры российского президента будут зависеть от формирующегося соотношения сил между Россией, Европой и Соединенными Штатами; оно повлияет не только на европейскую, но и на мировую безопасность. Правда, после Грузии эта мягкая попытка установить новые отношения представляется неактуальной...

Медведеву придется иметь дело с наследием Путина — в основном в области безопасности. В результате войны в Чечне и восстановления статуса мировой державы с помощью энергетических ресурсов Россия при Путине неожиданно для Запада вступила в фазу экономической экспансии и политического самоутверждения. По сути, Москве следовало бы избегать прямой конфронтации.

Однако российское руководство оказалось перед непростым выбором: или агрессивно отстаивать национальные интересы, или делать все, чтобы зарекомендовать себя надежным партнером. Проще говоря, война была неотделима от власти Путина.

Вот почему было важно понять, во-первых, как Медведев будет относиться сразу после своего избрания к взрывоопасным ситуациям в Абхазии и Южной Осетии, а во-вторых, уяснить отношение силовых ведомств к новому президенту. Похоже, ответ теперь предельно ясен: война будет неотделима и от политики Медведева.

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Эта мысль подводит нас к деликатному вопросу: какими будут главная цель и программа российской власти на ближайшее десятилетие? Как обычно, престиж?

В долгосрочной перспективе главная цель, вероятно, будет заключаться в восстановлении престижа России на международ-

ной арене и в подготовке к конкуренции за природные ресурсы, которая, с точки зрения российской элиты, неизбежна. Согласно подобным представлениям, Российская Федерация станет одновременно ключевым игроком и целью для многих конкурентов. И ее политические задачи носят исключительно национальный, федеральный и суверенный характер. В отличие от других европейских столиц Москва не мыслит своего будущего как составной части межгосударственного объединения. Основной задачей в области безопасности останется сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах. Вот почему власть столь ревностно отстаивает суверенитет Российского государства.

Сохранение путинского наследия в качестве руководящего принципа объясняет, почему Медведев так озабочен созданием поля для маневра, отказываясь играть роль «младшего партнера» Вашингтона и — в более широком смысле — строя внешние отношения по принципу ассоциации, но не интеграции. Существует убеждение, будто Россия способна выработать и отстаивать собственные правила и ценности. Модернизация не идет рука об руку с европеизацией, хотя в кулуарных беседах подчас высказываются прямо противоположные суждения.

Представители российской элиты предпочитают демонстрировать экономические мускулы и подчеркивать, что их страна является равноправной участницей БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Стремление показать динамичное развитие российской экономики и приуменьшить политико-экономическое влияние Запада стало мантрой российского истеблишмента. В Москве часто говорят, что по экономическому потенциалу БРИК обгонит большую «шестерку» (Великобритания, Германия, Италия, США, Франция, Япония) в течение следующих четырех десятилетий. Это, в свою очередь, оказывает весьма двойственное влияние на российское представление о глобализации.

С одной стороны, она расценивается как угроза самобытности в силу растущего обмена не только между государствами, но и между гражданскими обществами, а это остается чрезвычайно чувствительной темой для Кремля. Москва опасается, что глубокие преобразования в обществе под влиянием внешних факторов неизбежно дестабилизируют власть.

С другой — ссылки на БРИК могут быть истолкованы как желание политиков использовать возможности глобализации в целях модернизации.

МИРОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА?

Международная политика Москвы будет, безусловно, определяться расстановкой сил в сфере безопасности. Необъятность территории предопределяет присутствие России одновременно на нескольких региональных сценах, и эту ситуацию она при всем желании не сможет изменить. Отсюда и обширная дипломатическая активность как на мировом (с использованием международных институтов, и прежде всего статуса постоянного члена СБ ООН), региональном (посредством таких форумов, как Шанхайская организация сотрудничества), так и на двустороннем уровне (где баланс сил играет ключевую роль, особенно на постсоветском пространстве и в отношениях с европейскими странами).

Следовательно, при Медведеве явно не предвидится сокращения сферы внешнеполитической деятельности. Дорожа путинским наследием, он будет использовать все возможности влияния в таких регионах, как Ближний Восток и Северная Африка. В основе политики Путина лежала стратегическая традиция свободы действий, хотя в большинстве случаев она не находит применения.

Взаимоотношения России с другими странами по-прежнему осложняются ее внешнеполитическим курсом, во главу которого ставятся постимпериалистические и националистические интересы. Тот факт, что Москве не удалось осуществить региональную интеграцию, свидетельствует о том, что она не может долгое время придерживаться принципов взаимного доверия. Отчасти это объясняется тем, что она не считает возможным положиться на соседей.

Недоверие лежит в самой основе российской властной вертикали и коренится в системе связей между гражданскими и силовыми структурами. А ведь построение такой системы составляет костяк программы российской власти. По сути своей, эта программа реалистична, поскольку продумывает расклад сил при любых обстоятельствах, чтобы воспользоваться малейшей возможностью для быстрого извлечения выгоды. Чтобы и дальше удерживать власть в стране, российской элите необходимо наличие серии угроз, оправдывающих существование нынешних силовых структур. Вместе с тем ее представителям, все больше интегрирующимся в мировую элиту, придется оправдывать существование подобных угроз при личных встречах со своими коллегами.

Несмотря на различия в акцентах, интонации и средствах, и Борис Ельцин, и Владимир Путин начинали свое президентство с за-

явлений о желании укреплять связи с Западом, а заканчивали разговорами о евразийском пространстве, следуя историческим рефлексам военно-политической элиты. До конфликта с Грузией Медведев двигался в том же направлении. Похоже, что теперь он и его премьер-министр выбрали гордое одиночество.

Властные структуры, большая часть населения и политическое руководство России считают великодержавный статус страны фундаментальным моментом самоопределения. Спустя много лет после распада СССР Москва продолжает проводить внешнюю политику, преимущественно основанную на идее державничества: либо Россия – великая держава, либо она полный ноль. В этом смысле можно считать, что Дмитрий Медведев принял наследие Путина, даже если он считает, что его стране в одиночку не выжить.

Путешествие в разных лодках

Россия и США
после «стратегического партнерства»

Иван Сафранчук

Российско-американские отношения пережили ряд этапов.

В самом начале 1990-х годов Москва доверяла Вашингтону и стремилась к максимально дружественным отношениям. Впрочем, достаточно быстро в российской элите и обществе в целом стала укрепляться мысль, что Соединенные Штаты злоупотребляют доверием новой России. Во второй половине 1990-х разногласия нарастали, а кульминации они достигли к весне 1999 года, когда блок НАТО осуществил военную операцию в Югославии. Буквально через месяц после той войны российский президент Борис Ельцин подписал указ, согласно которому в стратегические документы – Концепцию национальной безопасности РФ и Военную доктрину РФ – требовалось внести изменения в связи с новыми геополитическими условиями.

Однако в конце 1999-го во время своего последнего зарубежного визита в качестве главы государства Ельцин стабилизировал отношения с западными партнерами. В Стамбуле был подписан ряд соглашений в военной области, а также снято политическое напряжение. Необходимо отметить, что осень 1999 года была очень непростым периодом для Бориса Ельцина и его окружения. В условиях напряженной избирательной кампании перед выборами в Государственную думу администрация работала буквально на износ, обеспечивая «операцию “Преемник”» и сдерживая мощнейший натиск региональных элит, объединившихся с оппозиционной федеральной элитой во главе с Евгением Примаковым. Шла вторая война в Чечне. Здоровье президента было в тот пери-

И.А. Сафранчук – к. полит. н., издатель журнала «Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии».

од более чем проблемным. Тем не менее и в таких условиях Борис Ельцин нашел время и не пожалел усилий на нормализацию отношений с Западом.

ФОРМУЛА «СОГЛАШАТЬСЯ НЕ СОГЛАШАТЬСЯ»
– ВАЖНЫЙ ОПЫТ

Владимир Путин с самого начала своего президентства предпринял попытку сближения с западными странами. Реальные результаты последовали в 2001-м после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Впрочем, период, когда Россию и США объединял общий враг, оказался очень недолгим. Взаимное недоверие, а также реальные тактические и стратегические разногласия привели к новому спору – по поводу войны в Ираке (2003). Правда, тогда Москва оказалась не одна, а объединила усилия с Парижем и Берлином.

Опять разногласия. Но возвращаться в ситуацию 1999 года не хотел никто. Во-первых, невыгодно стратегически. Во-вторых, просто глупо политически. Только в 2002-м высокопоставленные российские и американские чиновники в очередной раз торжественно объявили об «окончании холодной войны».

Нужна была какая-то формула отношений, которая давала бы свободу для разногласий, но удерживала бы их под контролем. И она появилась: «соглашаться не соглашаться» (*agree to disagree*). Москва и Вашингтон объявляли друг другу свои разногласия, фиксировали их, но не переходили к противостоянию. С помощью такой формулы каждый решил свои задачи.

Россия, мнение которой в предыдущие годы просто игнорировали, получила шанс быть услышанной. Соединенные Штаты были готовы выслушать точку зрения Кремля не под прицелом ядерных ракет, а в нормальной, дружественной обстановке. Это хорошо укладывалось в российские устремления того времени. Считалось, что если Москва будет иметь возможность высказать свою позицию и поучаствовать в общих дискуссиях с западными партнерами, то это мнение будет принято и учтено. Россию не слышат – вот что казалось основной проблемой. В тот период доступ Москвы «за закрытые двери» западной политики был приоритетом – отсюда и стремление к полноправному участию в «Большой восьмерке», и создание Совета Россия – НАТО. Формула «соглашаться не соглашаться» давала возможность излагать российскую позицию.

Решалась и еще одна задача. Президент Путин начал проводить чрезвычайно активную политику. Прежде всего в Европе, но также и в Азии, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и, естественно, на постсоветском пространстве. Выяснилось, что многие оглядываются на мнение Вашингтона, даже если сами имеют с ним разногласия. В общем, работать с различными партнерами на разных континентах проще, если не быть врагом США. Конечно, своя компания собиралась и на откровенно антиамериканский курс: Иран и Венесуэла, например. Но России нужно было больше. Для этого требовалось нейтрализовать Соединенные Штаты, чтобы проблемы в отношениях с ними не мешали активной политике на других направлениях.

США тоже кое-что получали. Вашингтон видел активизацию России в различных регионах мира и не хотел, чтобы Москва стала центром притяжения для антиамериканских сил, обеспечивая им прикрытие в Совете Безопасности ООН. Соединенные Штаты намеревались поддерживать определенный уровень сотрудничества с российскими спецслужбами. Вашингтон надеялся на содействие России в сложных вопросах: Иран, Северная Корея, Ближний Восток. И уж, как минимум, рассчитывал, что Москва не будет помогать противникам США.

В общем, Россия и Соединенные Штаты имели общий интерес — не оказаться по разную сторону баррикад в мировых разбирательствах. Сотрудничество — это как получится, но главное — не противостояние. Формула «соглашаться не соглашаться» соответствовала такому интересу. Однако достаточно скоро выявились детали.

Москва быстро обнаружила, что быть выслушанной еще не означает быть услышанной. Россию относительно внимательно слушали, но с готовностью пользовались правом «не соглашаться». На практике ничего не менялось. В 2003 году — переворот в Грузии. Россия была совершенно не против смены Эдуарда Шеварднадзе, но рассчитывала на согласование кандидатуры нового президента. В 2004-м Москва и Вашингтон вновь оказались по разные стороны во внутривосточной борьбе в Украине.

Россия увидела наступление на свои интересы в Восточной Европе и на Кавказе и ответила давлением на американские интересы в Центральной Азии. В 2005 году США были вынуждены вывести свою военную базу из Узбекистана, а база в Киргизии с тех пор находится под постоянным прессингом.

Соединенные Штаты тоже остались недовольны сделкой. Они думали, что Россия ограничится высказыванием недовольства американской политикой, но не будет вести свою игру против интересов США. Поэтому Вашингтон удивился, когда Москва не дала «задавить» Иран, а также не поддержала американскую политику в Ливане, прикрыв Сирию как политически в Совете Безопасности ООН, так и в военном плане системами ПВО. Россия оказала определенную поддержку Венесуэле, начала затяжное давление на проамериканские режимы в Восточной Европе, а затем и на Кавказе. В общем, Москва не собиралась уступать в каждом случае, где Соединенные Штаты заявляли свои интересы.

Это противоречило американскому пониманию формулы «соглашаться не соглашаться». В 2006-м и 2007-м США пытались скорректировать ее под свое понимание. Ее стали интерпретировать следующим образом: «не соглашайтесь, но не мешайте» (*disagree, but do not oppose*).

Такая формула могла бы быть интересна для России. Однако для этого следовало разделить зоны влияния-ответственности, а потом не соглашаться по поводу действий друг друга внутри этих зон, но не вмешиваться в дела чужой зоны. Вашингтон же не хочет делить мир на такие зоны. Да и Москва уже тоже не очень стремиться к этому. Сейчас появилась возможность вести свою игру в широком географическом диапазоне, и поэтому нет необходимости ее искусственно сужать.

Однако без разделения зон влияния-ответственности американская формула «не соглашайтесь, но не мешайте» не имеет смысла. Для Соединенных Штатов она также оказалась непривлекательна, когда ее стали разворачивать в обратную сторону и просить не мешать российской политике.

Формула «соглашаться не соглашаться» устарела и перестала работать к концу 2006 года. Ее просто полностью исчерпали, но никаких новых решений пока нет. За пять последних лет накопилось огромное количество разногласий. На исходе своего президентства Владимир Путин уже не мог их замалчивать, что и нашло выражение в его мюнхенской речи. Но и переходить к открытой конфронтации Москва и Вашингтон тоже не хотят.

«НИЧЕГО ЛИЧНОГО, ПРОСТО НИКАКОГО БИЗНЕСА»

В постсоветское время в российско-американских отношениях выросло несколько констант.

Элиты в Москве и Вашингтоне друг другу не доверяют. Это не новость уже лет десять. Но в последние годы они еще и всё меньше друг друга уважают. Искренние (или, как минимум, относительно искренние) симпатии российский и американский политические классы испытывали, может быть, только в конце 1980-х и в самом начале 1990-х годов. Но даже при дальнейшем ухудшении отношений между элитами обеих стран оставалось определенное уважение.

С американской стороны оно основывалось в основном на ожиданиях, что Россия через отступления и противоречия придет к западному образцу демократии: на Москву возлагались определенные надежды, которые диктовали некую форму уважения к политической элите. В последние годы эти надежды в истеблишменте США стремительно исчезают. Россию нисколько не игнорируют или не принимают в расчет. Наоборот, ее считают всё более значимым фактором в мировой политике и готовы принять «такой как есть». Это способствует более осторожному, но отнюдь не уважительному отношению.

С российской стороны Соединенные Штаты уважали как сверхдержаву, как крупнейшую экономику мира — в общем, как сильного визави. Однако постепенно США стали воспринимать по формуле «сила есть — ума не надо». А теперь и силу поставили под сомнение. Соединенные Штаты больше не воспринимают как сильного конкурента, скорее обращают внимание на американские слабости, особенно в экономике. А другой базы для понимания друг друга, кроме силы, не возникло.

Потеря взаимного уважения относительно новая и чрезвычайно опасная динамика: крайне скептическое отношение порождает подозрительность и недоверие. Конечно, по обе стороны океана остаются те, кто сохраняет корректное восприятие даже при существенных содержательных разногласиях и готов подходить к делу профессионально. Однако значение психологических и эмоциональных факторов растет. Это одновременно и проявление, и прямое следствие утраты уважения. Забегая вперед, можно сказать, что апофеоза данная ситуация достигла в связи с событиями в Южной Осетии и Грузии в августе 2008-го.

Для поддержания дружественных отношений высшему руководству необходимо прилагать большие личные усилия. Как только они ослабевают, отношения быстро «скатываются» до низкого уровня. Аппараты не проявляют достаточного интереса к сотрудничеству.

Хотя и есть отдельные положительные примеры, в целом опыт сотрудничества не формирует позитивной устойчивой модели.

И самое главное. Потерпели полную неудачу все попытки придумать «совместную работу» для двух стран. Вопрос о том, чтобы сформулировать «позитивную повестку дня» российско-американский отношений, поднимался много раз. Кто-то сразу говорил, что это невозможно. Кто-то попробовал и бросил. И только самые упорные продолжают выдумывать «совместный проект».

Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Ничего личного, просто *никакого* бизнеса». У Путина и Буша не было личных проблем. Но и общих дел у России и США не было. Декларации о борьбе с терроризмом, распространением оружия массового уничтожения и т. п. совместным бизнесом так и не стали.

ДАЛЬШЕ – КАЖДЫЙ САМ ПО СЕБЕ

Геополитические и геостратегические интересы Москвы и Вашингтона стремительно расходятся. У обеих стран формируется несовместимый набор интересов в энергетической сфере, а также в ряде географических зон. Поэтому вскоре более подходящей может стать традиционная фраза «Ничего личного, просто бизнес», но только бизнес этот будет у каждого свой и конкурирующий.

Реальная возможность согласования интересов и достижения стратегических решений о партнерстве и совместных действиях была пройдена примерно в 2004–2005 годах. Тогда имела место вторая волна смены лидеров на постсоветском пространстве: Россия и Соединенные Штаты повели каждый свою игру, что поставило их по разные стороны баррикад в Украине, в Грузии, чуть раньше в Молдавии (по вопросу урегулирования территориального конфликта). Сойти с занятых позиций уже невозможно, каждый будет доигрывать свою игру, и это займет долгое время.

К тем же годам относятся принципиальные разногласия по ближневосточной политике (Иран, Сирия, Ливан, палестинский вопрос): США проводили свой курс, а Россия стала прокладывать свой. Примерно тогда же началось большое энергетическое соперничество: Москва формировала собственные концептуальные подходы к вопросам энергетической безопасности, которые не стыкуются с американскими. Каждый стал действовать по-своему.

Впредь Россия и Соединенные Штаты будут работать по отдельности. Фактор смены администраций теряет значение, так

как завершается формулирование долгосрочных интересов в российской и американской политических элитах. Особенно это справедливо для России. Но и в США идут активные дискуссии о том, «как жить в современном мире». В этих дискуссиях идея «сдерживания России» если и не занимает центральное место, то все равно присутствует – а между сдерживанием и противодействием очень тонкая черта (многим в России кажется, что США ее уже переступили). Следующие администрации в Москве и Вашингтоне будут в большей степени выполнять стратегические планы, чем вносить в них коррективы.

При всех разногласиях стороны явно не хотят открытой конфронтации. Россия чувствует, что достаточно сильна, чтобы вести свою игру. Соединенные Штаты боятся, что Россия недостаточно реформирована и ответственна, а потому хотят за ней «приглядывать» и по возможности ограничивать. Впрочем, в Вашингтоне не хотят нервировать Москву и предпочитают мягкие формы контроля: совместные действия, сотрудничество и т. д.

Складывается парадоксальная ситуация. Россия хочет сотрудничать с США (особенно по различным вопросам безопасности), но на подчеркнута равноправной основе. Такое сотрудничество акцентировало бы новое качество Москвы и ее внешней политики. Однако в ответ на свою готовность к сотрудничеству Россия видит скорее попытки так организовать взаимодействие, чтобы сдерживать, блокировать, ограничивать Москву.

России нужны формы сотрудничества, которые подчеркивали бы ее самостоятельность и значимость, то есть именно формы сотрудничества, а не российской помощи в каких-то американских делах. А Соединенным Штатам необходимо взаимодействие, которое не оставляло бы Россию в стороне, но и не давало бы ей «право вето».

Москва хочет и готова себя проявить. Вашингтон в конечном счете опасается, «что же из всего этого выйдет». В результате стороны постоянно теряют возможность вступить в нормальный диалог и откровенно поговорить по широкому кругу вопросов. Очень показательное отношение к мюнхенской речи Владимира Путина. Российский президент откровенно высказал тогда все, что «наболело». Это были не пустые претензии: так действительно не только думает, но и уже несколько лет говорит российская элита (в Европе и Азии тоже об этом говорят, хотя делать это публично пока считается политически некорректным).

Ответ шефа Пентагона Роберта Гейтса сводился примерно к следующему: «Чего шумите, не волнуйтесь — никто вас не трогает, мы не хотим возвращения к прошлому и конфронтации». В США этот ответ Гейтса считают образцовым: он не поддался на риторику времен холодной войны, не втянулся в дискуссию в конфронтационном стиле — в общем, четко дал понять разницу между теми и нынешним временами. Однако с российских позиций все выглядит по-другому: Гейтс уклонился от откровенного диалога. Москву уже больше не устраивает, что можно честно поговорить с Джорджем Бушем, но потом ничего не происходит, договоренности не выполняются.

Год спустя (зимой 2008-го) на очередной Мюнхенской конференции по безопасности достаточно спокойно выступил Сергей Иванов. Многие комментаторы восприняли это как отказ от «мюнхенских тезисов». На самом деле просто решено, что с Америкой разговаривать бесполезно.

ПРИМЕТЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Основная часть настоящей статьи была написана до нападения Грузии на Южную Осетию и дальнейшего вмешательства России в конфликт. Разногласия Москвы и Вашингтона по «грузинскому вопросу», поведение американских политиков (как действующей администрации, так и тех, кто претендует на формирование следующего кабинета) только подтвердили и развили тенденции, которые имели место ранее.

США заняли исключительно прагматическую позицию — это полная поддержка президента Грузии Михаила Саакашвили. Может быть, позже его и «сдадут» — все-таки проштрафился он основательно. Но главным для Соединенных Штатов было остановить продвижение российских войск и добиться их скорейшего вывода с основной грузинской территории. Добиваться этого можно было разными путями. Но выбрали, как казалось в Вашингтоне, самый надежный — безусловную поддержку Тбилиси и упор на незыблемость территориальной целостности. То, что этот путь был откровенно антироссийским, что он потребовал огромной лжи в публичных выступлениях первых лиц американской администрации (дело представлялось как агрессия России против Грузии и сравнивалось с советским вторжением в Чехословакию), оказалось вполне приемлемым.

Если президент Саакашвили – не американская марионетка, а самостоятельный и не до конца предсказуемый политик, если Соединенные Штаты не полностью его контролируют, то зачем «накачивать» его оружием и оказывать ему полную публичную поддержку. Это, как минимум, безответственно.

Если же грузинский руководитель – не самостоятельный политик и полностью контролируется Вашингтоном, он не мог пойти на агрессию против Южной Осетии без согласия патрона. В таком случае американская администрация тем более несет ответственность за действия грузинского режима и, по сути, является стороной конфликта.

США поддерживают Михаила Саакашвили, но отказываются брать за него ответственность. Похоже, в Москве уже устали от попыток разобраться, является ли такая позиция откровенной глупостью или верхом цинизма. В конечном счете, решили в российском истеблишменте, это не столь важно.

Грузинский кризис подводит черту под затянувшимся периодом неопределенности в российско-американских отношениях – примерно три последних года. Президент Владимир Путин сделал решительный рывок в направлении интеграции России в мировую политику и экономику. Доминировало представление, что страна может адаптироваться к новым мировым правилам без ущерба для своих национальных интересов. Больше того, может добиться их более полной реализации. Позиция Соединенных Штатов после 11 сентября 2001 года давала основания думать, что Вашингтону можно объяснить российскую позицию и на определенных условиях США будут готовы ее принять. В общем, с Америкой, мол, можно договориться.

Впрочем, после 2003-го на практике договариваться не получалось. Но казалось, что можно хотя бы не играть откровенно друг против друга. Однако события 2004 года в Украине, а после 2005-го и на Ближнем Востоке не оставили на это надежд. В последние три года российские и американские интересы постоянно сталкивались. Соединенные Штаты удивлялись, почему Россия не уступает. А Москва все больше раздражалась от самого предположения, что она должна уступить.

Грузинский кризис все расставил по своим местам. Правы оказались те, кто уже много лет говорил следующее.

Во-первых, США безнадежны, им нельзя ничего объяснить, они пойдут на любую ложь и обман ради собственных интересов.

Во-вторых, Соединенные Штаты сознательно вооружают недружественные России режимы вблизи ее границ, чтобы иметь возможность оказывать большее давление на Россию.

В-третьих, с Америкой невозможно договариваться.

Отношения России и США приобретают новое качество. Они пока не конфронтационные (по крайней мере, в том смысле, как во времена холодной войны), но и не партнерские — найти удовлетворяющие обе стороны форматы сотрудничества не удалось, а теперь уже и интересы расходятся. Москва и Вашингтон могут сотрудничать по отдельным частным вопросам, но стратегически каждый действует сам по себе — точно не в одной лодке, каждый сел в свою.

Для остального мира переход российско-американских отношений в такое новое качество во многом неожидан. Больше всего выигрывает Европа, если, конечно, она решится сделать хоть что-то самостоятельно и воспользоваться хотя бы частью возможностей, которые предоставляются ей в современном мире. Отсутствие системной конфронтации между Россией и США оставляет Европе свободу не делать решающего выбора, с кем она. Старый Свет может вести себя гибко, в одних случаях поддерживая Россию, а в других Соединенные Штаты. Для Европы это шанс наконец-то начать действовать в соответствии с собственными интересами.

Для Китая отчасти удивительно, что Россия и США пришли к такой ситуации. Впрочем, КНР вряд ли будет недовольна подобным положением вещей в ближайшей перспективе; точнее, Пекин будет определенное время в него не верить, интерпретируя развитие российско-американских отношений как движение к конфронтации (что не исключено полностью, но и не предопределено — по крайней мере, это не будет сознательным выбором Москвы и Вашингтона). В результате Китай, наверное, продолжит действовать по старой логике Генри Киссинджера — логике «стратегического треугольника» Россия — КНР — США, где от сближения любых двух обязательно проигрывает третий. Но новая ситуация исключает логику «стратегического треугольника».

Остальные две страны БРИК — Бразилия и Индия — скорее выиграют. Так как им не нужна ни конфронтация с Америкой, ни излишние уступки ей, переход Москвы на описанные позиции даст им больше возможностей в отстаивании своих интересов.

Вообще, продвижение Россией в последнее время формата БРИК (причем там обсуждается повестка дня и Совета Безопасности ООН, и «Большой восьмерки») судя по всему, отражает именно переход Москвы на принципиально новые позиции в своей внешней политике.

В целом новое качество российско-американских отношений является еще одним существенным элементом многополярной картины мира. Конфронтационная модель вырастает из биполярного прошлого. Партнерство и союзничество — это элементы либо так никогда и не состоявшейся «дружественной биполярности», либо однополярного мира под американским лидерством, которое также не дало результатов.

Взгляд поверх геополитических баталий

Россия и США: повестка дня для сотрудничества

Томас Грэм

Если у кого-то были сомнения в траектории дальнейшего развития отношений между США и Россией, то ожесточенные споры вокруг Грузии окончательно их развеяли. Сейчас эти отношения хуже, чем когда-либо со времени распада Советского Союза. Мало того, ухудшение продолжается. И нет никаких признаков того, что в ближайшее время может возникнуть фундамент для их восстановления.

События в Грузии оказались мощным катализатором, позволившим Москве и Вашингтону выплеснуть накопленное и долго сдерживаемое разочарование по поводу двусторонних отношений. Для России это время реванша за национальное унижение 1990-х годов и возмездия за неуважение к ее интересам. Особенно в последние несколько лет, когда страна восстановила свой подорванный экономический потенциал.

В Вашингтоне же действия Москвы стали для многих убедительным доказательством того, что Россия является неоимпериалистической державой, намеренной противодействовать влиянию Соединенных Штатов там, где только возможно. Эти действия также вынудили перейти в оборону сторонников более взвешен-

Томас Грэм — политолог, старший директор консалтинговой фирмы *Kissinger Associates*. Работал в администрации Джорджа Буша-младшего в качестве специального помощника президента по вопросам политики в отношении России. Данная статья — обновленная версия материала, подготовленного в рамках трансатлантического проекта «Европа, Россия и США: поиск нового равновесия». Он осуществляется Французским институтом международных отношений (*IFRI*) при поддержке *France Telecom* и благотворительного треста *Rayan* и прежде всего Фонда *Daimler*. О проекте можно прочитать на сайтах www.ifri.org и www.csis.org.

ных оценок и более прагматичного подхода к отношениям с Россией и тем самым устранили главный барьер на пути перехода к более жесткому курсу.

Предстоящие недели чреватy риском военного противостояния, хотя обе стороны отдают себе отчет, что прямая конфронтация противоречит их интересам. Политический настрой в обеих странах, малочисленность сторонников конструктивных отношений и прерывание каналов общения не сулят ничего хорошего для взаимоотношений – по крайней мере, в краткосрочной перспективе, пока в Вашингтоне не произойдет смена администрации.

Слабая администрация США, озабоченная серьезными внутриэкономическими неурядицами и подмочившая свою репутацию крайне неудачной внешней политикой, хочет казаться сильной и решительной. В набирающей обороты предвыборной гонке, центральным моментом которой является внешнеполитический курс, победит тот кандидат в президенты, кто займет более жесткую позицию в отношении России: мягкостью к Москве сейчас невозможно получить политические дивиденды.

Успешная военная операция в Грузии придала России еще больше уверенности или, правильнее сказать, высокомерия, а также подогрела националистические настроения. Вкупе с глубокой тревогой по поводу долгосрочной уязвимости страны это также будет стимулировать российских стратегов к проведению более жесткого внешнеполитического курса. Более того, в формирующемся тандеме власти президент Дмитрий Медведев/премьер-министр Владимир Путин первому еще только предстоит доказать свои лидерские качества, и он может проиграть, если займет мягкую и миролюбивую позицию в отношении Соединенных Штатов.

Между тем в публичной политике обеих стран звучит очень мало голосов, призывающих к сдержанности. Внутри политического истеблишмента двух стран ведутся энергичные дебаты, которые лишь усугубляют отрицательный образ противостоящей стороны. Чтобы понять это, достаточно прочитать комментарии в средствах массовой информации с начала кризиса с их прямо противоположной интерпретацией событий в Грузии. Российские и американские предприниматели, заинтересованные в более конструктивных отношениях между обеими государствами, больше озабочены защитой собственных деловых интересов, чем интенсивной совместной работой над оздоровлением общеполитического климата. На самом

деле, многие из них опасаются, что активными действиями в этом направлении они могут лишь поставить под угрозу свои коммерческие интересы, прежде всего в краткосрочной, но, возможно, и в долгосрочной перспективе.

И наконец, практически отсутствуют надежные каналы общения. То, что их нет на официальном уровне, вряд ли кого-то удивит: они оборвались достаточно давно, в начале второго президентского срока Джорджа Буша. Даже столь разрекламированные личные отношения между ним и Владимиром Путиным не внесли свою лепту в поддержание серьезного диалога. Частота и насыщенность их бесед уменьшались в течение последних 3–4 лет.

Что поражает больше всего, так это отсутствие неофициальных каналов, которые могли бы восполнить нехватку контактов на официальном уровне. Это особенно странно потому, что сегодня взаимодействие русских и американцев в самых разных областях отличается большей интенсивностью, чем в любой другой исторический период. Но не предпринимается никаких серьезных усилий для того, чтобы избавиться от диаметрально противоположных оценок недавних событий, при помощи которых стороны склонны демонизировать друг друга.

Предлагать архитектуру и программу конструктивных стратегических отношений при таких обстоятельствах — значит прослыть безнадежным идеалистом. Ни одна из сторон не готова слушать. Вместе с тем по большому счету Соединенным Штатам и России не удастся избежать взаимодействия. Каждая держава является критическим фактором в защите другой своих жизненно важных интересов, будь то стремление США обезопасить ядерные материалы от террористов или стремление России вернуть себе влияние и инициативу на постсоветском пространстве.

Можно также утверждать, что Соединенные Штаты и Россия только выиграют, если будут работать сообща вместо того, чтобы ставить друг другу палки в колеса. Хотя нельзя не признать, что выгода от такого сотрудничества будет распределяться неравномерно: в некоторых случаях одна сторона может оказаться в выигрыше, а другая — в проигрыше.

Тот факт, что сотрудничество приносит большую пользу, особенно очевиден в вопросах ядерного сотрудничества и борьбы с распространением ядерного оружия. Быть может, это чуть менее очевидно в других областях, таких, как безопасность в Европе и

Северо-Восточной Азии, стабильность на Большом Ближнем Востоке, энергетическая безопасность и противодействие изменению климата, хотя и здесь сотрудничество способно ускорить решение данных проблем.

Конечно, есть такие сферы, в которых национальные интересы США и России и их соперничество всегда будут затруднять взаимодействие. Лучшим примером может служить бывшее советское пространство: если одна из сторон здесь будет в выигрыше, то другая окажется в проигрыше. Однако неспособность к разумным компромиссам в этой области, скорее всего, будет играть на руку третьим сторонам, нежели служить интересам Соединенных Штатов или России.

В настоящий момент трудно представить себе, что могло бы привести соперников в чувство и побудить их признать фундаментальную истину о преимуществах стратегического сотрудничества, а также целеустремленно и решительно действовать в направлении улучшения взаимоотношений. Между тем было бы нелишне подготовить рабочий план конструктивных отношений, который Россия и США могли бы принять, как только они признают пользу кооперации.

Итак, что же нужно сделать, если обе страны в какой-то момент все-таки придут к выводу, что им требуются более широкие и конструктивные отношения?

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Первый и существенный шаг — восстановление доверия, сведенного к нулю в последние годы. Отправной точкой может послужить возвращение к первому принципу дипломатии — готовности считаться с интересами другой стороны в той мере, в какой это не вредит собственным стратегическим целям. Для этого необходимо, чтобы стороны четче формулировали свои интересы и цели, более внимательно прислушивались друг к другу. Следует сосредоточиться на конкретных прагматических задачах: России — не быть столь циничной, США — умерить идеологический пыл. Все это невозможно без налаживания прочных связей, создания конкретных условий для дискуссий, переговоров и реализации согласованных действий.

Контакты осложняются двумя существенными несоответствиями.

Во-первых, восприятие каждой страной угроз и стратегических целей не совпадает. В российском списке приоритетов Америка занимает гораздо более почетное место, чем Россия — в американском.

Во-вторых, в американском госаппарате ответственность и властные полномочия распространяются на более низкий уровень, чем в российском.

Кроме того, существуют еще два обстоятельства, которые следует принять во внимание.

Американо-российские отношения должны поддерживаться на президентском уровне, поскольку, учитывая стереотипы холодной войны, обиды и подозрения, накопившиеся у бюрократий обеих стран за последние полтора десятилетия, именно авторитет глав государств служит гарантией конструктивного взаимодействия.

Но одних контактов на высшем уровне недостаточно — ведь прочие обязанности и приоритеты американского президента не позволяют ему уделять достаточно внимания развитию двусторонних отношений с Россией. В свою очередь российский президент по причинам протокольного характера не имеет возможности регулярно общаться с американскими представителями более низкого ранга, даже если те обладают всеми необходимыми полномочиями.

Данные обстоятельства диктуют необходимость выделить с каждой стороны доверенное лицо — человека, близкого к президенту, хорошо разбирающегося в задачах его внешнеполитического курса и уполномоченного выступать по всему спектру американо-российских отношений. Такие представители сыграли бы ключевую роль в конкретизации президентских решений и директив. Они также могли бы взять под контроль осуществление контактов, в том числе деятельность рабочих групп и других официальных лиц, отвечающих за основные пункты повестки дня (нераспространение ОМУ, терроризм, экономические и торговые связи, региональные проблемы и пр.).

Повестка дня обширна, хотя при нынешнем распределении влияния в мире американо-российский диалог зачастую невозможен в отрыве от более широкой многосторонней дискуссии.

ЯДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭНЕРГЕТИКА

Стержнем отношений могло бы стать сотрудничество по следующим четырем направлениям: стратегическая стабильность, нераспространение ядерного оружия, ядерный терроризм и энергетика.

Все это проблемы первостепенной важности для обеих стран. Вашингтон и Москва как две ведущие мировые ядерные державы располагают уникальными возможностями для их решения. На обе страны ложится столь же уникальная ответственность. Поскольку потенциал

России и США в этом отношении весьма значителен, они могут сотрудничать как равные партнеры в осуществлении глобального лидерства. Многие элементы такого партнерства уже задействованы:

- американо-российская Братиславская инициатива по ядерной безопасности (2005), которая помогла укрепить безопасность на ядерных объектах, особенно в России, и разработать средства чрезвычайного реагирования;

- американо-российская Глобальная инициатива по борьбе с актами ядерного терроризма, охватывающая ныне более 50 стран;

- программа «От мегатонн к мегаваттам», по которой из советского ядерного оружия вырабатывается высокообогащенный уран для производства энергии в США;

- сотрудничество в рамках Инициативы по безопасности в борьбе с распространением ОМУ, выдвинутой Вашингтоном (*Proliferation Security Initiative*);

- Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Два основных недостающих элемента в этом сотрудничестве — достижение принципиального согласия о договоре, который должен последовать за СНВ (его срок истекает в конце 2009 года), и практическая совместная работа по противоракетной обороне.

«Соглашение 123» создает условия для более тесного сотрудничества в области гражданских программ ядерной энергетики, в том числе посредством увязывания программы Глобального партнерства в ядерной энергетике США (*U.S. Global Nuclear Energy Partnership — GNEP*) с российскими планами по созданию международных центров ядерного топлива.

Трудный вопрос, который еще предстоит урегулировать, — взаимодействие в нефтяной и газовой отраслях. Значительные усилия, предпринятые в прошлом, не увенчались успехом в основном из-за конфликта интересов и неурегулированности сферы энергетических разработок в России. На протяжении последних 15 лет американцы уделяли большую часть времени тому, как улучшить климат для частных американских инвестиций в российском энергетическом секторе, полагая, что это будет способствовать рыночным реформам во всей экономике. Внимание же российской стороны было сосредоточено на перестройке энергетики, а в последнее время на том, чтобы закрепить право контроля со стороны государства и преимущественные права России при инвестировании внутри страны.

Прогресс в развитии сотрудничества возможен при условии, что,

во-первых, США примут как данность ныне существующую структуру российского энергетического сектора и будут готовы рассмотреть возможность значительных российских инвестиций в объекты энергетики в Соединенных Штатах, а также совместных американо-российских предприятий в третьих странах;

во-вторых, если Москва признает ценность опыта управления и технологических ноу-хау крупных энергетических фирм США для разработки месторождений в районах сложного геологического строения (особенно в прибрежных зонах на Севере), которые имеют решающее значение для устойчивого роста производства в России.

Обе стороны должны деполитизировать проблему российских энергоносителей, особенно в том, что касается поставок газа в Европу. Реальное положение дел таково, что Европейский союз будет нуждаться в российских поставках для удовлетворения растущего спроса в последующие десятилетия. Импорт из Северной Африки и Ближнего Востока потребует дополнительных трубопроводов помимо тех, что Россия уже проложила, продолжает строить либо планирует построить в будущем. Их сооружение должно стать результатом совместных усилий американских и европейских компаний, а не поводом для жесткой конкуренции между государствами.

Представителям России, Соединенных Штатов и европейских стран было бы полезно признать, что Москва располагает весьма ограниченным набором средств достижения геополитических целей и ресурсное богатство является частью его. Или, например, отдать себе отчет в том, как зависимость от России влияет на стратегическую ориентацию Украины, Грузии и некоторых стран ЕС.

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ

Принятая в апреле 2008-го российско-американская Декларация о стратегических рамках отношений (*U.S.-Russian Strategic Declaration*) – хорошее начало для расширения экономического взаимодействия. В ней содержится пожелание ускорить работу по приему России во Всемирную торговую организацию к концу 2008 года и наращивать усилия по заключению нового двустороннего договора об условиях инвестиционной деятельности для укрепления доверия инвесторов, а также начать новый межправительственный и бизнес-диалог по экономическому и деловому взаимодействию. Все эти шаги призваны содействовать двусторонней торговле и инвестициям, а именно

это обеспечивает наиболее широкую общественную поддержку идее улучшения российско-американских отношений.

Кроме того, каждой стороне необходимо позаботиться о том, чтобы вполне законная озабоченность проблемами национальной безопасности не использовалась для разжигания протекционистских настроений и создания препятствий потоку капиталовложений. Для этого каждая из сторон должна взять на себя труд по разъяснению правил, которыми они руководствуются при осуществлении инвестиций в стратегические секторы: будут ли эти правила применяться на справедливой и равноправной основе и выполняться в каждом конкретном случае.

Существует ряд вопросов, связанных с управлением мировой экономикой, которые могли бы стать предметом обсуждения между Соединенными Штатами, Россией, а также другими ведущими государствами.

Например, реформа управления Международным валютным фондом с учетом изменившегося распределения экономического влияния в мире. Больше уже не может сохраняться положение, при котором в нем доминируют США и Европа. Кроме того, возрастающая роль фондов национального благосостояния и озабоченность в связи с их возможным использованием в политических целях делают необходимым широкую дискуссию о том, как эти фонды должны проводить операции с акциями, включая обязательства стран-инвесторов и стран-получателей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

По всем этим вопросам американо-российские дискуссии должны стать частью более широкого многостороннего анализа.

На европейском континенте необходимы институты, отвечающие вызовам XXI века, особенно панъевропейская структура безопасности с тремя опорами в лице США, объединенной Европы и России. Это повлечет за собой реформирование и модернизацию НАТО и в конечном счете ее поглощение более крупной панъевропейской структурой.

Свой вклад в достижение этого результата мог бы внести реорганизованный Совет Россия – НАТО. Следует определить круг вопросов, в решении которых Москва участвовала бы на равноправных условиях с Североатлантическим альянсом. Вопрос о возможности оживить эту структуру остается открытым, но он заслуживает обсуждения. Кроме того, следует изучить различные форматы трехсто-

ронного сотрудничества между США, Европой и Россией для решения конкретных вопросов. Ключевой вопрос – формат, представляющий европейских участников (ЕС, группы отдельных европейских государств или сочетание и того и другого).

На Ближнем Востоке внимание следует сосредоточить на трех таких проблемах:

- Иран (не просто его ядерное измерение, а значительно шире – как региональная держава),
- израильско-палестинский (арабский) мирный процесс,
- Ирак.

В первом случае вопрос заключается в том, как убедить Иран стать ответственной региональной державой. Разрешение израильско-палестинского конфликта требует постепенного продвижения к стабильному, прочному урегулированию и недопущению при этом очередных вспышек войны. Что касается Ирака, то проблема состоит в том, как увеличить коммерчески привлекательную долю участия России в обмен на принятие на себя большего объема обязательств по стабилизации ситуации.

В Южной и Восточной Азии в первую очередь следует способствовать установлению нового баланса сил с учетом восхождения Китая и Индии. Соединенные Штаты и Россия одинаково заинтересованы в развитии Сибири и российского Дальнего Востока, в укреплении российского суверенитета на этих пространствах как основного элемента нового баланса сил в Северо-Восточной Азии.

Взаимосвязанные проблемы безопасности и энергетики могут послужить основой для более структурированного диалога между США, Россией, Китаем, Японией и Южной Кореей. Борьба с терроризмом, противодействие распространению ядерного оружия и наркотиков составляют базис для сотрудничества в Южной Азии, главной целью которого должна быть стабилизация в Афганистане. Соединенным Штатам следует более внимательно отнестись к той значительной роли, которую Россия способна играть в этой стране, особенно в том, что касается инфраструктурных проектов. Развитие инфраструктуры, которая свяжет бурно развивающуюся Индию с Центральной Азией и соседними районами России, поможет установить новый баланс сил на благо всего региона.

С региональными проблемами связан вопрос о роли международных организаций. В последнее время много внимания уделялось реформированию ООН, в особенности Совета Безопасности,

дабы привести его в соответствие с новыми реалиями и новой расстановкой сил в мире. Пока усилия в этом направлении не увенчались успехом, и подлинные преобразования еще впереди. На данный момент США, Россия и другие крупные державы — как минимум, Китай, Индия, Япония и Евросоюз (в какой-либо из своих ипостасей) — должны позаботиться о создании возможных структур *ad hoc*. В частности, наподобие расширенной либо перестроенной G8 — для обсуждения серьезных проблем международных отношений и их урегулирования.

Тема постсоветского пространства вызывает наиболее острые дискуссии, и они, скорее всего, лишь усилятся по мере укрепления России.

Принципиально важно, чтобы обе стороны уважали суверенитет и территориальную целостность государств региона. Действия России в Грузии, без сомнения, нарушают указанные выше принципы. Москве следует представить убедительные объяснения того, почему они в данном случае неприменимы. Вашингтону необходимо сделать то же самое в отношении Косово.

Соединенным Штатам надо также принять во внимание особое место, которое занимает в сознании россиян это пространство, входившее в состав Российского государства по меньшей мере одно-два столетия. Наследием существовавшей в прошлом общей государственности стали многочисленные политические, экономические и личные связи. Контроль над этим регионом придавал России геополитический вес и чувство безопасности и по-прежнему дает ей ощущение великодержавности.

При всем при том россиянам следует признать, что с учетом сегодняшних реалий, особенно процесса глобализации, данный регион уже не может быть зоной исключительного влияния Москвы. Законные интересы в его различных частях имеют теперь и другие государства, включая США, и их присутствие со временем только возрастет. Покончить с соперничеством Соединенных Штатов и России нереально. Но нельзя допустить того, чтобы оно разрушило доверие, необходимое для сотрудничества по другим вопросам.

Украина представляет собой наиболее сложную проблему. Она стремится зафиксировать свое отличие от России и идентифицировать себя как самостоятельное государство, но в силу исторических причин Украина неизбежно остается элементом национальной

идентичности России и ассоциируется с ее ролью как крупной мировой державы. Движение Киева в сторону Запада — результат политических дебатов внутри страны — следует уважать, но учитывать при этом обостренную реакцию России. Насколько это возможно — неясно, и потребуются время, чтобы разобраться в ситуации в политическом, экономическом и институциональном плане. Однако выход не в том, чтобы искусственно осложнять ситуацию, а в том, чтобы положиться на естественное развитие событий по мере того, как Европейский союз и НАТО будут строить отношения с Москвой и откликаться на запросы Украины.

ЦЕННОСТИ

Хотя «средством обращения» в международных отношениях остаются не ценности, а интересы и, более того, вопрос о ценностях явился причиной многих трений в американо-российских отношениях, от него таки никуда не уйти.

Невозможно представить себе Соединенные Штаты, которые не стремились бы к продвижению демократии вовне, как они делали это с момента обретения независимости. Данную реальность Россия должна принять, как неизбежную в отношениях с США. Вопрос заключается в пределах допустимого, а также в том, как это воспринимать.

Вашингтону не следует переходить грань между общей поддержкой демократических ценностей и вмешательством во внутренние дела России. И это не просто вопрос уважения. Здесь есть и практический аспект, связанный с тем результатом, которого добиваются Соединенные Штаты. Полвека назад, в начале холодной войны, Джордж Кеннан писал: «Пути, по которым народы продвигаются к достоинству и просвещению в государственном управлении, составляют самые глубинные и сокровенные процессы жизнедеятельности государства. Нет ничего более непостижимого для иностранцев, и ничто здесь не может нанести больше вреда, чем иностранное вмешательство».

Вместо того чтобы заниматься бесплодными словопрениями о демократических ценностях, США и Россия, возможно, сочтут более выгодным для себя сосредоточиться на конкретных задачах обеспечения безопасности в XXI веке, вопросах, связанных с миграцией, отношениями внутри федерации, коррупцией, неравенством в доходах, инновациями и т. д. Дальнейшее расширение усилий экспертов обеих стран по разработке практических аспектов и

подходов к данным проблемам, вероятно, принесет больше пользы в установлении климата доверия и взаимного уважения.

* * *

Нет легких путей, которые вели бы к улучшению американско-российских отношений. Разочарования последних 15 лет нанесли большой ущерб, а неопределенность ситуации в мире не способствует росту доверия. Конфликт, связанный с Грузией, только усложняет ситуацию, и, по-видимому, делает задачу сближения невозможной в обозримом будущем. И все же сейчас нужно сосредоточиться на конкретных задачах, прагматических подходах и трезвой оценке обеих сторон. Не следует закрывать глаза на разделяющие нас реальные противоречия, но они бледнеют на фоне стоящих перед нами общих задач.

С приходом новых администраций в обеих странах следует избегать заявлений и действий, внушающих мысль о том, что нас разделяет непреодолимая стена, а мы являемся непримиримыми соперниками. А если отношения пойдут на лад, необходимо устоять перед соблазном праздновать легкую победу и разглагольствовать о партнерстве, не подкрепленном конкретными действиями. Сохраняется опасность того, что тем самым будет спровоцирован третий большой цикл ожиданий и разочарований, нанесших столько вреда. Будем реалистами: наши отношения — это одновременно и сотрудничество и соперничество. Это нормально для любых двух крупных держав. И, по правде говоря, конструктивные отношения на основе уважения — это все, что нам нужно, чтобы приступить к решению задач, которые стоят перед нашими странами.

Пределы рационального выбора

Россия и Европа в эпоху многополярности

Тимофей Бордачёв

Объединение России и остальной Европы является условием структурной стабильности Евразии, неведомой со времен Реформации и появления России на европейской политической сцене. Формирование в XVI–XVII веках системы суверенных государств на пространстве от Атлантики до Волги и далее до Тихого океана создало основу для череды политических конфликтов и войн, перемежающихся периодами примирений.

Последняя из таких пауз, начавшаяся в 1945 году, позволила создать на западе континента интеграционное объединение, воплощенное сейчас в институционально-правовой оболочке Европейского союза. Однако в его состав пока не вошла Россия — важнейший, наряду с Германией и Францией, участник европейской политики.

Попытка создать зону стратегической стабильности от Атлантики до Владивостока была предпринята на закате СССР и в первые годы существования новой России. Она оказалась безуспешной в силу множества причин, не в последнюю очередь из-за неспособности России выступить в роли самостоятельного суверенного государства и сформулировать собственные национальные интересы.

Точка в дискуссии о возможности объединения новой России и той части Европы, что входит в Европейский союз, была поставлена в 1994 году. Тогда Москва подписала с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, а европейские державы одобрили расширение НАТО за счет стран — участниц бывшего Варшавского дого-

Т.В. Бордачёв — к. полит. н., директор по исследованиям Совета по внешней и оборонной политике, руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета — Высшей школы экономики.

вора. Вместо стремительного сближения, вполне достижимого, по мнению таких политиков, как Франсуа Миттеран, Рууд Любберс или Михаил Горбачёв, Россия и Европа вступили в период раздельного сосуществования.

Высокий конфликтный потенциал такого положения дел все более очевиден по мере размывания остатков «железного занавеса» — объективного роста экономических и культурных контактов, узнавания друг друга и пересечения национальных интересов. Тем более что у одного из партнеров эти интересы находились в состоянии постоянного согласования (Европа), а у другого (Россия) начали формироваться как единое целое только в первой половине текущего десятилетия.

В результате уже более полутора десятилетий Россия и «единая» Европа пытаются найти волшебную формулу устойчивых долгосрочных отношений. Ее обязательными ингредиентами являются максимальное отражение национальных интересов и равная выгода партнеров. Она поможет, как уже понимают в Москве и европейских столицах, ускоренному развитию и России, и Европы, повышению их международной конкурентоспособности, устойчивости к вызовам и угрозам новейшего времени.

Это последнее особенно актуально на фоне быстрого оформления черт нового мира. К их числу относятся объективное снижение удельного веса Старого Света в мировой политике и экономике, сдвиг экономических полюсов (а затем, возможно, и полюсов военно-политического могущества) в азиатско-тихоокеанском направлении.

Данный процесс многим, особенно в США, Индии либо Китае, представляется необратимым, но он растянется на долгие годы, а возможно, и десятилетия нестабильности. Главным признаком уже оформившейся реальной многополярности, или, выражаясь проще, глобального беспорядка, является постоянное нарастание глобальных неопределенностей. На их фоне многократно усиливается стремление каждого из участников международной системы наращивать свою относительную мощь.

Рациональный выбор в условиях глобального беспорядка — это не открытость и ориентация на многосторонние режимы, а строительство крепких стен, формирование за их пределами очагов влияния и периодические вылазки на территорию «противника». Все это стало в последние годы присуще практике как европейской, так и российской политики.

ПОЛИТИКА РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Такое поведение, вполне естественное для любого суверенного государства, усугубляется либо ослабевает в зависимости от наличия в его распоряжении дополнительных возможностей. Для 27 государств — членов Евросоюза они обеспечиваются наличием коллективного «кнута и пряника» в лице Европейской комиссии. Именно поэтому, хотя Европейский союз остается достаточно рыхлым объединением, его действия на международной арене носят наступательный характер. В рамках, конечно, доступных инструментов, к числу которых относится втягивание Европой в свою политико-экономическую орбиту малых стран СНГ, а также ограничение там влияния и интересов «неинтегрируемого» соседа — России.

В результате стремление европейских «грандов» наладить с Россией взаимопонимание по ключевым экономическим и стратегическим вопросам успеха пока не имеет. Такие попытки со стороны Парижа или Берлина сталкиваются с жесткой реакцией Москвы на действия Брюсселя, хотя сами эти действия продиктованы текущими экономическими и, как показывает пример Косово, политическими интересами тех же Германии, Франции и их союзников по ЕС.

С рациональной точки зрения диалог между Россией и Европой не должен исчерпываться отношениями Москвы и Брюсселя. Но на практике обойти Еврокомиссию невозможно — ведь основной миссией этого института всегда была деятельность по достижению на общеевропейском уровне того, чего не могут самостоятельно и по отдельности добиться даже самые крупные страны — совладельцы «единой» Европы. Те, кому принадлежат контрольный пакет политических акций и большинство ниточек, управляющих действиями пресловутой брюссельской бюрократии.

Сочетание призывов к миру с активными «боевыми действиями» в полной мере присуще и российской политике. Особенно там, где у страны были и остаются конкурентные преимущества: в сфере энергетики, в вопросах, касающихся деятельности важнейших институтов международной безопасности, и на постсоветском пространстве. По логике, во всех этих областях Москве сейчас целесообразно оказывать на Европу конкурентное давление.

Средствами усиления Европы являются инструментальное использование многосторонних институтов и выстраивание системы двусторонних режимов с ключевыми игроками. Сейчас Европей-

ский союз пытается налаживать самостоятельные (независимо от США) отношения с Китаем и Индией. Другим партнерам, таким как Украина или страны Южного Средиземноморья, предлагается создание зон свободной торговли.

В зоне же непосредственных российских интересов – республиках бывшего СССР – рациональный выбор диктует Европе необходимость планомерной работы над расширением собственного влияния. Хотя его практическое воплощение ограничивается российскими интересами и возможностями, что влечет за собой острые конфликты с Москвой. России же в свою очередь – что на постсоветском пространстве, что в ООН или (возможно, в будущем) в рамках Всемирной торговой организации – опереться пока не на кого. В связи с этим, как справедливо замечают некоторые наблюдатели, не вполне объяснимо акцентирование российской внешней политикой важности многосторонних механизмов.

Впрочем, логика рационального выбора ставит под сомнение и необходимость для России разработки нового соглашения с самим Европейским союзом. Ведь согласно классическим канонам внешней политики и международных отношений, страны, возможности и потенциал которых находятся на стадии роста, в принципе не заинтересованы в международных соглашениях. Обязательства, которые принимаются в рамках договоров, фиксируют баланс сил, существующий на момент заключения. До тех пор пока Россия растет экономически и политически, ей невыгоден любой договор с ЕС. Но и перейти полностью на систему взаимодействия *ad hoc* с Евро-союзом Москва не может: слишком велика взаимозависимость.

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Важнейшим элементом, формирующим условия рационального выбора в отношениях между Россией и Европейским союзом, является их взаимозависимость. Согласно классическому определению Роберта Кохейна и Джозефа Ная, в таких случаях разрыв отношений приводит к неприемлемому ущербу для одного или обоих партнеров.

Аксиоматичность российско-европейской взаимозависимости остается для цивилизованной части элит главной соломинкой, позволяющей удержаться от скатывания к конфронтации, но простор для негативных тенденций остается. Ведь взаимная зависимость – это прежде всего именно зависимость, то есть ограничение суверен-

ных прав и возможностей, от которого человек либо государство так или иначе стремятся избавиться.

Главным фактором снижения зависимости может быть наличие альтернативы — способность привлечь других игроков, коллективное действие которых обеспечит продвижение национальных интересов соответствующего государства. И здесь дела у России и Европы идут не очень хорошо.

Наиболее здравомыслящие европейские коллеги правы, говоря о том, что важнейшей проблемой Москвы является стратегическое одиночество. Отсутствие реальной поддержки со стороны формальных союзников в вопросе о независимости Абхазии и Южной Осетии в августе-сентябре 2008 года только подтвердило наличие определенного «вакуума».

У России нет постоянных и надежных союзников. Если верить опросам, то в Китае и странах Третьего мира к России относятся достаточно положительно. Но само по себе это еще не служит основанием для создания союза либо системы альянсов, в которых Москва играла бы лидирующую роль, или, по меньшей мере составила бы пару другому лидеру, как это произошло в отношениях между Францией и Германией на заре 1960-х годов.

Определенные перспективы имеет экономическое и политическое сотрудничество на постсоветском пространстве — возможно, в рамках популярной идеи об усилении ЕврАзЭС. Однако интересы России и ряда стран СНГ в области энергетики вступают в противоречие, Москва не готова посадить отдельные режимы на мягкий военно-финансовый поводок, а кроме того, России приходится постоянно преодолевать сопротивление третьих стран, каким бы ничтожным в ряде случаев ни было их присутствие на российской периферии. Поэтому за счет влияния в СНГ Москва скорее может повышать собственные ставки на переговорах с действительно перспективными партнерами, чем формировать долгосрочные альянсы.

Отсутствие союзников означает также многократное усиление конкурентного давления в экономической сфере и в плане доступности технологий. Речь идет не просто о «догоняющей» способности покупать новейшие технологии на Западе либо Востоке. В современном мире страна, серьезно претендующая на инновационное развитие, должна обладать не только финансовыми возможностями, но и политическими ресурсами для организации на своей территории технологических центров, которые обеспечивали бы ей роль интегратора крупных междуна-

родных проектов. А для этого жизненно необходимы надежные союзники среди тех, кто в силах заблокировать создание таких центров.

Положение Европы, с точки зрения союзов и союзников, выглядит гораздо более благополучным.

Во-первых, сам факт существования Европейского союза и блока НАТО позволяет 27 странам ЕС говорить, что у них есть надежные союзники.

Во-вторых, Европа пока остается одним из наиболее емких и стабильных потребительских рынков, а европейский образ жизни — правовая и социальная защищенность гражданина — труднодостижимый образец для многих, включая Россию. Достойный даже того, чтобы включить его в перечень главнейших задач экономической и социальной модернизации России.

Но Европа как рынок или Европа как место, где полиция не является наиболее опасной для гражданина категорией государственных служащих, — это одно, а Европа как надежный политический партнер и в ряде обстоятельств защитник — другое. Выходя из-под сени американского протектората, Старому Свету приходится вести себя по жестким правилам острой политико-экономической конкуренции.

Поэтому правомерен вопрос о потенциале Европы, о том, насколько сильна ее военная и политическая привлекательность за пределами неинтегрированных пока остатков СССР и Балкан. События, связанные с евро-средиземноморской конференцией в Париже 13 июля 2008 года, показали, что ЕС испытывает все больше проблем с собственной притягательностью.

Спору нет, все главы приглашенных стран Магриба и Леванта, за исключением ливийского лидера Муамара Каддафи и короля Марокко Мохаммеда VI, прибыли в Париж. Но перед этим (ситуация, ранее Евросоюзу незнакомая) они предложили северным соседям, во-первых, отказаться от участия Израиля, а во-вторых, вообще вести диалог в формате Европейский союз — Лига арабских государств. Чтобы избежать нежелательного поворота дел, Франции пришлось максимально снизить присутствие институтов ЕС на мероприятии и сделать его исключительно межгосударственной встречей. Не говоря уже о том, что традиционная для внешней политики Европейского союза проблематика прав человека была изъята из вопросов деятельности Средиземноморского союза.

Неясно, какую цену Европа должна (и готова) заплатить за роскошь иметь вокруг себя кольцо государств-сателлитов. По мере раз-

вития таких стран, как Грузия, Сербия либо Украина, ЕС придется выбирать между их фактическим содержанием, размеры которого могут варьироваться в зависимости от политических и финансовых appetитов местных элит, и вступлением этой «тройки» в Евросоюз, что поставит точку в истории европейского федерализма.

Если же выйти за пределы ближайшей европейской периферии, то у Европы сложно складываются политические отношения не только с Китаем или Индией (которые привыкли мыслить и действовать в реалистической, «силовой», парадигме), но и даже с «безвизовыми» странами Латинской Америки. Неловкие попытки сочетать умеренный протекционизм и укрепление границ с расширением своего политического влияния приводят к забавным комбинациям. Так, пролоббированная Испанией и Еврокомиссией отмена санкций против Кубы совпала с заявлением лидеров государств – членов Меркосур, которые назвали «нецивилизованным узаконенным варварством» решения июньского Совета Европейского союза по миграции.

Америка в свою очередь ставит Европу перед необходимостью принятия все более сложных решений. По мере того как несостоявшийся гегемон теряет абсолютное превосходство, он делает еще более резкие движения ради сохранения контроля над ключевыми странами и регионами. Европа в ответ все более заметно пытается выступить в качестве «мягкой», но реальной альтернативы Америке в кризисных ситуациях на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве.

При этом разрушаются остатки феномена, который в эпоху разрядки ученые-идеалисты называли «международным обществом» – относительно целостной совокупности передовых государств, сумевших в результате внутренней эволюции преодолеть конкурентные мотивы поведения. По мнению некоторых российских экспертов, в ряды этих стран должна была вступить и Россия.

Сокращение стабилизирующей роли США в европейской политике уже настолько заметно, что игнорировать его не могут даже самые политически корректные западноевропейские столицы. Центр внимания Вашингтона сместился в сторону Восточной и Юго-Восточной Азии. И необходимость «приручения» Китая может толкнуть Вашингтон на самые революционные геостратегические инициативы (см. статью Фреда Бергстена в этом номере).

Вторым по важности направлением с 2001-го является так называемый «расширенный Ближний Восток», откуда исходит прямая угроза безопасности Соединенным Штатам. И только на третьем мес-

те (если не дальше) стоят Россия и Европа. Пропорционально перераспределились и интеллектуальные ресурсы американской элиты, что весьма заметно по ограниченному числу энтузиастов, принимающих участие в дискуссии об отношениях Соединенные Штаты — Европейский союз. Не говоря уже об отношениях США — Россия.

Перестав играть в Европе роль стабилизирующего фактора, Вашингтон начинает (когда целенаправленно, а когда и нет) выступать в деструктивном качестве. Такие серьезные решения, как размещение элементов системы противоракетной обороны в Польше и Чехии принимались Вашингтоном с учетом, пожалуй, любых мотивов, кроме укрепления политической стабильности в Европе. То же можно сказать и о настойчивом продвижении проекта по расширению НАТО на Украину, реализация которого не только поставит крест на европейской оборонной идентичности, но и создаст постоянный очаг напряженности между Россией и Евросоюзом.

Судя по заявлениям кандидатов на выборах президента США, нет признаков того, что мир в Евразии станет в ближайшие годы более стабильным. У Европы же не предвидится внешнеполитических и оборонных возможностей, чтобы играть в этой ситуации свою партию. Не видно даже предпосылок для того, чтобы выстроить такую партию в качестве единого целого.

Задача выработки эффективной европейской политики, включая способность ЕС быть ответственным партнером России, сталкивается с непреодолимым препятствием — необходимостью искать компромиссные решения 27 участниками процесса, среди которых нет недостатка в тех, кто сознательно противодействует сближению с Москвой. Поддержание видимости европейской солидарности и единства союза, созданного когда-то западноевропейцами «под себя», заставляет даже Париж и Берлин вести поиск усредненных решений. Как уже почувствовал президент Франции Николя Саркози, сегодня европейская политическая среда, в отличие от времени расцвета интеграции в 1950-х или в 1980-х годах, не способствует продвижению революционных идей.

УСЛОВИЯ БОЛЬШОЙ СДЕЛКИ

Между тем история делается по-настоящему большими идеями и большими сделками. Ведь только большая сделка — энергия в обмен на полноценные общие институты — сможет вывести отношения между Россией и Европой на магистральную дорогу. Создание

нового сообщества, живущего по своим законам, решающего общие для участников проблемы и управляемого собственной бюрократией и лоббистами, обеспечит политическое и экономическое сближение.

Любые другие формы отношений оставят нерешенной главную политическую проблему — отсутствие доверия и негативное взаимное восприятие. Эта проблема усугубляет конкуренцию между Россией и Европой, способствует инструментальному использованию их внешними силами и в конечном итоге препятствует укреплению безопасности на общем пространстве.

Учитывая исторический опыт, можно предположить, что необходимыми условиями для успешного осуществления сделки являются:

- способность партнеров внести в общую копилку сопоставимый материальный вклад;
- наличие общих для участников сделки вызовов трансграничного характера, ответ на которые станет целью проекта. Осознание этого определяет рациональный выбор в пользу объединения и формирует политическую волю;
- общественная поддержка, в первую очередь со стороны экономических игроков. Только расширение базы участия негосударственных игроков может привести Россию и Европу к устранению или хотя бы сглаживанию существенных пока различий в политической, управленческой и социальной культуре.

Несмотря на принятое объяснение европейской интеграции как постепенного процесса, основанного на регулярном техническом сближении, в его основе лежала «большая сделка» — решение стран-основательниц вывести важнейшие рычаги управления основными ресурсами войны (углем и сталью) под частичное управление наднационального органа, находящегося к тому же «в прямом контакте с предприятиями» (по выражению архитектора единой Европы Жана Монне).

Сейчас главным ресурсом, обеспечивающим национальную безопасность, являются нефть и газ. Наименее уязвимым источником ресурсов в силу своего международного и географического положения, а также огромного потенциала остается Россия. И суверенитет над ресурсным достоянием стоит очень дорого.

В отличие от ситуации с Европейским объединением угля и стали, когда каждый участник «шестерки» мог внести равноценный вклад, сегодня Европе практически нечего положить в общую копилку. В странах Европейского союза (за небольшим исключением) нет запасов нефти и газа, совместное управление которыми могло

бы стать предметом компетенции общих с Россией институтов. Нет у Европы и военных ресурсов, пригодных для обеспечения защиты от угроз с Юга и – теоретически – с Востока. Но это не значит, что к Европе следует относиться с высокомерием. Функциональный альянс с ней способен дать очень много.

Во-первых, вкладом Европейского союза может стать механизм коллективной защиты интересов на глобальном рынке и политические рычаги для его применения.

Во-вторых, инвестиционные и технологические возможности европейских компаний по-прежнему оптимальны для России.

И, наконец, **в-третьих**, Европа способна предложить устойчивые, пусть и не всегда совершенные с точки зрения либеральных экономистов, системы управления бизнесом, в том числе и энергетическим. Все эти ресурсы могли бы не только компенсировать российские «потери» в связи с отказом от монополии, но и стать серьезным вкладом в политическую и социальную стабильность от Атлантики до Владивостока. Однако достаточна ли вероятная компенсация для каждого из партнеров?

ПРЕДМЕТ ТОРГА

Скажем откровенно: любая компенсация кажется неравноценной тому (и в России, и в ЕС), кто рассчитывает получить по максимуму просто так. И вопрос лишь в том, когда партнеры осознают, что «просто так» не бывает. А если бывает, то получившийся формат отношений становится минным полем скрытых обид и политической нестабильности.

Нельзя также забывать, что отношения, приносящие максимальные выгоды только одной из сторон, чреватые brutальной ревизией в случае изменения политического режима другой. Примеры Латинской Америки и некоторых стран Ближнего Востока в данном случае весьма убедительны.

В этой связи склонность к «игре с нулевой суммой», которую в последние годы последовательно демонстрируют Россия и Европейский союз, представляется рациональной (и политически выгодной) сейчас, но непродуктивной в долгосрочной перспективе.

Ставка на наращивание своих относительных преимуществ в любом случае основана на обоюдной подозрительности. И здесь на первый план выходит проблема взаимного восприятия, решение которой, пусть и несовершенное, также может быть найдено в анналах новейшей европейской истории. В конце концов, еще живы люди, для которых и

Западная Европа представляла собой не менее анархическое пространство конкуренции, чем мир за пределами Европейского союза сейчас.

Принято считать, и с этим трудно не согласиться, что одним из важнейших препятствий стабильным взаимоотношениям России и Европы является проблема доверия. Россия и государства Евросоюза находятся в состоянии классической «дилеммы заключенного» (выигрыш одного из подельников при условии проигрыша второго. – Ред.). Согласно опросам общественного мнения, большинство жителей стран ЕС опасаются развития истинно двусторонней экономической интеграции с Россией.

Причина такого видения, по всей вероятности, не только в современной политике Российского государства. И уж точно это видение не основано на эмпирическом знании европейских элит и граждан. Страх перед политическим использованием иностранных инвестиций не имеют прецедента. Не было такого опыта и у России. Хотя, согласно опросам, большинство россиян считают, что единственная цель Европы – захватить российские ресурсы.

В основе такого восприятия лежит укоренившееся представление об исторической чуждости, даже враждебности партнера. Национальный опыт в каждом конкретном случае либо смягчает, либо усугубляет подобное понимание, но оно всегда основано на взаимных фобиях. А искоренить их или хотя бы свести к уровню, не мешающему взаимодействию, можно только за долгие десятилетия совместного решения проблем.

Открытым остается, однако, вопрос о том, необходимо ли сторонам изменить восприятие друг друга, прежде чем строить «общий энергетический дом»? И требует ли подобная форма объединения ценностного сближения и правовой унификации?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно беспристрастно взглянуть на отношения внутри «шестерки» стран-основательниц 50 лет назад. Несмотря на максимальную культурную близость стран – наследниц империи Карла Великого, столетия войн и противоборства выработали у жителей Западной Европы стойкое чувство взаимного недоверия. Даже сейчас культурные различия между Севером и Югом Европы, а также между бывшими сюзеренами и вассалами до конца не исчезли. В основе внешней политики абсолютного большинства европейских государств, включая Россию, по отношению друг к другу лежит заметная доля высокомерия. Пошатнуть это высокомерие, пусть пока и не до конца, смогла только трагедия Второй мировой войны.

НОВЫЙ РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР

Большая сделка – стратегический союз России и остальной Европы – осуществима, только если поставлена совместная цель или нужно найти ответ на одинаково важные для обоих партнеров вызовы. Главным вызовом является необходимость серьезной перестройки отношений между государством и бизнесом.

Без нее невозможно решить проблемы Европы и России, которые принято связывать с глобализацией. Это в первую очередь конкурентоспособность товаров на внутреннем и внешнем рынке, легитимность государства и его суверенитет, масштабы и формы государственного вмешательства в экономику для повышения инновационной конкурентоспособности, общественная и национальная безопасность.

Самостоятельные попытки России и стран Европы ответить на эти вызовы уже становятся одним из главных препятствий на пути сближения. Рост государственного вмешательства в деятельность частного сектора и патерналистские тенденции в России, а также укрепление межправительственных форм сотрудничества в Европейском союзе объективно препятствуют поиску общего языка не только на политическом, но и на техническом уровне.

Так, в частности, опасения, которые институт государства в России и Европе испытывает в связи с поиском ответа на общественный запрос относительно регулирования массированных иностранных инвестиций, уже затронули двусторонние отношения. Даже внутри Европы новая для чиновников сфера приложения усилий приводит к абсурдным ситуациям, когда, например, проект о регулировании инвестиций в Германии чуть было не закрыл дорогу свободе передвижения капиталов внутри ЕС. Административные аппараты демонстрируют элементарную неготовность выполнять свои задачи в современных условиях. Отсюда и заявления политиков России и Европы, которые явно выходят за рамки принципов свободной рыночной экономики.

В условиях, когда мир каждый день по-разному опасен, общество склонно поддержать самые рискованные меры по защите от несправедливой конкуренции, а государство мечется между либерализацией и поддержкой «национальных чемпионов», иногда пытаясь делать и то и другое одновременно. Внешние партнеры рассматриваются либо как потенциальные хищники, либо как потенциальная добыча, а в обществе нет понимания того, что партнер находится перед лицом тех же вызовов и должен решать такие же по содержанию, если не по масштабу задачи.

Укрепление суверенитета — политическое явление, о необходимости которого десять лет назад говорили только самые отчаянные антиглобалисты, — стало в наши дни свершившимся фактом. История учит, что период ослабления суверенной хватки государства начинается вслед за чувствительными поражениями на внутреннем или внешнем фронтах. Как это произошло в Западной Европе в 1945–1957-х или в России в 1991–2000 годах.

Очевидно, что последствия суверенных решений, продиктованных исключительно требованиями политического момента, могут не только отдалить на неопределенную перспективу сближение России и Европы. Они способны подточить основу европейской интеграции, остающейся для всего мира примером и образцом мирного и выгодного для всех участников решения проблем в политике и экономике. Так ли необходимо ждать более серьезных последствий?

Именно поэтому деятельность общих институтов России и Европы, если такие будут созданы, должна быть нацелена на совершенствование механизмов государственного управления экономикой. Приведение государственного управления в соответствие с требованиями современного мира, чтобы оно и впредь обеспечивало осуществление главной функции государства — защиту прав индивидуума внутри социума и отражение угроз из-за его пределов.

И в качестве первого, важнейшего этапа — совершенствование управления энергетическим сектором. Начинать нужно именно со сферы, для бесперебойного функционирования которой государство, собственно, и необходимо, — с обеспечения света и тепла в домах избирателей. Тем более что вопрос о цене и доступности энергии сейчас единственный, который по-настоящему интересует граждан и политические круги в России и странах Европейского союза.

Не случайно именно эта проблема стала в последнее время поводом для столкновений в рамках двустороннего политического и экономического диалога. Главный вызов и угрозу добрососедским отношениям между Россией и Европой следует, таким образом, превратить в их стратегическую цель, которой, по признанию большинства наблюдателей, нам не хватает.

МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ

Масштаб вызовов современного мира настолько велик и разносторонен, что как Россия, так и европейские государства объективно нуждаются в помощи со стороны специального модератора. В настоящее

время такового нет. Как нет и международно-правового инструмента, который гарантировал бы взаимоприемлемые правила игры в энергетической сфере. В свое время для этого разрабатывалась Энергетическая хартия, но сейчас очевидно, что в качестве правовой основы энергетического сообщества она рассматриваться не может.

Европейская комиссия, главный исполнительный орган Евросоюза, традиционно выполнявший функции «честного брокера», потеряла за последние годы существенную часть своих возможностей играть конструктивную роль. Причиной тому стали события, связанные с кризисом ЕС в 2005–2007 годах и потребовавшие от Брюсселя одновременно укреплять собственный имидж и защищать самые разнообразные интересы стран – членов Европейского союза.

Несмотря на указанные трудности, на уровне Евросоюза Европейская комиссия выполняет – хотя и с разной степенью успеха – функции модератора. И для Москвы очень важно, смогут ли государства Европы делегировать Брюсселю контролируемые полномочия представлять их интересы в новом совместном институте ЕС – Россия.

На уровне отношений Россия – Европа задача формирования общего энергетического рынка будет решаться эффективнее, если существенная часть совместных усилий будет канализоваться через агентство, совершенно независимое от национальных правительств, – например, Постоянную комиссию по энергетике. Важнейшим элементом работы такой комиссии должно будет стать взаимодействие с компаниями России и Европы.

Остановимся теперь на факторе, способном связать общественный и частный интересы в конструкции долгосрочных и стабильных отношений между Россией и Европой. Таковым является максимально широкое и всеобъемлющее вовлечение в общую среду бизнеса и представителей его интересов.

Инфраструктура представительства частных интересов внутри России и Европейского союза по отдельности достаточно развита уже сейчас. Хотя даже в Европе, как свидетельствует опыт, частные интересы влияют во многом на национальные позиции стран-членов. Представительство интересов на общеевропейском уровне играет скорее вспомогательную роль, несмотря на усилия объединений предпринимателей, а также европейских агентств, которые видят в ассоциациях альтернативный источник информации и экспертизы. И еще не наступило время, когда европейский лоббизм приобретет качество и эффективность лоббизма национального. Что же касается

взаимоотношений России и Евросоюза, то на этом уровне представительству частных интересов и выразителям интересов общественных предстоит пройти еще долгий путь навстречу друг другу.

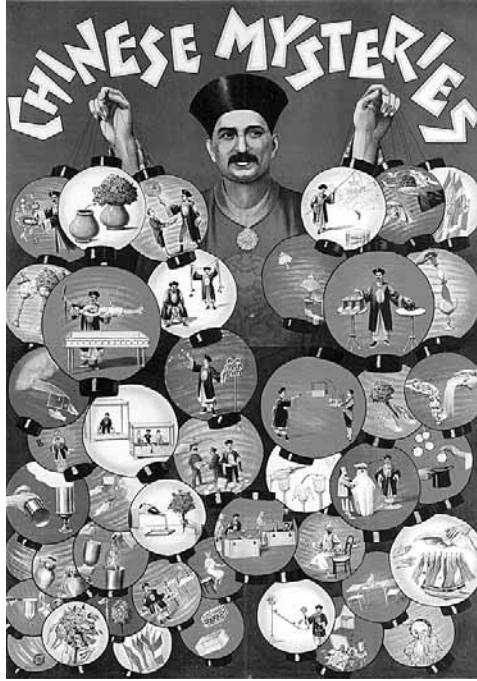
Стратегическая задача заключается в том, чтобы переналадить систему и философию государственного регулирования экономики. Решить ее будет несравнимо проще, если диалог и практическое ежедневное взаимодействие бизнеса и государства будут обеспечиваться на международно-правовом уровне, который гарантирует права и обязанности государства и бизнеса в рамках совместного проекта России и Европы. Такой диалог неминуемо приведет к изменению качества частно-государственных отношений и взаимопонимания на трансграничном уровне. Включая и важнейший аспект, связанный с общественным мнением и взаимным восприятием.

Безусловно, принимаясь за «сбор камней» даже на своем континенте, Россия и Европа должны удостовериться, что не попадут под удар со стороны тех, для кого время разбрасывать камни еще не прошло. Уже сейчас традиционные (а для России новые) союзники действуют в интересах ослабления обоих партнеров и ухудшения отношений между ними.

Вряд ли стоит ожидать изменения позиций США или Китая. Их внешнеполитическое поведение относительно предсказуемо и состоит в укреплении своего могущества вне зависимости от прогнозируемых последствий для других участников международных отношений. Помощи с их стороны Россия и Европа вряд ли дождутся. Разве что только в форме стимула к наращиванию собственной конкурентоспособности, важнейшим инструментом чего могут стать тесная координация и совместная выработка энергетической политики.

Как мы можем видеть, основные препятствия качественному рывку в отношениях Россия — Европа оборачиваются и возможностями. В недавнем разговоре с главой российского представительства одного из германских политических фондов я предложил эквивалентный вариант — полный доступ европейских компаний к российским энергетическим ресурсам в обмен на полноценное членство России в Европейском союзе. Мой собственный ответ, для того, кто прочитал эту статью, очевидней. Мой визави, сильно задумавшись, предложил выпить еще по кружке пива и обсудить вопрос в деталях. Можно и обсудить. Но не надо затягивать.

Третья сила

Китайские загадки. Цирковая афиша. 1926 г.

“ Вашингтону, вероятно, потребуется развивать более тесные рабочие отношения с Пекином, чем с традиционными европейскими союзниками, и стремиться наладить конструктивное взаимодействие с авторитарным политическим режимом, нежели с демократиями. Эти перемены будут означать серьезные вызовы для творцов американской политики и спровоцируют политическое противодействие внутри страны ”

Подъем Китая и будущее Запада	Джон Айкенберри
190	
Партнерство равных	Фред Бергстен
204	
Многополярная гегемония	Александр Ломанов
219	

Подъем Китая и будущее Запада

Выживет ли либеральная система?

Джон Айкенберри

Подъем Китая, несомненно, станет одной из крупнейших драм XXI столетия. Поразительный экономический рост и активная дипломатия Пекина уже преобразуют Восточную Азию, а в предстоящие десятилетия его мощь и влияние будут только возрастать. Но открытым остается пока вопрос, как именно будет разыграна эта драма. Уничтожит ли КНР существующий порядок или станет его частью? Смогут ли Соединенные Штаты по мере подъема Китая сохранить свое положение, и если да, то каким образом?

Некоторые наблюдатели считают, что эра Америки подходит к концу, а на смену миропорядку, ориентированному на Запад, придет система, в которой будет господствовать Восток. Историк Найал Фергюсон пишет, что кровавый XX век стал свидетелем «упадка Запада» и «переориентирования мира» на Восток. Реалисты также отмечают, что по мере того как КНР набирает силу, а позиции США слабеют, с большой вероятностью могут произойти два события: Пекин попытается использовать свое растущее влияние, чтобы реформировать правила и институты международной системы в своих интересах, а другие государства — особенно теряющий силы гегемон — начнут видеть в Китае растущую угрозу своей безопасности. Это приведет к напряженности, недоверию

Джон Айкенберри — профессор политологии и международных отношений (кафедра Альберта Милбэнка) в Принстонском университете и автор книги *«After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars»* («После победы: институты, стратегическое сдерживание и восстановление порядка после крупных войн»). Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 1 (январь — февраль) за 2008 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

и конфликту — явлениям, которыми обычно сопровождается переход власти.

Таким образом, участниками драматических событий станут усиливающийся Китай и слабеющие Соединенные Штаты, которые сойдутся в эпической схватке за установление правил международной системы и лидерство в ней. И поскольку крупнейшая страна мира возникает не внутри, а вне установившейся после Второй мировой войны международной системы, эта драма завершится подавляющим доминированием КНР и формированием мирового порядка с центром в Азии.

Однако такое развитие событий не является неизбежным. Подъем Пекина не обязательно должен повлечь за собой болезненную смену мирового лидера. Переход власти от США к Китаю может значительно отличаться от подобных ситуаций в прошлом, потому что КНР имеет дело с международным порядком, фундаментально отличным от того, с которым сталкивались страны, переживавшие подъем в прежние времена. Китай находится перед лицом не только Соединенных Штатов, но и всей западно-центричной системы — открытой, интегрированной, основанной на определенных правилах и обладающей прочным политическим фундаментом. Кроме того, ядерная революция сделала маловероятной войну между великими державами. Она устранила основной инструмент, который использовался для свержения международных систем, защищаемых слабыми государствами-гегемонами. Короче, сегодняшний западный порядок трудно разрушить, но к нему легко присоединиться.

Этот необычно прочный и всеобъемлющий порядок является продуктом дальновидного лидерства США. После Второй мировой войны Соединенные Штаты не просто заняли положение ведущей мировой державы. Они возглавили процесс создания универсальных институтов, которые не только были открыты для глобального членства, но и сблизили демократические общества и рыночные экономики. Американцы создали систему, которая облегчала партнерство и интеграцию как признанных великих держав, так и стран, недавно получивших независимость. (Часто забывают, что послевоенный порядок был спроектирован в значительной степени для того, чтобы вновь объединить в единую международную систему побежденные державы «оси» и страны «союзников».) Сегодня Пекин может получить полный доступ к этой системе и процветать в ее рамках. И если он так поступит, то его

мощь возрастет, однако западный порядок — при правильном управлении — сохранится.

Перед лицом растущего Китая Соединенные Штаты должны помнить: будучи лидером западного мира, они имеют возможность формировать среду, в которой КНР придется принимать ключевые стратегические решения. Если Вашингтон хочет сохранить лидерство, он должен работать над совершенствованием правил и укреплением институтов, на которых держится этот порядок, чтобы присоединиться к нему было проще, чем его уничтожить. Стратегия США должна строиться под лозунгом: «Путь на Восток лежит через Запад». Следует укоренить существующий порядок как можно глубже, предлагая Китаю более значительные стимулы для интеграции, чем для оппозиции, и повышая таким образом шансы на то, что система выживет даже после того, как относительная мощь Соединенных Штатов ослабеет.

«Однополярный момент» США неизбежно закончится. Если решающая борьба в XXI столетии развернется между Пекином и Вашингтоном, у Китая будет преимущество. Если борьба будет вестись между КНР и возрожденной западной системой, победит Запад.

ТРЕВОГИ ПЕРЕХОДА

Китай значительно продвинулся на пути к превращению в мощную глобальную державу. С начала рыночных реформ в конце 1970-х объем экономики увеличился вчетверо и, по некоторым оценкам, удвоится за предстоящее десятилетие. Страна превратилась в один из крупнейших центров производства и потребляет примерно треть мировых поставок чугуна, стали и угля. Запасы иностранной валюты на конец 2006 года превышали 1 трлн долларов. Военные расходы растут на 18 % в год с поправкой на инфляцию, а китайская дипломатия вовлекает в свою сферу уже не только Азию, но и Африку, Латинскую Америку и Ближний Восток. И действительно, в то время как Советский Союз противостоял Соединенным Штатам только в военной области, Китай превращается и в военного, и в экономического соперника, что предвещает глубокий сдвиг в распределении влияния в мире.

Переход власти — это проблема, которая постоянно возникает в международных отношениях. По мнению таких ученых, как Пол Кеннеди и Роберт Джилпин, мировая политика характеризуется последовательной сменой держав, которые одна за другой переживают подъем и берут на себя организацию международной системы. Мощ-

ное государство способно создать и навязать другим правила и институты стабильного глобального порядка, в рамках которого оно преследует свои интересы и обеспечивает безопасность. Но ничто не вечно: долгосрочные изменения в распределении власти приводят к подъему новых держав, начинающих борьбу за свои условия развития международного порядка. Восходящие государства хотят трансформировать свою обретенную мощь и рост влияния на международную систему в преобразование ее правил и институтов согласно собственным интересам. Государства, переживающие упадок, в свою очередь страшатся утратить контроль и тревожатся по поводу того, как их ослабление отразится на безопасности.

Такие моменты потенциально опасны. Когда государство занимает доминирующее положение в международной системе, ни у него, ни у более слабых стран нет стимулов для смены действующего порядка. Но когда мощь государства-претендента растет, а влияние государства-лидера слабеет, это ведет к стратегическому соперничеству и создает вероятность конфликта, ведущего, возможно, к войне. Наиболее ярким примером опасности перехода власти является Германия в конце XIX века. В 1870-м Великобритания втрое превосходила Германию по экономическим показателям и была значительно сильнее также и с военной точки зрения. К 1903 году Германия вырвалась вперед и в экономическом, и в военном отношении. По мере ее объединения и подъема росли неудовлетворенность Германии своим положением и ее требования, а другие ведущие державы Европы все чаще видели в ней конкурента. Началось соперничество в сфере безопасности. В последовавших стратегических перегруппировках Франция, Россия и Великобритания, бывшие в прошлом врагами, сплотились для противостояния Германии. Результатом стала война в Европе.

Многие наблюдатели видят аналогичную динамику в отношениях между Вашингтоном и Пекином. «Если впечатляющий экономический рост Китая продолжится еще несколько десятилетий, — считает ученый-реалист Джон Миршеймер, — вероятно, что Соединенные Штаты и Китай вступят в напряженную конкуренцию за безопасность, способную с большой вероятностью привести к войне».

Но не всякий переход власти ведет к войне или уничтожению прежнего порядка. В первые десятилетия XX века Великобритания уступила США лидерство без крупного конфликта и даже без трещины в отношениях. В конце 1940-х экономика Японии составля-

ла 5 % ВВП Соединенных Штатов, а к началу 1990-х годов этот показатель превысил 60 % ВВП США, однако Япония никогда не бросала вызов действующей международной системе.

Очевидно, имеются разные типы перехода власти. Одни государства испытывали драматический рост своей экономической и геополитической мощи и при этом приспосабливались к существующему порядку. Другие стремились изменить его. В одних случаях происходил распад старого порядка и начиналось выстраивание новой международной иерархии. В иных дело ограничивалось корректировками в региональной и глобальной системах.

Процесс перехода власти зависит от многих факторов. Важнейшую роль играют природа режима восходящего государства и степень его неудовлетворенности старым порядком: в конце XIX столетия Соединенные Штаты, либеральная страна, отделенная от Европы океаном, оказались более способны принять британоцентричный мировой порядок, чем Германия. Но еще более важен характер самого международного порядка, поскольку именно от этого зависит выбор восходящего государства между вызовом существующей системе и интеграцией в нее.

ОТКРЫТЫЙ ПОРЯДОК

Послевоенное западное мироустройство было исторически уникальным. Любая международная система, в которой доминирует мощное государство, основана на комбинации принуждения и согласия, но порядок, поддерживаемый США, является скорее либеральным, чем имперским, и тем самым необычайно доступным, легитимным и прочным. Его правила и институты укоренены в развивающихся глобальных силах демократии и капитализма и подкрепляются ими. Этот порядок ориентирован на расширение, отличается широким спектром участников и заинтересованных сторон. Он способен порождать колоссальный экономический рост и мощь, стимулируя при этом сдержанность, и за счет этого его трудно разрушить, но к нему легко присоединиться.

Явным намерением архитекторов западного порядка в 1940-е было создание системы, ориентированной на интеграцию и расширение. До того, как холодная война разделила мир на два конкурирующих лагеря, Франклин Рузвельт стремился создать всемирную систему под управлением сотрудничающих великих держав, которые бы восстановили опустошенную войной Европу, интегрирова-

ли побежденные государства, заложили фундамент для сотрудничества в сфере безопасности и обеспечения экономического роста. Именно Рузвельт, несмотря на оппозицию Уинстона Черчилля, настоял на том, чтобы Китай был включен в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Тогдашний посол Австралии в США записал в своем дневнике после первой встречи с Рузвельтом во время войны: «Он сказал, что много раз обсуждал с Уинстоном Китай и ему кажется, что по этому вопросу Уинстон отстал лет на 40, он (Черчилль. — **Ред.**) постоянно называл китайцев “чинками” и “китаёзами”, и что ему кажется, что это очень опасно. Он (Рузвельт. — **Ред.**) хотел сохранить дружбу с Китаем, потому что лет через 40–50 Китай легко может стать самой мощной военной державой».

В течение следующего пятидесятилетия Соединенные Штаты успешно использовали построенную ими систему правил и институтов. Западную Германию привязали к ее демократическим западноевропейским соседям через Европейское объединение угля и стали (а затем через Европейское экономическое сообщество), а к США — через Атлантический договор о безопасности. Япония была привязана к Соединенным Штатам через союзническое партнерство и расширяющиеся экономические связи. Бреттон-Вудская конференция в 1944 году установила валютные и торговые правила, которые обеспечили открытость и последующее процветание мировой экономики — поразительное достижение, учитывая опустошение, причиненное войной, и конкуренцию великих держав. Дополнительные соглашения между Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией закрепили открытый и многосторонний характер послевоенной мировой экономики. После начала холодной войны план Маршалла для Европы и Договор безопасности в 1951-м между США и Японией еще глубже интегрировали побежденные державы «оси» в западный порядок.

В последние дни холодной войны эта система вновь доказала свою эффективность. Когда начался упадок Советского Союза, западный мир предложил набор правил и институтов, которые, с одной стороны, успокоили советских лидеров, а с другой — открыли им доступ к системе, поощряя, по сути, их к тому, чтобы стать ее частью. Более того, совместная работа Америки и Европы обеспечила адаптацию СССР. В то время как администрация Рональда Рейгана проводила жесткую политику по отношению к Москве, европейцы стре-

мились к разрядке и вовлечению Советского Союза в диалог. За каждым жестким «нажимом» следовало мягкое «притяжение», что позволяло Михаилу Горбачёву осуществлять реформы, чреватые высокой степенью риска. А тот факт, что объединенная Германия будет включена в европейские и атлантические институты, а не станет независимой великой державой, помог убедить Горбачёва, что ни у Германии в том, ни у Запада нет враждебных намерений.

После холодной войны западная система сумела справиться с интеграцией стран новой волны – на сей раз из бывшего коммунистического мира. Эти особенности западного порядка играли важнейшую роль для его триумфа и долговечности.

Во-первых, в отличие от имперских систем прошлого, западный мир исключает дискриминацию. Он базируется на правилах и нормах открытого рынка и создает условия, при которых находящиеся на подъеме страны способны расширять экономику и преследовать свои политические цели в его рамках. Существовавшие в истории международные порядки значительно отличались друг от друга с точки зрения того, доставались ли порождаемые ими материальные выгоды в основном государству-лидеру или же делились между несколькими государствами. В западной системе существуют низкие барьеры для экономического участия и значительные потенциальные выгоды. Для Китая уже стало очевидным, что, действуя в рамках этой открытой рыночной системы, можно получить колоссальную экономическую выгоду.

Во-вторых, в основе существующего ныне порядка лежит коалиционное руководство. При прошлых системах, как правило, доминировало одно государство. Сегодня в число заинтересованных сторон, поддерживающих западный порядок, входит коалиция держав, группирующихся вокруг Соединенных Штатов, а это – важное отличие. Ведущие государства, в большинстве своем развитые демократии, не всегда достигают согласия, но они вовлечены в непрерывный процесс взаимных уступок в сфере экономики, политики и безопасности. Обычно переход власти разыгрывается между двумя странами – государством, находящимся на подъеме и гегемоном, переживающим период упадка, но как только равновесие сил меняется, порядок рушится. Ныне же крупная группировка демократических капиталистических государств (и накопленная ими в результате суммарная геополитическая мощь) сдвигает равновесие в пользу сохранения статус-кво.

В-третьих, послевоенный западный порядок обладает необычайно насыщенным, многосторонним и широко признанным сводом правил и институтов. Несмотря на все недостатки, эта система более открыта и функционирует по определенным правилам, чем любой предыдущий порядок. Суверенность государств и верховенство закона — это не просто нормы, закрепленные в Уставе ООН. Они являются частью глубинной движущей логики действующего порядка. Конечно, эти нормы развиваются и меняются, и сами США исторически неоднозначно относились к тому, чтобы связывать себя международным правом и институтами — сегодня больше, чем когда-либо. Но в целом система насыщена многосторонними правилами и институтами — глобальными и региональными, относящимися к экономике, политике и безопасности. Они являются одним из великих прорывов послевоенной эпохи. Они заложили основы для беспрецедентного уровня сотрудничества и совместного правления в глобальной системе.

Стимулы для интеграции Китая в либеральный мировой порядок подкрепляются также меняющейся природой глобальной экономической среды и особенно новым уровнем взаимозависимости, который диктуют технологии. Наиболее дальновидные китайские лидеры понимают, что глобализация изменила условия игры и их страна нуждается в сильных и преуспевающих партнерах во всем мире. С точки зрения Вашингтона, здоровая китайская экономика жизненно важна и для Соединенных Штатов, и для остального мира. Технологии и глобальная экономическая революция породили логику экономических отношений, которая отлична от прошлого, и сделали еще более мощной политическую и институциональную логику действующего порядка.

АДАПТАЦИЯ ПОДЪЕМА

Самым важным преимуществом становится сегодня замечательная способность западного порядка адаптировать к себе державы, находящиеся на подъеме. Для новых участников системы существуют пути повышения статуса и власти, а также — возможности принять участие в управлении. Тот факт, что США, КНР и другие великие державы обладают ядерным оружием, тоже ограничивает способность восходящей державы к ликвидации действующего порядка. В век ядерного сдерживания война между великими державами, к счастью, перестала быть механизмом исторических перемен. Перемены, порождаемые войной, упразднены как исторический процесс.

Сильная правовая и институциональная база западного порядка облегчает интеграцию Китая. Сначала Пекин принял некоторые правила и институты в целях обороны: защищая свой суверенитет и экономические интересы и одновременно стремясь заверить другие государства в мирном характере своих намерений, он вступил в региональные и глобальные объединения. Но, как утверждает Марк Лантень, «от других государств и вообще от предыдущих глобальных держав Китай отличается тем, что он не только “растет” в среде гораздо более развитых, чем раньше, международных институтов, но и, что еще важнее, при этом активно использует эти институты для закрепления своего статуса глобальной державы». Короче, КНР все больше работает внутри, а не за пределами западного порядка.

Китай уже является постоянным членом Совета Безопасности ООН, что стало результатом решимости Франклина Рузвельта создать универсальный орган на основе лидерства непохожих друг на друга великих держав. Это дает Пекину ту же власть и преимущества «великодержавной исключительности», что и другим постоянным членам. Существующая система глобальной торговли тоже представляет для КНР ценность, и эта ценность растет. Китайские экономические интересы вполне согласуются с нынешней глобальной экономической системой. Ее отличают открытость и нежесткая регламентация, с энтузиазмом воспринятая Китаем, и внутри этой системы он пышно расцвел.

Мощь сегодня в конечном счете базируется на устойчивом экономическом росте, и Пекин хорошо понимает, что ни одно крупное государство не сможет модернизироваться без интеграции в глобализованную капиталистическую систему. Если страна хочет быть мировой державой, ей придется присоединиться к Всемирной торговой организации (ВТО). Путь к глобальной мощи, по сути, лежит через западный порядок и его многосторонние экономические институты.

Китаю нужен не только дальнейший доступ к глобальной капиталистической системе. Он хочет также получать защиту, которую обеспечивают правила и институты этой системы. Например, принципы многосторонней торговли и механизмы разрешения споров в ВТО предлагают КНР инструменты защиты от дискриминации и протекционизма, с которыми часто сталкиваются восходящие экономические державы. Эволюция китайской политики заставляет предполагать, что лидеры страны признают эти преимущества. Растущая приверженность Пекина либерализации экономики ведет к

увеличению объемов иностранных инвестиций и товарооборота, а Китай все больше принимает правила глобальной торговли.

Вполне возможно, что когда КНР станет активным приверженцем ВТО, поддержка этой организации более зрелыми экономикami Запада уменьшится. Но более вероятно, что как восходящие, так и слабеющие страны найдут ценность в квазиправовых механизмах, которые позволяют им разрешать или, по крайней мере, рассеивать конфликты.

Кроме того, существующие международные экономические институты предлагают новым державам возможности для возвышения в рамках их иерархий. Участие в управлении Международным валютным фондом и Всемирным банком базируется на экономических долях, и растущие страны могут увеличить число своих голосов. Конечно, процесс адаптации идет медленно. Соединенные Штаты и Европа все еще доминируют в МВФ. Доля голосов Вашингтона равна 17 % (снизившись с 30 %) – это контрольный пакет, поскольку для одобрения любого решения необходимо 85 % голосов. А Европейскому союзу принадлежит решающее слово в назначении десяти из 24 членов правления. Но растущее давление (в частности – потребность в ресурсах и необходимость сохранять влияние самих институтов), весьма вероятно, побудит западные государства допустить Китай в узкий круг руководства этими экономическими структурами.

Акционеры МВФ, например, считают, что повышение роли развивающихся стран необходимо для обновления этого института и преодоления переживаемого им кризиса цели. На проходившей в рамках МВФ встрече в Сингапуре в сентябре 2006-го они договорились о реформах, в результате которых Китай, Мексика, Южная Корея и Турция получают больше голосов.

По мере того как КНР избавляется от статуса развивающейся страны (и тем самым – клиента этих институтов), растет ее способность стать донором и акционером. Руководство в данных организациях – это не просто отражение объема экономики (Соединенные Штаты сохранили голосующую долю в МВФ, несмотря на снижение экономического веса). Но тем не менее постепенное продвижение вверх внутри этих структур откроет для Китая значительные возможности.

ПЕРЕХОД ВЛАСТИ И МИРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Если смотреть на подъем Китая в таком свете, то он не обязательно должен привести к жарким схваткам с Соединенными Штатами

за глобальные правила и лидерство. Западный порядок дает возможность превратить грядущий переход власти в мирные перемены на благоприятных для США условиях. Но так случится, только если Соединенные Штаты укрепят существующую систему. Сегодня Вашингтон поглощен борьбой с терроризмом и войной на Ближнем Востоке, и может показаться, что задача воссоздания западных правил и институтов вытеснена на периферию. Многие чиновники администрации Буша с открытой враждебностью относятся к многосторонней и основанной на правилах системе, которую в свое время сформировали и возглавили США.

Такая враждебность глупа и опасна. Китай станет сильным государством. Его подъем уже начался, и самым важным стратегическим оружием Соединенных Штатов является способность решать, какого рода международный порядок будет подготовлен для приема Китая.

США должны снова инвестировать в западный порядок, укрепив те его аспекты, которые стимулируют вовлечение, интеграцию и сдержанность. Чем прочнее этот порядок объединяет капиталистические демократические государства в глубоко укорененные институты, чем больше он основан на открытости, согласии и правилах и чем шире распределяются его выгоды, тем более вероятно, что поднимающиеся державы смогут и станут обеспечивать свои интересы путем интеграции и адаптации, а не путем войны. И если западная система предложит правила и институты, которые будут выгодны широкому спектру государств — и на подъеме, и на спаде, и слабым, и сильным, и новым, и зрелым, — ее господство в качестве международного порядка практически обеспечено.

Первое, что должны сделать Соединенные Штаты, — снова стать главным сторонником глобальной системы управления, лежащей в основе западного порядка.

Прежде всего это будет содействовать коллективному решению проблем, что идет на пользу всем странам. В то же время, когда другие государства увидят, что США используют свою мощь для укрепления существующих правил и институтов, это повысит легитимность и упрочит влияние Соединенных Штатов. Страны в рамках западной системы станут более склонны сотрудничать с США, чем сопротивляться их власти, что укрепит центральное положение и доминирование самого Запада.

Обновление западных правил и институтов потребует среди прочего модернизации прежних договоренностей, лежащих в основе

ключевых послевоенных соглашений по безопасности. Стратегическое взаимопонимание, на котором строятся и НАТО, и альянсы Вашингтона в Восточной Азии, предусматривает, что Соединенные Штаты будут работать со своими союзниками над обеспечением безопасности и принимать вместе с ними решения об использовании силы. А те в свою очередь будут действовать в рамках западного порядка, возглавляемого США.

Сотрудничество в сфере безопасности на Западе сегодня остается широким, но поскольку основные угрозы менее очевидны, чем в период холодной войны, то задачи и сфера ответственности указанных альянсов стали предметом споров. В связи с этим Соединенным Штатам необходимо заново утвердить политическую ценность данных союзов, признав, что они являются частью более широкой институциональной архитектуры Запада, которая позволяет государствам взаимодействовать.

США должны также возобновить поддержку широкомасштабных многосторонних институтов. В экономике это деятельность на основе соглашений и структуры ВТО, в том числе усилия по завершению текущего Дохийского раунда торговых переговоров. Его цель — распространение рыночных возможностей и либерализации торговли на развивающиеся страны. ВТО находится на критическом этапе. Отказ от дискриминации как базовый стандарт организации подвергается риску в связи с огромным числом двусторонних и региональных торговых соглашений. Одновременно растут сомнения в том, сможет ли ВТО либерализовать торговлю, особенно в сфере сельского хозяйства, которая принесет выгоду развивающимся странам. Эти вопросы могут показаться узкими, но на карту поставлен фундаментальный характер либерального международного порядка — его приверженность универсальным правилам открытости, за счет которых приобретаемые выгоды широко распространяются.

Аналогичные сомнения преследуют целый ряд других многосторонних соглашений — в том числе о глобальном потеплении и о нераспространении ядерного оружия, — и они тоже требуют возобновления лидерства Соединенных Штатов.

Стратегия здесь состоит не просто в обеспечении открытости западного порядка и его функционировании по определенным правилам. Она еще и в том, чтобы удостовериться, что порядок не распадется на набор двусторонних договоренностей или договоренностей с несколькими сторонами, в результате чего США окажутся связаны

только с несколькими ключевыми государствами в различных регионах. При подобном сценарии Китай получит возможность составить собственный набор двусторонних и «малосторонних» пактов. В результате мир окажется разделенным на соперничающие американскую и китайскую сферы. Чем больше отношений в области безопасности и экономики являются многосторонними и всеобъемлющими, тем прочнее внутренняя устойчивость глобальной системы.

Кроме поддержания открытости и долговечности порядка, США должны удвоить усилия по интеграции развивающихся стран, переживающих подъем, в глобальные институты. Привлечение новых государств к управлению международным порядком вдохнет в него новую жизнь. Соединенные Штаты и Европа должны найти место за столом не только для Китая, но и для таких стран, как Бразилия, Индия и Южная Африка. В докладе *Goldman Sachs* о так называемых странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) отмечалось, что к 2050 году суммарный объем экономики этих государств превысит суммарные показатели стран, входивших в «Большую шестерку» (Великобритания, Германия, Италия, Соединенные Штаты, Франция, Япония). Каждый международный институт представляет собственные вызовы. Труднее всего, вероятно, иметь дело с Советом Безопасности ООН, но его реформирование принесет и самую высокую прибыль. Менее формальные организации — так называемая «Большая двадцатка» и другие межправительственные объединения — могут предоставить альтернативные площадки для выражения мнений и заявлений.

ТРИУМФ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Главное, о чем должны помнить американские лидеры, — это то, что Китай способен победить отдельно взятые Соединенные Штаты, но куда менее вероятно, что он когда-либо сможет одолеть западный мир. Например, в экономике КНР обгонит США и станет крупнейшим государством в глобальной системе примерно к 2020 году. (Благодаря численности населения Китаю для превращения в самую крупную экономику в мире достаточно достичь уровня производства на душу населения, равного лишь одной пятой уровня Соединенных Штатов.) Но если взять экономический потенциал всей западной системы, экономический прогресс Пекина покажется куда менее значительным и китайская экономика еще очень долго будет сильно уступать суммарной экономике стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В еще большей степени это относится к военной мощи. КНР не приходится даже надеяться в скором времени приблизиться к общим военным расходам ОЭСР. Капиталистический демократический мир — это мощная группировка, позволяющая сохранить (а на самом деле даже расширить) действующий миропорядок. Если Китай намеревается подняться и бросить вызов существующей системе, то перед ним стоит куда более устрашающая задача, чем противостояние только Соединенным Штатам.

«Однополярный момент» в конце концов минует. Доминирование США, в конечном счете завершится. А потому, вырабатывая большую стратегию, Соединенные Штаты должны дать ответ на ключевой вопрос: какого рода международный порядок они хотели бы увидеть к тому времени, когда станут менее сильными?

Это можно назвать неороулсианским вопросом нашего времени. Политический философ Джон Роулз утверждал, что политические институты надо продумывать под «вуалью неведения». То есть создатели должны действовать так, как будто им не известно, какое место эти институты займут в социоэкономической структуре. В результате возникнет система, которая будет защищать интересы человека независимо от того, богат он или беден, слаб или силен. Соединенным Штатам сегодня необходимо применить к своему лидерству в международном порядке именно такой подход. Они должны создать институты и сформулировать правила, которые защитят их интересы независимо от того, какое место они занимают в иерархии и как именно будет распределяться власть через 10, 50 либо 100 лет.

К счастью, такой порядок уже существует. Сейчас задача состоит в следующем: настолько расширить и институционализировать его, чтобы у КНР не осталось другого выбора, кроме как стать его полноценным участником. Соединенные Штаты не могут помешать подъему Китая, но они могут содействовать тому, чтобы его мощь применялась в рамках тех правил и институтов, которые США с партнерами выработали и создали за последнее столетие и которые могут защитить интересы всех государств в более переполненном мире будущего. Глобальное положение Соединенных Штатов может ослабеть, но международная система, лидером которой они являются, способна остаться доминирующей в XXI веке.

Партнерство равных

Как Вашингтону ответить на экономический вызов Китая

Фред Бергстен

Чтобы стать экономической сверхдержавой, страна должна отличаться внушительными размерами, динамикой, быть интегрированной в мировую экономику и оказывать на нее значительное воздействие. В настоящее время этим критериям отвечают три политических образования: Соединенные Штаты, Европейский союз и Китай. Одной из главных проблем грядущих десятилетий станет необходимость убедить КНР взять на себя роль надежной опоры мировой экономики (каковыми являются две другие сверхдержавы), особенно если учесть, что на данный момент Пекин в этом не заинтересован.

Соединенные Штаты остаются крупнейшей национальной экономикой мира, выпускающей основную резервную валюту и являющейся главным источником и получателем зарубежных инвестиций. ЕС в настоящее время представляет собой еще более крупную экономику с более внушительным внешнеторговым оборотом, да и евро все успешнее конкурирует с долларом за право считаться главной резервной валютой мира. Китай — новый член клуба сверхдержав, который пока уступает двум другим, но растет гораздо быстрее и глубже интегрирован в мировую экономику. Стремительный рост китайской экономики оказывает все более заметное влияние на остальной мир.

Фред Бергстен — директор Института международной экономики им. Петерсона. Данный очерк представляет собой краткое изложение книги «Усиление Китая: вызовы и возможности», написанной им в соавторстве с другими экспертами. Этот труд готовят к печати институт, возглавляемый Бергстеном и Центр стратегических и международных исследований. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2008 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

В данном контексте Китай часто упоминают наряду с Индией, однако индийский ВВП составляет менее половины китайского. Ежегодный прирост торгового оборота КНР превышает совокупный годовой торговый оборот Индии, и в обозримом будущем Пекин намного превзойдет своего азиатского соседа по экономическим показателям.

Китай бросает мировому сообществу уникальный вызов, несмотря на то, что его пока еще можно отнести к бедным авторитарным государствам со слабо развитыми рыночными механизмами. Указанные три особенности уменьшают вероятность того, что КНР с легкостью примет на себя тот груз ответственности, к которому в идеале обязывает статус сверхдержавы. Таким образом, интеграция этой страны в мировую экономику будет протекать гораздо труднее, чем, скажем, Японии поколением раньше. США и Евросоюз хотели бы видеть Китай интегрированным в мировой порядок, который они выстраивали и отстаивали в течение нескольких последних десятилетий. Однако становится все более очевидно, что Пекин преследует совсем другие цели. Во многих областях он осуществляет стратегии, которые противоречат принятым нормам, правилам и институциональной архитектуре.

Некоторые не придают этому большого значения, считая, что могущественный новичок в клубе сверхдержав просто не желает связывать себе руки, избегая ответственности за состояние мировой экономики. Он, мол, хитроумно использует лазейки в существующих международных правилах и слабый контроль над их соблюдением, следуя своим национальным интересам. В конце концов, говорят они, Соединенные Штаты и Европейский союз в некоторых случаях поступают так же, равно как и другие крупные развивающиеся экономики.

Конечно, нет никаких указаний на то, что вызов, который Китай бросает существующему экономическому порядку, — результат последовательной и всеобъемлющей стратегии, измышляемой политическим либо интеллектуальным руководством страны. Призывы Пекина создать «новый международный экономический порядок» и все разговоры о приходе «Пекинского консенсуса» на смену так называемому «Вашингтонскому консенсусу» не следует расценивать как пересмотр статус-кво или вызов нынешнему мировому порядку.

Тем не менее ситуация не может не вызывать беспокойство. А между тем, учитывая статус могущественного новобранца, которому выгоден эффективный экономический порядок, КНР, по сути, кров-

но заинтересована в успешном функционировании международных институтов и соблюдении действующих правил. В интересах Китая укреплять мировой порядок, будь то в его нынешнем виде либо в альтернативном варианте, который ему больше по вкусу.

Но упрямство Пекина, похоже, с годами только усиливается, а не ослабевает. В самом начале экономических реформ, в конце 1970-х, Китай жаждал вступить в Международный валютный фонд (заменив в нем Тайвань), а также во Всемирный банк. Впоследствии это сыграло важную и, по-видимому, положительную роль в успешном развитии китайской экономики. Пекин не только выдержал длительные переговоры и выполнил постоянно расширявшийся перечень требований ради вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО), но и использовал ее рыночные правила, чтобы преодолеть внутреннее сопротивление реформе со стороны консервативных политиков.

Однако настрой любой страны нередко кардинально меняется с изменением обстоятельств. Например, Россия просила мировое сообщество о помощи и поддержке после дефолта в 1998 году и в связи с падением мировых цен на нефть ниже 20 долларов за баррель. Однако теперь, когда мировые цены на нефть перевалили за 100 долларов за баррель и российская экономика растет как на дрожжах, Москва активно требует для себя восстановления статуса великой державы. Похоже, КНР претерпевает похожую эволюцию, хотя китайское руководство ведет себя куда осторожнее, предпочитая усиливать свое влияние постепенно. Кроме того, Китай, как и Соединенные Штаты и многие другие страны, сталкивается с противодействием глобализации внутри государства. Однако внутривнутриполитическая ситуация должна кардинально измениться, даже если для этого потребуются фундаментальная реконструкция международной экономической архитектуры.

ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО БЛОКА?

В торговле КНР играет в лучшем случае пассивную, а в худшем разрушительную роль. Она даже не пытается скрыть, что отдает предпочтение низкопробным и политически мотивированным торговым сделкам двустороннего и регионального характера, вместо того чтобы стремиться к экономически осмысленной (и ответственной) многосторонней либерализации через посредство ВТО. Для круп-

нейшей и второй по экспорту страны в мире, обладающей активным платежным балансом, такая позиция равносильна сразу двум серьезным вызовам существующему мировому порядку.

Во-первых, своим отказом внести позитивный вклад в международный раунд торговых переговоров в Дохе Китай обрекает его на провал. Пекин заявил, что не собирается брать на себя никаких обязательств по либерализации торговли, придумав в свое оправдание новую категорию членства стран в ВТО — «недавно присоединившиеся». Подобная позиция крупной торговой державы — это то же самое, что полная безучастность, и она фактически предопределила тупиковую ситуацию на переговорах в Дохе. Поскольку же мировая торговля не стоит на месте, а все время движется вперед или назад, неудача раунда переговоров в Дохе повлечет за собой серьезные последствия: прежде всего это первый провал крупных многосторонних торговых переговоров в послевоенный период, ставящий под угрозу всю систему ВТО.

Конечно, Китай не единственный виновник драмы, разыгравшейся в Дохе. США и ЕС продемонстрировали неготовность отказаться от политики сельскохозяйственного протекционизма; некоторые крупные развивающиеся экономики не пожелали в полной мере открывать свои рынки, а бедные страны не захотели вносить вклад в реформу мировой торговли. Однако КНР, которая зависит от устранения торговых барьеров гораздо больше, чем кто-либо, являет пример наиболее резкого контраста между своими объективными интересами и проводимой политикой. Из всех крупных игроков вряд ли кто-то ведет себя более непоследовательно.

Во-вторых, стремление Китая заключать двусторонние и региональные торговые соглашения с соседними странами — это больше политика, чем экономика. Например, Соглашение о свободной торговле с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) охватывает лишь малую толику торговли Китая с соответствующими странами; речь идет о попытке успокоить их страхи быть «потопленными» большим соседом. Соединенные Штаты и другие крупные торговые державы порой тоже руководствуются политическими соображениями при выборе торговых партнеров. Но при этом они настаивают на экономических стандартах, по большей части соответствующих правилам ВТО. Китай может и дальше на практике игнорировать эти правила, объявляя себя «развивающейся страной» и извлекая выгоду из принципа «особого и дифференцированного

подхода». Но использование подобных лазеек одним из крупнейших участников мировой торговли в значительной степени провоцирует международные диспропорции.

Китай наносит ущерб мировому рынку и тем, что поддерживает идею образования аморфного, но достаточно мощного азиатского торгового блока. Серия региональных соглашений, начавшаяся с подписания договора между КНР и АСЕАН, постоянно расширяется, включая всевозможные комбинации вроде договоров между Японией и АСЕАН, Южной Кореей и АСЕАН. Это и различные двусторонние партнерства, включая китайско-индийское сотрудничество, договоренность в формате 10+3, которая связывает государства – члены АСЕАН с тремя странами Северо-Восточной Азии, и возможное соглашение в формате 10+6, согласно которому к договору присоединятся также Австралия, Индия и Новая Зеландия. Вполне вероятно, что вся эта деятельность приведет к созданию в ближайшие десять лет зоны свободной торговли в Восточной Азии под эгидой Китая.

Подобное региональное объединение почти наверняка вызовет резкую критику со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза, а также многочисленных развивающихся стран из-за ущемления их национальных интересов. Что еще важнее, это приведет к созданию трехполюсной мировой экономики, способной подорвать существующую глобальную архитектуру торговых соглашений и многостороннее сотрудничество.

И уж совсем открыто Китай бросает вызов всемирной торговой системе, противодействуя предложению США создать зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которое было озвучено на форуме Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 2006 году.

Инициатива АТЭС, с воодушевлением воспринятая рядом стран с менее развитой экономикой, входящих в эту группу и стремящихся предотвратить конфликт между двумя сверхдержавами, направлена против возможной конфронтации между чисто азиатским торговым блоком и Соединенными Штатами. Такой конфликт способен расколоть Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Данная инициатива в конечном итоге будет способствовать укреплению многих преференциальных режимов в АТР, а также разработке экономического значимого «Плана Б» по широкомасштабной либерализации торговли, если раунд переговоров ВТО в Дохе потерпит окончательное

фиаско. КНР возглавила оппозицию этой идее, демонстрируя свою приверженность двусторонним сделкам с минимальным экономическим содержанием и отсутствие заинтересованности в попытках отстоять более широкий торговый порядок.

МВФ НА СВАЛКУ ИСТОРИИ?

Вызов Китая международной финансовой системе не менее серьезен. Он оказался единственной из крупных экономик мира, которая отказалась следовать политике гибкого валютного курса, позволяющей скорректировать платежный баланс и избежать разрастания дисбаланса. По правилам МВФ Китай имеет право поддерживать свой валютный курс на фиксированном уровне, но не вправе совершать массированные интервенции на валютном рынке, как он это делал в течение последних пяти лет, сдерживая стоимость юаня и тем самым повышая свою международную конкурентоспособность.

В результате нарушались основополагающие статьи Соглашения о МВФ (*IMF's Articles of Agreement*), согласно которым члены этой организации обязуются «избегать манипулирования обменными курсами... преследующего цель не допустить эффективную корректировку платежного баланса или обеспечить себе несправедливые конкурентные преимущества». Такая политика нарушает практические руководящие принципы МВФ, категорически запрещающие использование «продолжительных, крупномасштабных и односторонних» интервенций для конкурентного удерживания национальной валюты на низком уровне.

Результаты подобной политики беспрецедентны для крупной торговой державы. Положительное сальдо текущих операций достигло 11–12 % китайского ВВП. В следующем году профицит может приблизиться к 500 млрд долларов. Еще немного – и он сравняется с дефицитом текущих операций в США. Валютные резервы КНР превышают 1,6 трлн долларов – это самый высокий показатель в мире. Такие диспропорции и небывалый приток иностранной валюты, необходимый для проведения подобной политики, способны привести к краху доллара и «жесткой посадке» мировой экономики, резко усугубить свирепствующий ныне мировой финансовый кризис.

В прошлом некоторые страны с положительным сальдо текущих операций, например Германия 1960–1970-х и Япония 1970–1980-х годов, тоже сопротивлялись неизбежной корректировке своих национальных валют. И это при том, что их платежный дисбаланс не

идет ни в какое сравнение с нынешним китайским дисбалансом в процентном отношении к ВВП. И все же в конечном итоге указанные государства согласились соблюдать международные правила.

Однако Китай до сих пор не обращает внимания на призывы мирового сообщества изменить поведение. Объявленный в июле 2005-го переход к «управляемому плавающему курсу юаня, основанному на соотношении рыночного спроса и предложения», до сих пор не привел к существенному увеличению рыночной стоимости национальной валюты, несмотря на ускоренные в последнее время темпы удорожания юаня по отношению к доллару. Эти меры также не скорректировали огромное положительное сальдо по текущим операциям в Китае.

Пекин фактически поставил под сомнение базовую концепцию международного сотрудничества по решению этих проблем, заявляя, что обменный курс национальной валюты – это «вопрос национального суверенитета» (а не мировой экономики, в стабильности которой заинтересованы как сам Китай, так и его зарубежные партнеры). КНР даже выступила против рассмотрения этого вопроса в рамках МВФ. Ее действия несут в себе скрытую угрозу: намерение способствовать созданию Азиатского валютного фонда, подрывающего роль МВФ как всемирного валютного регулятора, стремление в долгосрочной перспективе превратить свою национальную валюту в главную региональную или даже мировую резервную валюту.

Подобная монетарная политика бросает еще более беспрецедентный вызов мировой торговой системе, поскольку серьезные диспропорции обменного курса создают мощный стимул для протекционизма в странах с пассивным платежным балансом. Это явствует из многочисленных законопроектов, представленных в Конгресс США и предлагающих введение торговых санкций против Китая.

В энергетике (КНР в скором времени станет крупнейшим потребителем энергоносителей в мире) притязания Пекина не столь прямолинейны, но лишь потому, что мировым сообществом пока не разработаны единые принципы и правила, а также не созданы организации, которые бы обеспечивали их соблюдение. Сегодня существуют, как минимум, два плохо совместимых режима в области энергетики – картель производителей (временами действующий эффективно) в лице Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и антикартель потребителей (весьма расплывчатый и несовершен-

ный) в лице Международного энергетического агентства (МЭА). Китай в своем стремлении выстроить «надежные источники поставок» создает проблемы для обеих организаций. Он не желает полагаться исключительно или даже преимущественно на рыночные механизмы, пытаясь застраховать себя от перебоев с поставками углеводородов и от рыночной конкуренции.

Здесь, как и в других областях, Китай не одинок в таком поведении. Но, будучи движущей силой самого важного товарного рынка в мире, он должен быть заинтересован больше других и нести ответственность за создание режима системного реагирования на возникающие проблемы, а не добиваться исключительных условий и особых привилегий для себя. Создается впечатление, что Пекин либо не знает о полном провале подобных стратегий в прошлом, либо уверен, что его нынешнее влияние послужит достаточной гарантией соблюдения договоров даже в трудные периоды. Похожую стратегию Китай осуществляет и в отношении других видов сырья, помимо нефти и газа.

Что касается помощи в развитии, то КНР, наверно, уже стала крупнейшим единоличным донором (в зависимости от того, что понимать под словом «помощь»). Тем самым она бросает вызов общепринятым нормам, поскольку игнорирует все виды обусловленностей, сложившиеся в сообществе доноров за последние четверть века. Пекин отвергает не только принятые социальные стандарты (в области прав человека, условий труда и защиты окружающей среды), но и фундаментальные экономические нормы (такие, к примеру, как борьба с бедностью и надлежащее управление), соблюдения которых все многосторонние организации требуют как нечто само собой разумеющееся. Свою помощь, так же как торговые и товарные соглашения, Китай обставляет различного рода условиями исключительно политического характера, настаивая на том, чтобы взамен предоставленной помощи страны-реципиенты поддерживали его позиции по международной повестке дня в ООН и других организациях. При этом они должны исправно обеспечивать китайскую экономику продуктами своей добывающей промышленности.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

Политика Китая наглядно демонстрирует, что международный менталитет этой страны не поспевает за ее поразительными успехами в экономике. КНР продолжает вести себя, как слабая страна, не об-

ладающая сколько-нибудь значительным влиянием на мировую систему в целом, а потому не несущая за нее практически никакой ответственности. Подобная инертность мышления вполне понятна, особенно если учесть, что нынешнее китайское руководство по-прежнему следует указаниям Дэн Сяопина, призывавшего к сдержанности в международной политике.

Главный принцип современной внешней политики Китая — не брать на себя ведущей роли в мире, всячески избегая затруднительных ситуаций, которые могли бы нанести ущерб способности страны сосредоточиваться на грандиозных внутренних задачах. Более того, даже самые опытные обозреватели сталкиваются с трудностями, пытаясь постигнуть скорость экономического восхождения КНР. Это чем-то напоминает взрывной рост японской экономики с начала 70-х до середины 80-х годов прошлого века, на который также последовала резкая реакция мирового сообщества, при том что Токио сохранял безучастность в отношении почти всех международных проблем.

Даже самые стойкие приверженцы современной системы мировой торговли согласятся с тем, что по крайней мере отчасти критика со стороны Китая обоснованна. В лучшем случае на переговорах в Дохе удастся добиться лишь частичной либерализации мировой торговли после почти десятилетних усилий. МВФ не может заставить страны выполнять принятые им правила и будет вынужден сократить штат. Всемирный банк утратил четкие ориентиры в своей деятельности. «Большая семерка» индустриально развитых стран заключила взаимный пакт о ненападении, и поэтому ее критика в адрес таких стран, как КНР, явно смахивает на лицемерие. А международные экономические организации во многом утратили легитимность из-за неспособности адаптировать свои структуры управления к изменениям в относительной экономической мощи разных стран. Тот факт, что с некоторыми подходами Китая можно согласиться, а те или иные озабоченности китайских лидеров вполне законны, не устраняет всей серьезности проблемы, но предполагает поиск логически оправданного и разумного решения.

Выйти из положения Вашингтону поможет скрупулезная и кардинальная перенастройка экономической политики в отношении Пекина. Не отвлекаясь на узкие проблемы двусторонних связей, следует попытаться перейти на непосредственное партнерство с Ки-

таем, дабы обеспечить совместное управление мировой экономикой. Только такой подход, который можно обозначить как базирующийся на взаимодействии «большой двойки» (G2), учитывает новую роль Китая как глобальной экономической державы, его способность на законном основании управлять мировой экономикой и быть ее архитектором.

В настоящее время США пытаются убедить КНР присоединиться к этой системе. Привязанность Вашингтона к нынешнему статус-кво понятна, если принять во внимание успехи глобальной кооперации и ту очевидную роль, которую он здесь играет. Но Пекин испытывает дискомфорт от одной мысли о простом интегрировании в систему, заслуга в создании и развитии которой ему не принадлежит.

Китайские официальные лица и политологи активно обсуждают перспективу альтернативных структур, в которых КНР могла бы присутствовать со дня их создания. Говорят, что в ходе дебатов вокруг одного особенно спорного вопроса на переговорах о вступлении в ВТО китайский посол громогласно заявил: «Мы знаем, что сейчас нам приходится играть в вашу игру, но через 10 лет правила будем устанавливать мы!» Кроме того, существующая система становится все более инертной и, возможно, единственный способ преодолеть колоссальное сопротивление любым переменам (в частности, со стороны Европы, не пожелавшей отказаться от чрезвычайных квот и нескольких мест в совете директоров МВФ) — это полностью изменить систему.

Нынешняя политика Соединенных Штатов предусматривает жесткие меры наказания за отказ от сотрудничества. Вашингтон уже несколько раз делал попытки урегулировать разногласия с Пекином на сессиях ВТО, а также мобилизовать МВФ и страны «Большой семерки» с целью предпринять санкции в отношении Китая в связи с занижением курса его национальной валюты. Однако критика в адрес Пекина не переросла в сколько-нибудь серьезное возмездие: слишком много американцев получают чрезмерно большие выгоды от фактического или потенциального взаимодействия с Китаем, и творцы такой политики не желают ставить эти отношения под угрозу. К тому же другие ведущие страны равным образом не хотят конфронтации с Поднебесной. Возможно, единственный способ убедить КНР открыться для сотрудничества состоит в том, чтобы отказаться от нынешней позиции и избрать менее конфронтационный стиль во взаимоотношениях.

« БОЛЬШАЯ ДВОЙКА »

Предлагаемая нами стратегия отчасти является попыткой по-новому взглянуть на старые проблемы и извлечь из конфликтов возможности для поступательного движения.

США и Китай могли бы совместными усилиями так построить свои региональные торговые отношения, чтобы способствовать, а не препятствовать многосторонней либерализации торговли, а в дальнейшем содействовать развитию разветвленных взаимосвязей между региональными организациями. Неспособность выдвинуть новые значимые предложения по открытию рынков на раунде переговоров ВТО в Дохе не должна приравниваться к отстаиванию законных интересов в торговле: такое поведение угрожает ВТО и интересам участия обеих стран в открытой мировой экономике. Валютное расхождение с целью усиления конкурентоспособности национальной экономики следует рассматривать как уклонение от норм МВФ, наносящее ущерб всем торговым партнерам, особенно наиболее бедным странам. Вашингтону нужно согласиться с тем, что его ошибочная фискальная политика привела к переоценке доллара, а Пекину следует признать, что политика недооценки юаня искажает картину внутреннего спроса в КНР и влечет за собой излишнее вмешательство государства в экономику. Соединенные Штаты могли бы содействовать вступлению Китая в МЭА, что поможет странам-потребителям противостоять высоким ценам на нефть.

Еще более действенным могло бы стать установление новых международных норм и учреждение организаций, с тем чтобы взять под контроль ряд проблемных областей международной жизни, которые в настоящее время никак не регулируются, несмотря на всю их важность. Речь идет прежде всего о глобальном потеплении и фондах национального благосостояния. На сегодняшний день Пекин наотрез отказался даже касаться темы ограничения вредных выбросов. Соединенные Штаты придерживаются той же позиции, но, скорее всего, она резко изменится после президентских выборов в США в ноябре независимо от того, кто одержит в них победу.

Вместе с тем режим ограничения выбросов может привести к установлению странами-участницами торговых барьеров против углеводородного сырья, поставляемого неприсоединившимися государствами. Более того, проблему глобального потепления нельзя решить без Китая, который превратился в главный источник загрязнения окружающей среды. Если Вашингтон и Пекин не найдут

пути для сотрудничества и совместного решения этой проблемы, между ними может вспыхнуть торговая война, а проблема окружающей среды так и останется нерешенной.

КНР уже скептически отозвалась о принятии новых международных руководящих принципов, пусть даже добровольных и ни к чему не обязывающих, в отношении структуры и инвестиционной деятельности фондов национального благосостояния. Но Соединенные Штаты настаивают на необходимости введения системы правил, способствующих беспрепятственному осуществлению зарубежных инвестиций и устранению протекционистских барьеров. Ввиду особенной зависимости американской экономики от китайского капитала, отсутствие по данному вопросу какого-то нового соглашения способно послужить поводом для лобового столкновения обеих сверхдержав. К этому могут привести либо неприятие Китаем новых руководящих принципов, либо отказ Соединенных Штатов от китайских инвестиций в особо важных сферах.

Решение старых или новых проблем, опасность выхода ситуации из-под контроля настоятельно требуют развития сотрудничества между США и Китаем в формате «большой двойки» (*G2*). В некоторых случаях необходимо привлекать к участию в решении глобальных проблем и другие крупные организации и державы, в частности Европейский союз и Японию. Новые правила, кодексы либо нормы зачастую целесообразно вводить через уже существующие организации, такие, например, как МВФ и ВТО. Однако некоторые из них будут работать более эффективно в рамках совершенно новых всемирных организаций, которые еще могли бы быть созданы в целях решения возникающих проблем. Скажем, Всемирная экологическая организация — для борьбы с глобальным потеплением. Однако любой действенный системный ответ на международные экономические вызовы в современном мире должен начинаться с активного и плодотворного сотрудничества между двумя ведущими экономиками мира — Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой.

Конечно, официальное использование термина «большая двойка» Вашингтоном и Пекином было бы политически нецелесообразно, учитывая особую чувствительность других государств к таким вопросам. Но чтобы данная стратегия начала работать, США придется отдать Китаю приоритет в качестве важнейшего партнера по управлению мировой экономикой и в каком-то смысле отодвинуть Европу на второй план. На меньшее Пекин вряд ли согласится, да

и Соединенные Штаты не смогут в полной мере осуществлять ответственное руководство, в котором весь мир так отчаянно нуждается.

Некоторые шаги в этом направлении уже были предприняты. После того как я озвучил идею *G2* в конце 2004 года, Роберт Зеллик, вступив в феврале 2005-го в новую для него должность помощника государственного секретаря, начал обсуждать этот формат с китайскими партнерами. В 2007 году министр финансов Генри Полсен поднял вопрос взаимодействия между обеими странами на новый уровень, известный сегодня как стратегический экономический диалог США – Китай. В нем участвуют по десять ключевых министров с каждой стороны. Итак, начальный институциональный каркас для работы в рамках «большой двойки» создан, и сотрудничество в таких областях, как охрана окружающей среды и мировые финансы, уже развивается. Однако совершенно недостаточно считать Пекин «ответственным участником» процесса. Необходимо видеть в нем управляющего партнера, который обладает всеми положенными ему правами.

Подобного рода отношения между богатой, развитой страной и бедным, развивающимся государством претендуют на то, чтобы быть беспрецедентными в истории человечества, равно как и само понятие бедной экономической сверхдержавы, каковой КНР на самом деле и является. Однако достаточное число примеров аналогичного сотрудничества в конкретных областях дает основание полагать, что обсуждение проблем, возникающих между США и Китаем, могут способствовать дискуссии о системном управлении мировой экономикой.

Например, в конце 1970-х Соединенные Штаты облагали большое количество бразильских продуктов компенсационными пошлинами, поскольку экспортные субсидии Бразилии достигали почти половины стоимости всех продаж этой страны на внешнем рынке. Лобовая атака на субсидии была политически неприемлемой в Бразилии, но две страны договорились о тесном сотрудничестве и участии в переговорном процессе для принятия нового свода правил по субсидиям в рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) – предшественника ВТО. Это соглашение положило начало успешному раунду торговых переговоров в Токио, явилось основанием для того, чтобы добавить отдельную статью об ущербе в закон США о компенсационных пошлинах и постепенно свернуть политику государственных дотаций в Бразилии.

Готовы ли Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика к столь радикальной переориентации? Вашингтону, вероятно, потребуется признать роль Китая как полноправного партнера в управлении мировой экономикой, а также необходимость развивать с этой азиатской страной более тесные рабочие отношения, чем с традиционными европейскими союзниками, и стремиться наладить конструктивное взаимодействие с авторитарным политическим режимом, нежели с демократией. Все эти перемены будут означать серьезные вызовы для творцов американской политики и, скорее всего, спровоцируют политическое противодействие внутри страны.

Пекин быстрыми темпами приближается к тому моменту, когда избранная им стратегия интеграции в мировую экономику заставит его взять на себя повышенную ответственность за ее успешное функционирование. Другими словами, собственные интересы Китая подтолкнут его к сотрудничеству с Соединенными Штатами, предлагающими совместными усилиями направлять мировую экономику во взаимоприемлемое русло. Китайцы горячо обсуждают сегодня, следует ли их стране и дальше действовать в одностороннем порядке или включиться в международную систему. Перспектива реального партнерства могла бы решительным образом склонить колеблющуюся чашу весов в пользу второго варианта и тем самым повысить вероятность того, что КНР продолжит поступательное движение, не разжигая при этом конфликтов, характерных в прошлом для быстро развивающихся стран.

Если Китай не желает слишком тесного сближения с Соединенными Штатами (скажем, из-за постоянных противоречий по вопросам безопасности), то, конечно же, возможно альтернативное институциональное устройство. Европейский союз с самого начала мог бы стать членом «большой тройки» (G3) — существующей на сегодняшний день группы глобальных экономических сверхдержав. Еще одна возможность — это «большая пятерка» (G5), недавно созданная Международным валютным фондом для осуществления интенсивного, многостороннего консультативного процесса. В эту структуру, помимо указанных государств, входят Япония и Саудовская Аравия (представляющая интересы производителей нефти). Главное — включить Китай в состав новой и эффективной управляющей группировки стран, учитывая его решающую роль в мировой экономике и его законное желание участвовать в системном руководстве на всех значимых стадиях этого процесса.

Семь президентских сроков кряду США предпочитают сотрудничать с КНР, избегая противостояния и придерживаясь вполне разумной точки зрения, согласно которой неспровоцированная конфронтация только повредила бы американским интересам. Учитывая явные признаки того, что экономический бум в Китае будет продолжаться, та же логика подсказывает, что Вашингтон предпримет все необходимые усилия, чтобы установить подлинно партнерское взаимодействие с Пекином в целях управления мировой экономикой. Создание формата *G2* снизило бы, как минимум, риск двусторонних разногласий, подрывающих мировую экономику в целом и американо-китайские отношения в частности. Как максимум же, со временем был бы запущен процесс укрепления доверия и взаимопонимания, способствующий активному и эффективному сотрудничеству по важнейшим вопросам.

В настоящий момент перспективы такого сотрудничества далеко не ясны. Но кроме различий у обеих стран есть много общих интересов, и их глобальные экономические позиции скорее сближаются, нежели расходятся. Достижение того уровня партнерства, о котором идет речь в данной статье, потребует много времени и усилий. Однако ставки столь велики, что даже частичный успех сам по себе ценен, и единственный способ определить жизнеспособность предложенной идеи — это попытаться ее осуществить. Предстоящие переговоры, призванные выработать всеобщую стратегию противодействия глобальному потеплению, дают реальную возможность испытать предложенный принцип взаимодействия на практике.

Многополярная гегемония

Согласится ли Китай править миром вместе с США

Александр Ломанов

Рассуждения американских экспертов о перспективах «партнерства равных» с КНР и способах интеграции Пекина в созданный Соединенными Штатами либеральный мировой порядок демонстрируют новый подход к изменению глобального баланса сил. Америка начинает осознать, что период ее непревзойденного могущества завершится через полтора-два десятилетия. После этого главной экономической силой на планете станет Китай. По расчетам Альберта Кейделя (фонд Карнеги), к 2020 году объем китайского ВВП сравняется с американским при пересчете по паритету покупательной способности, а к 2030-му — в исчислении по обменному курсу валют. К 2050 году китайский ВВП вдвое превзойдет американский.

Этот прогноз нельзя назвать сенсационным, поскольку устойчивый и быстрый рост китайской экономики давал основания для таких расчетов уже в прошлом десятилетии. Однако неуклонное приближение мирового лидерства КНР все равно стало неожиданностью для Запада. Всего девять лет назад на страницах *Foreign Affairs* появилась статья Джералда Сигала «Имеет ли Китай значение» (*Foreign Affairs*. September/October 1999. Vol. 78. No. 5), где мощь Пекина была названа «иллюзорной» и создаваемой воображением самого Запада. «Китай в лучшем случае является второсортной средней державой, которая освоила искусство дипломатического театра», — успокаивал Сигал. Теперь китайские аналитики с долей злорадства вспоминают о той публикации как о примере непонимания происходящего в КНР.

А.В. Ломанов — д. и. н., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Китайские эксперты признают, что страна получила огромные выгоды от участия в созданной Западом глобальной либеральной экономической системе. Благодаря ей китайские товары во все большем количестве поступают на мировой рынок. Одно из расхожих объяснений внутри Китая сводится к следующему: поначалу Запад хотел, чтобы КНР постигла судьба Советского Союза. Но трезвая оценка последствий краха огромной многонаселенной страны побудила пересмотреть подход и помочь Китаю продолжить нормальное развитие. Похоже, что Запад создавал для Пекина благоприятные условия вхождения в мировой экономической порядок, исходя из того, что рост благосостояния и обязательство соблюдать общепринятые правила игры создадут в стране условия для ускорения политических реформ и демократизации.

Однако этот либеральный расчет не оправдался, темпы политических преобразований заметно отстают от продвижения рыночных реформ. А это означает, что Пекин обретет статус мирового экономического лидера, сохранив однопартийную систему и формальную приверженность «специфически китайскому социализму». Что бы ни думали по данному поводу западные политики, поделаться с этим они ничего не могут: в условиях глобализации никто не «задвинет» Китай на последние места в мировом рейтинге, лишив его экономических выгод. Растет экономическая взаимозависимость, которая открывает путь для воздействий в обоих направлениях — теперь КНР и сама может влиять на Запад.

На уровне практической политики фактор усиления Китая учитывался администрацией Джорджа Буша-младшего. Сближение с Пекином стало ее успехом, особенно заметным на фоне серьезных экономических неудач внутри страны и военно-политических проблем за ее пределами. Однако интеллектуальным ответом неоконсерваторов на возвышение новых стран — КНР и России — стал призыв к еще более тесному сплочению рядов старых демократий Запада. С идейной точки зрения этот сценарий выглядит безупречно, но в экономическом отношении он означал бы создание «альянса отстающих», лишенного долгосрочной перспективы развития.

Политическое противостояние «демократического блока» и новых центров роста принесло бы убытки обеим сторонам. При этом надежда на повторение опыта XX века, когда Западу в ходе соперничества удалось измотать и обескровить экономику советского блока, является в наши дни опасной иллюзией. Если китайская эко-

номика в ближайшие два десятилетия продолжит расти на 7–8 % в год, а западная (США и ЕС) – на 2–3 %, то попытки изоляции и экономического бойкота нового лидера с каждым годом будут обходиться «демократическому блоку» дороже, нанося оппоненту все менее значительный ущерб. И тогда где-нибудь в середине нынешнего столетия Соединенные Штаты смогут ощутить себя в положении бывшего СССР, чья огромная военная мощь оторвалась от скромного мирового экономического влияния.

«БОЛЬШИЕ ДВОЙКИ»

Предложение создать американо-китайскую дуополию для управления мировой экономикой выглядит как пример классического реализма во внешней политике. Оно опирается на концепцию баланса сил, исключая любые намеки на проблему ценностных ориентиров. Заполучив в лице Пекина прагматичного, гибкого и сильного партнера, США могли бы создать союз двух крупнейших экономик мира. Однако появление «большой двойки» способно оказать непредсказуемое влияние на нынешние альянсы.

Скорее всего, к дуополии примкнет Япония, пытаясь извлечь максимум выгод из экономического сотрудничества с Китаем и военно-политического – с Вашингтоном. А вот Евросоюз может оказаться в положении «третьего лишнего», хотя на уровне внешнеполитических лозунгов США будут заверять европейцев в трансатлантической солидарности, а Китай – в приверженности взаимовыгодному сотрудничеству. Если гипотетический американо-китайский альянс выйдет за рамки экономики и приобретет политическое измерение, это может побудить Европу к расширению ресурсной и геополитической базы путем вступления в союз с Россией. Европейский союз с его амбициями вряд ли согласится на снижение своего статуса (от второго в нынешнем партнерстве с Соединенными Штатами к третьему по весу участнику в американо-китайском альянсе), тогда как в партнерстве с Москвой он будет ощущать себя равноправным лидером.

На фоне резкого обострения полемики между Западом и Россией после событий августа 2008-го подобное развитие кажется маловероятным, поскольку у Запада появился повод для сплочения в рамках старого альянса. Вместе с тем конфликт вокруг Грузии показал, что для поддержания своего мирового влияния США нуждаются в новых сильных союзниках. А это лишь повышает вероятность сближения Вашингтона и Пекина.

С другой стороны, на фоне охлаждения отношений с Соединенными Штатами Россия, скорее всего, продолжит попытки сближения с Европой и формирования новых механизмов сотрудничества с соседями по континенту. В частности, можно вспомнить недавнее российское предложение о заключении нового соглашения по безопасности. В перспективе это открывает путь к формированию другого «альянса двух» — между ЕС и Россией, который станет ответом на союз Америки и Китая, будучи его младшим двойником, сходным образом построенным на принципах *Realpolitik* и жертвующим «западными ценностями» во имя общих интересов. Заметим, что оба возможных альянса будут похожи друг на друга своей внутренней асимметричностью: один партнер лидирует в военно-политической сфере (США, Россия), другой доминирует в экономической области (КНР, Евросоюз).

Перспектива превращения Китая в сильнейшего мирового игрока обрисовалась столь недвусмысленно, что теперь дружить с Пекином хотят все. Европейский союз также был бы не прочь создать выгодный стратегический блок с Китаем. Чарлз Грант и Катинка Барыш из Центра европейских реформ полагают, что у Европы есть шанс перетянуть Китай на свою сторону. Соединенные Штаты с их склонностью к односторонним действиям вряд ли склонят Пекин к сотрудничеству, тогда как ЕС с его многообразием и многосторонностью куда лучше подходит КНР в качестве партнера. К тому же для США Китай — не только источник проблем в области торговли и финансов, но и стратегический соперник в Восточной Азии, что порождает военно-политическое недоверие между обеими странами, плохо совместимое с планами совместного управления мировой экономикой.

Однако Европа не едина и страны Восточной Европы по просьбе США могут легко похоронить планы сближения с «авторитарным» Пекином. Благодаря влиянию на «новоевропейцев» и вследствие углубления раскола в рядах Евросоюза Вашингтон имеет хорошие шансы показать себя в качестве единственного достойного западного партнера для создания альянса с КНР. К тому же в отличие от Соединенных Штатов, где группы интересов выясняют отношения на национальном уровне, ведущие индустриальные страны ЕС ведут межгосударственное соперничество на китайском рынке и стремятся к двусторонним договоренностям с Пекином для получения наибольших выгод. При всем желании Европейский со-

юз пока не готов к проведению единой и конструктивной политики сотрудничества с Китаем (как, впрочем, и с Россией).

Остается еще один весьма важный вопрос: нужен ли такой альянс Пекину и готов ли он отказаться от традиционного внешнеполитического курса, отвергающего возможность союзнических отношений с другими государствами? В 1950-х годах острая необходимость в получении иностранной помощи для ускоренной модернизации побудила Мао Цзэдуна «опереться на одну сторону» путем создания альянса с СССР, чтобы потом, накопив силы, двинуться дальше своим путем. Сейчас внешняя ситуация благоприятствует развитию КНР и явной потребности в союзниках у него нет. Ценой больших уступок Китай уже вступил в ВТО, реформа ООН пока стоит на повестке дня, под вопросом и шансы Пекина на реализацию планов кардинального преобразования существующих международных институтов или создания новых структур.

К тому же поспешное заключение альянса с США на нынешнем этапе может породить внутри КНР споры о его «равноправности». Бывший китайский посол в Москве Ли Фэнлинь недавно охарактеризовал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР (1950) как «неравноправный», поскольку Китай оказался в те годы в положении «опекаемой» и «защищаемой» стороны, а соотношение сил обеих стран было несоизмеримым. Эти слова ранили чувства многих российских ветеранов, принимавших участие в оказании братской помощи и поддержки китайскому народу. Однако в китайской системе внешнеполитических координат равноправные договоренности возможны лишь между игроками с равными потенциалами. Если спроецировать эту логику на перспективы альянса КНР и США, то при сохранении американского лидерства союз также может оказаться «неравноправным» из-за разницы в весе двух стран, т.е. не в пользу Китая.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗАТИШЬЕ

Китайские эксперты отмечают, что после инцидента со столкновением над морем в 2001-м военных самолетов Китая и Соединенных Штатов взаимоотношения обоих государств сохраняют устойчивость — это самый длительный период стабильности после окончания холодной войны. Внутри Китая это затишье связывают с событиями 11 сентября 2001 года, но дают ему два разных объяснения. Одни считают, что пауза носит временный характер, а стабиль-

ность отношений обусловлена внешними причинами. После того как Вашингтон ослабит борьбу с терроризмом и снизит активность на Ближнем Востоке, противостояние с Пекином может возобновиться. Другое объяснение сводится к тому, что внешние причины уже не играют определяющей роли, а стабильность в отношениях между Китаем и США обусловлена растущими внутренними потребностями обеих стран в сотрудничестве друг с другом.

Китайские аналитики склонны отвергать тезис о том, что Пекин добился ускорения экономического роста благодаря антитеррористической кампании Буша. «Ослабление внимания» к КНР было лишь частичным, а американцы продолжали наращивать военное присутствие в Восточной Азии. Вместе с тем китайцы признают, что роль внешних стимулов в сотрудничестве между Китаем и Соединенными Штатами (наподобие «советской угрозы» в годы холодной войны или нынешней борьбы с террором) снижается. После решения ядерной проблемы Северной Кореи и Ирана значение внешних стимулов станет минимальным, после чего решающую роль для развития партнерства будут играть внутренние стимулы.

Директор Института США при Китайском институте современных международных отношений профессор Юань Пэн полагает, что ныне перед китайской дипломатией стоит задача создания стратегического доверия между Пекином и Вашингтоном, расширения пространства для сотрудничества. Главный вопрос, которым задаются ныне китайские аналитики, — достаточно ли экономической взаимозависимости для формирования доверия в области политики и безопасности. Оценивая начатый в 2006-м по инициативе лидеров обеих стран Стратегический экономический диалог, которым так гордится его американский сопредседатель, министр финансов Генри Полсон, они отмечают, что США используют этот механизм для оказания давления на Китай, добиваясь уступок по валютному курсу юаня и открытию финансового рынка КНР.

Призывы Полсона открыть финансовый рынок и изменить модель роста «в интересах здорового развития китайской экономики» были восприняты в КНР как «стратегическая ловушка», призванная дестабилизировать китайскую экономику для торможения скорости повышения мирового статуса страны. Эксперт отмечает, что углубление внутренних преобразований создает условия для сближения с Соединенными Штатами: например, открытие финансового рынка входит в число целей экономической реформы, оно «будет проведе-

но и без давления на Китай со стороны США». Другое дело, что китайские реформаторы не будут уступать нетерпеливости американцев и рисковать проведением неподготовленных преобразований.

Однако с каждым днем условия для торга будут становиться все более выгодными для усиливающегося Китая и все менее выгодными для Запада, отстающего в темпах развития. Профессор Института экономики Чжэцзянского университета Сун Юйхуа отмечает, что если смотреть на ситуацию в статике и на ближайшую перспективу, то степень зависимости Китая от США превосходит зависимость Соединенных Штатов от КНР. Поэтому в экономическом диалоге США постоянно повышают запросы, Китаю приходится постоянно соглашаться и уступать, темы для диалога определяют американцы, а его результаты в большей степени приносят выгоду Вашингтону. Однако в динамике, а также на средне- и долгосрочную перспективу, перемены будут благоприятны для Китая. По мере роста китайской экономики и возрастания значимости КНР в мировой экономике и политике степень зависимости Соединенных Штатов от Пекина будет увеличиваться, а баланс зависимости двух стран станет выравниваться.

Экономикой споры не ограничиваются. США раздражают Китай поддержкой Тайваня, критикой «непрозрачности» программы модернизации китайской армии и сотрудничества Пекина с «проблемными странами» наподобие Судана или Мьянмы. «Оранжевые революции» на постсоветском пространстве и сближение Соединенных Штатов с Индией, Монголией и Вьетнамом воспринимаются в Китае как вызов в сфере безопасности. К тому же стремление Пекина деидеологизировать внешнюю политику не находит отклика за океаном: администрация Белого дома продолжает рассуждать о необходимости демократизации Китая, американское руководство встречается с оппонентами Пекина (синьцзянскими и тибетскими «сепаратистами», представителями неофициальных христианских сект, гонконгскими демократами).

Юань Пэн отмечает, что КНР и США выступают как два сильных государства, в отношениях между которыми одностороннее давление для воздействия на партнера уже не может дать результата. По мнению эксперта, ныне обе стороны должны ограничивать себя и подавлять конфронтационные элементы, ослаблять влияние на двусторонние отношения идеологии и внутренней политики. В перспективе между обеими странами должна возникнуть стратегическая стабильность нового типа, отличающаяся от опыта отношений Соединенных Штатов с СССР и их нынешними союзниками.

Стабильность в американо-советских отношениях базируется на балансе военных сил и «равновесии ядерного устрашения»; стабильные отношения США с ЕС и Японией после холодной войны основываются на единстве общественного строя и идеологии — их можно назвать «союзом общих ценностей». Однако Китай не вписывается ни в одну из этих схем: он не стремится ни к наращиванию военной мощи по образцу Советского Союза, ни к отказу от социализма и власти компартии. Эксперт призывал КНР и Соединенные Штаты создавать «модель стратегической стабильности в условиях глобализации, различий в общественном строе и моделях цивилизационного развития, асимметричности военной мощи и углубления экономической взаимозависимости».

Предложения о партнерстве, звучащие с обеих сторон, содержат обширные списки упреков и пожеланий, которые на деле могут оказаться невыполнимыми. Отсутствие общих либеральных ценностей сделает гипотетический альянс некомфортным для Вашингтона, а отсутствие военного паритета и цепочка американских военных баз по периметру границ КНР вряд ли настроят Пекин на доверие к партнеру. Вместе с тем китайский политологический мейнстрим, отражающий позицию Пекина, готов поддержать главный тезис Джона Айкенберри — в будущем Китай не станет предпринимать действия по разрушению нынешней глобальной системы, которая в целом его устраивает и от которой он научился получать неплохие дивиденды.

Преподаватель Центра изучения США Фуданьского университета Сун Гою предупреждает, что угроза партнерству может исходить из Соединенных Штатов. Пока Америка молчаливо наблюдает за усилением Китая, но за океаном постепенно теряют терпение и могут решить, что Пекин получает слишком много выгод и по-прежнему развивается не в том направлении, какое нужно Вашингтону. По мнению эксперта, китайским властям не стоит успокаивать себя оптимистическими надеждами на то, что США и далее будут поддерживать тенденцию к укреплению экономической взаимозависимости обеих стран.

У взаимозависимости есть цена, и американцы неизбежно попытаются извлечь из нее выгоды, побуждая Китай к уступкам. Но это не основание для разрыва с Соединенными Штатами, если только дело не будет касаться Тайваня и территориальной целостности страны. Однако в долгосрочной перспективе Пекину нужно гото-

виться к возможным столкновениям интересов двух стран: «Если усиление Китая во всех сферах будет “мирно” угрожать главенствующей позиции США, то смогут ли США “мирно” посмотреть на это и выполнить справедливые требования Китая?»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПАРТНЕРСТВО

Нынешние китайские споры о будущем партнерстве с Соединенными Штатами в той или иной степени отталкиваются от американского тезиса о желательности превращения Китая в «ответственного участника» (*responsible stakeholder*), выдвинутого в сентябре 2005 года тогдашним заместителем госсекретаря Робертом Зелликом. Китайские эксперты воспринимают эти слова неоднозначно, видя в них не только лестное для национального самолюбия признание международного веса КНР, но и опасное приглашение к отказу от национальных интересов в пользу поддержки западной политики в тех сферах, где это может нанести ущерб Китаю, — от ревальвации юаня до заимствования либеральных ценностей.

Новая зарубежная «теория ответственности Китая» трактуется как последствие эволюции прежних попыток воздействия на Пекин с помощью обанкротившихся теорий «краха Китая» и «китайской угрозы». В 1990-х «теория краха» была построена на преувеличении трудностей во внутреннем развитии КНР, и она утратила влияние по мере успешного развития страны. Сменившая ее «теория угрозы» постепенно теряет позиции по мере повышения международного авторитета Пекина и укрепления его связей с внешним миром. Теперь же с помощью «теории ответственности» Запад якобы пытается навязать Китаю свои правила игры, пытаясь повлиять на его политику.

Эксперт Шанхайского института международных проблем Нью Хайбинь считает «теорию ответственности» вызовом для китайской дипломатии. В отличие от предыдущих «теорий» она более нейтральна и объективна, ставит на первое место диалог и консультации вместо механизмов сдерживания. Вместе с тем она окрашена в либеральные тона и лишена реалистичности. КНР не может отказаться от ответственности, но, по мнению эксперта, необходимо проводить четкое разделение между обязательствами перед США и перед мировым сообществом в целом.

Соединенные Штаты хотят, чтобы Китай «взял на себя издержки по защите американской гегемонии». Евросоюз добивается прогресса в сферах энергетики, открытости рынка и прав человека. Раз-

вивающиеся страны ждут от КНР снижения взаимной торговой конкуренции, помощи и льготных кредитов. Это означает, что Китай будет нести международную ответственность, но не в том виде, как ее определит для него небольшое число развитых стран, а исходя из национальных интересов и внутривластного приоритета ответственности властей за развитие страны.

Слабость американской позиции в том, что Зеллик предложил Китаю «доплатить» задним числом за те преимущества, которые уже были получены от расширения торговли с Западом. Пекин подчеркивает, что при вступлении в международные организации он взял на себя обременительные обязательства и теперь их старательно выполняет, что делает дополнительные требования безосновательными как юридически, так и морально. Это обстоятельство учитывает в своей статье Фред Бергстен, указав, что Китаю недостаточно, чтобы к нему относились как к «заинтересованной стороне» без надления его статусом полноправного и подлинного партнера по глобальному руководству. Вместе с тем тезис Зеллика оказал огромное воздействие на китайский политологический дискурс, стимулировав обсуждение перспектив партнерства и сближения между Пекином и Вашингтоном.

Эксперт Института международной стратегии и развития Школы государственного управления при Университете Цинхуа профессор Чу Шилун в недавней публикации указал, что Китай выступает как защитник нынешней международной системы, а это способствует сближению позиций с Западом. По мнению эксперта, свою роль в этом процессе играет и все большая уверенность КНР в своих силах. Воспоминания о силовом давлении со стороны Запада и Японии сформировали среди китайцев специфическую «психологию пострадавшего». Именно с этим была связана резкая реакция на действия Запада в Косово в 1999-м, вызвавшие опасения, что формула «права человека выше суверенитета» может быть применена и в других частях мира, включая Тибет и Синьцзян. Но когда в 2003 году началась война в Ираке и некоторые китайские эксперты выступили с осуждением американского гегемонизма, уже почти никто не связывал эти события с возможной угрозой национальной безопасности КНР.

При этом меняются ценностные воззрения. Если в прошлом Китай стремился любой ценой отмежеваться от США и выступал против любой войны, которую они ведут, то иракскую войну Пекин официально не поддержал и не осудил. Чу Шилун отмечает, что это

решение правительства КНР было принято исходя из международной ситуации, отношений с Соединенными Штатами и Ираком. Однако ценностные воззрения также сыграли свою роль: «американо-британская война для навязывания ценностей иракскому народу была гегемонистским действием, но правительство Китая учло и то плохое, что за 20 лет Саддам принес интересам своего народа, безопасности соседних стран и стабильности региона», принимая во внимание факторы международной справедливости и морали.

По мнению эксперта, традиция выступления против чего-либо (империализма, колониализма или ревизионизма) покидает китайскую внешнюю политику, а оставшийся тезис о противодействии гегемонизму уже утратил былой ключевой статус: «Постепенное изменение культуры “выступления против” отрадно; оно показывает, что Китай во все большей степени становится “нормальной страной”, активным и позитивным членом мирового сообщества».

О степени продвижения Пекина к новым ценностям свидетельствует и статья с красноречивым заголовком «О возможности “совместного господства” Китая и США», появившаяся в начале года на страницах издающегося в Пекине журнала «Сяньдай гоцзи гуаньси» (Современные международные отношения. 2008 № 2. С. 28–32). Ее авторы принадлежат к новому поколению китайской интеллектуальной элиты: Хуан Хэ является постдокторантом Нанкинского университета и научным сотрудником Института изучения международных проблем совместного Китайско-американского культурного центра Нанкинского университета и Университета имени Джонса Хопкинса; его соавтор Чжу Ши — докторант Нанкинского университета. Хуан и Чжу полагают, что «совместное господство» (кит. гун чжу в английском оглавлении журнала переведено как *joint dominance*) Китая и Америки вполне возможно и весьма желательно.

Их рассуждения отталкиваются от западной «теории гегемонистской стабильности», согласно которой для поддержания устойчивости мировой системы требуется государство-гегемон, которое может и хочет предоставлять мировому сообществу общественные блага. После окончания холодной войны эту миссию выполняли США в рамках концепции «однополярной стабильности». Однако в период упадка гегемонии предоставление международных общественных благ требует участия других стран. Америке на этом поприще необходим «соратник», которым и может стать Китай.

Ссылаясь на идеи американских экономистов Чарльза Киндлберге-

ра и Роберта Гилпина, Хуан и Чжу характеризуют «гегемона» как руководителя процессом предоставления международных общественных благ, обладающего мощной экономикой, позволяющей брать на себя огромные издержки. Однако нынешняя гегемония Соединенных Штатов эгоистична, она в значительной степени повредила принципам взаимного сотрудничества и совместного развития мирового сообщества, примером чему служат события в Ираке. Отражая эти тенденции, Гилпин выдвинул увлекшую китайских авторов гипотезу «разделения ответственности», согласно которой американской гегемонии требуется поддержка иностранных партнеров.

Необходимость в оказании Китаем помощи США «для уменьшения бремени по урегулированию мирового порядка становится все более и более очевидной». Хуан Хэ и Чжу Ши полагают, что «усиление ведущей роли КНР в мировых делах вовсе не обязательно несовместимо с американским руководством мировым порядком, как вода и огонь». Если новый порядок будет достаточно гибким и позволит «провести урегулирование на глобальном уровне в соответствии с переменами в распределении сил», то обе страны могут наладить плодотворное взаимодействие.

«Будущая мировая стабильность требует “совместного господства” Китая и США. Благо сотрудничества двух сильных состоит в прочной стабильности. Ведь у сильных стран, способных поддерживать сотрудничество, мощь сохраняет устойчивое равновесие, и поэтому сравнительно мала вероятность того, чтобы у двух сотрудничающих в защите мирового порядка государств мощь одновременно находилась в цикле упадка. Следовательно, поскольку поддерживает порядок не одно, а много государств и не существует одного государства со всеподавляющими преимуществами, то все вопросы придется решать на основе консультаций. В соответствии с этим на поддержание международного общественного блага ведущие страны вместе выделяют деньги, выделяют людей».

Хуан и Чжу полагают, что для Пекина сотрудничество с Вашингтоном в руководстве мировым порядком является выражением «внутренней потребности экономического развития в мирных и стабильных международных условиях». Напомнив слова Дэн Сяопина о том, что отношения Китая с Соединенными Штатами «в конце концов улучшатся, надо только продолжать контакты и развивать связи», китайские авторы заключили, что в XXI веке число элементов, благоприятствующих сотрудничеству, неуклонно растет. В эко-

номике и инвестициях уже сложилась ситуация «взаимного ущерба и процветания», да и в стратегической культуре обеих стран есть элементы, активно способствующие поддержанию сотрудничества.

Китайские эксперты признают, что США оказались в парадоксальной ситуации. После включения в международную систему Китай «выучил» предусмотренные ею идеалы и образ мысли, продвинулся к открытости и прозрачности, принял на себя еще больше международных обязанностей и ограничений — как и хотели Соединенные Штаты. С другой стороны, как часть мировой системы Пекин не только взял на себя обязанности, но и пользуется правами, благодаря чему в международный механизм все более проникает китайский компонент, «неизбежно давая США почувствовать все больше ограничений».

Хуан и Чжу отмечают, что при разработке модели сотрудничества Китая и Соединенных Штатов прежде всего придется подумать о создании механизма координации, чтобы решить проблему «безбилетника» при создании и распределении международного общественного блага. Стержневой проблемой проекта будет накопление финансовых средств. Авторы напомнили о «налоге Тобиана» на операции с инвалютой, призванном уменьшить спекулятивную активность и нестабильность валют, снизить уязвимость экономической политики государства перед лицом ударов извне, увеличить выгоды мировых организаций и собрать капитал для предоставления международных общественных благ. Другая идея принадлежит Джорджу Соросу — создание спецфонда на основе пожертвований богатых государств для оказания международной помощи. По этой логике КНР и США должны создать общий фонд не менее чем на 30 млрд дол. с возможным участием в нем других сильных государств. Третье направление — привлечение официальных и частных средств, мобилизация разнообразных ресурсов.

Практическая сторона альянса двух стран в этой трактовке ограничивается появлением каналов поступления средств и источника для дополнительных инвестиций в создание глобальных общественных благ, а также организацией площадки для совместных международных действий. Однако обращает на себя внимание вывод: «В “совместном господстве” Китая и США обе стороны обязательно должны хотеть уважать принцип подчиненности, то есть в каждом намеченном действии позволять государству, обладающему большим объемом знаний и главенствующими экономическими ме-

ханизмами, играть главную роль». Поскольку мировое экономическое лидерство Пекина кажется ныне делом предрешенным, эта формулировка выглядит как претензия на китайское руководство в «большой двойке».

Появление в 2008-м в Соединенных Штатах и КНР публикаций на тему «партнерства равных» и «совместного господства» указывает на возможность создания новых альянсов, способных изменить расстановку сил в глобальном масштабе. Трудно предугадать, в какой степени эти идеи могут увлечь новую американскую администрацию, которая появится после президентских выборов. Однако партнерство с Китаем стало одним из политических приоритетов при уходящей республиканской администрации. Это дает основание предполагать, что курс на сближение сохранится при любом хозяине Белого дома.

В Китае ситуация еще более предсказуема. Смена власти намечена на 2012 год, имена одобренных партийной элитой преемников уже известны — это Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Им предстоит править страной до 2022-го — в решающее десятилетие выхода страны на уровень экономического паритета с США. И если нынешние теоретические изыски перерастут в практические действия с обеих сторон, то именно этим китайским деятелям предстоит вести разговор с Америкой о создании «большой двойки».

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, международных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>

По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ

По вопросам подписки обращайтесь:

в России:

тел.: (095) 777-6557, 318-0937,

факс: (095) 318-0881

E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:

тел.: (763) 550-0962,

факс: (763) 559-2931

E-mail: sales@eastview.com

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
- АВДЕЕВ**
Александр Алексеевич
(в личном качестве) министр культуры РФ
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., профессор МГИМО (У) МИД России
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по науке и технологиям, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЫК Борис Николаевич** член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий

КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., глава общественного комитета «Россия в объединенной Европе»
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США

ЮРГЕНС
Игорь Юрьевич

к. э. н., председатель правления Института современного развития, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)

ЯСТРЖЕМБСКИЙ
Сергей Владимирович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН
Анатолий Леонидович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

БУТОРИНА
Ольга Витальевна

д. э. н., советник ректора МГИМО (У) МИД России

ВИШНЕВСКИЙ
Анатолий Григорьевич

д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ

ДУБИНИН
Юрий Владимирович

профессор МГИМО (У) МИД России,
заслуженный работник дипломатической службы РФ

ГРИГОРЬЕВ
Леонид Маркович

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН,
президент Института энергетики и финансов

ЛОМАНОВ
Александр Владимирович

д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН

МИРСКИЙ **Георгий Ильич**

д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

ЭНТИН **Владимир Львович**

к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН **Владимир**
Олегович (председатель)

президент холдинговой компании «Интеррос»

ВАРДАНЯН **Рубен Карленович**

президент ЗАО ИК «Тройка Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ **Сергей**
Владимирович

генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ
Владимир Петрович

к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»

ЗЮЗИН **Игорь Владимирович**

к. т. н., генеральный директор ОАО «Мечел»

КУЗЯЕВ **Андрей Равелевич**

президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ
Валерий Михайлович

генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Журнал можно приобрести в магазинах:

В Москве:

- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- В киосках «МН-Пресс»
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА

В Санкт-Петербурге:

- «Дом книги», Невский пр-т., 28

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: 10877

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: 14216
для англоязычного издания: 14464

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

■ Агентство «Информнаука», тел. (495) 787-3873

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ОТП Банк», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)